

ОКЕНЪ.

МНЕМОЗИНА,

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ,

ИЗДАВАЕМАЯ

Кн. В. Одоевскимъ и В. Кюхельбекеромъ.

—————

ЧАСТЬ II.

—————

МОСКВА.

Въ Типографіи Императорскаго Московскаго
Театра, 1825 года.

У Содержателя А. Похорскаго.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чѣмъ по напечатаніи до выпуска въ пубliku, предсавлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библиотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. 1824 года Октябрю 13 дня, книгу сію размаприваль Адъютантъ и Кавалеръ

Иванъ Снегиревъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I.	О способахъ изслѣдованія природы (Т. Я.)	1.
II.	Еще два Аполога: 1. Новый Демонъ	35.
	2. Моя управительница (Кн. Одоев- скаго)	42.
III.	Жершвы Амуру (— й)	49.
IV.	Мысли (Нечаева)	51.
V.	Спутники жизни (Н. Полеваго)	56.
VI.	Амуръ Живописецъ (В. Кюхельбе- кера)	63.
VII.	Отрывокъ изъ путешествія по По- луденной Франціи (В. Кюхельбекера)	66.
VIII.	Гимнъ Бакхусу (В. Кюхельбекера) -	92.
IX.	Олимпійскія игры (В. Кюхельбекера)	96.
X.	Къ морю (А. Пушкина)	102.
XI.	Тимонъ или Мизантропъ, изъ Лукі- ана съ Греческаго (С. Шевырева)	105.
XII.	Очки (Елегія)	153.
XIII.	Ливонія (Н. Языкова)	156.
XIV.	Пѣсня	158.
XV.	Секта Идеалистико-Елеатическая — отрывокъ изъ словаря Исторіи Фи- лософіи (Кн. Одоевскаго)	160.
XVI.	Буря (****)	214.
XVII.	Отрывки изъ Повмы: Эда (****)	216.
XVIII.	Леда (****)	221.

- XIX. Различныя потребности (С. П.) . . . 223.
XX. На свиданіе съ сестрою (С. П.) . . . 224.
XXI. Станьи особенныя ;
----- Коршкій ошвѣтъ Ки. Одоевскаго
Г-ну Булгарину ; Замѣчанія на
письмо къ Изд. Л. Л. Госп. Діу-ова;
Нѣскольکو словъ о Мнемозинѣ са-
михъ Издателей ; Одиссеевъ конь ,
(Гин. Одоевскаго) . . . . . 227.

О П Е Ч А Т К А .

Послѣ страницы 191 сдѣлана ошибка
въ числахъ страницъ и статей, вмѣсто
214 должно читать 192 и такъ далѣе.

I.

О СПОСОБАХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПРИРОДЫ (*)

Все сотворенное, подлежащее нашему изслѣдованію и вообще называемое природою, есть или 1) познаваемое только, или 2) познаваемое и познающее вмѣстѣ. Первому названіе: *природа*, дается исключительно, второе именуется *разумнѣемь* (*intelligentia*) и относится къ познающему въ человѣкѣ духу.

Природа своею обширностію, разнообразностію частей и гармоніею цѣлаго не могла не поразить познающаго духа; сей, по ограниченности бытія, стѣсненный въ почкѣ вещества, а познавательною способностію своею носясь по всему царству творенія, не могъ въ послѣдствіи не обратиться и къ самому себѣ, какъ предмету не менѣе природы достойному изслѣдованія. Человѣкъ, говорю, съ самаго начала своего появленія среди природы, пораженный ея

(*) Вмѣсто обѣщаннаго продолженія Афоризмовъ помѣщаемъ сплатью болѣе связную, въ томъ же духѣ написанную. *Изд.*

величіемъ и вмѣстѣ изумленный самимъ собою, невольно долженъ спросить себя: что все это, что вѣдъ меня? И что такое я самъ на семь великомъ зрѣлицѣ? Остановимся на первомъ вопросѣ.

Вѣдъ извѣстна скоростъ, съ какою разпространяется свѣтъ; отъ звѣзды называемой Сиріусъ доходитъ онъ до насъ (по вычисленію Астрономовъ) въ теченіи 6 лѣтъ и 4 съ половиною мѣсяцовъ. Ежели въ 8 минутъ и 7 съ половиною секундъ пробѣгаетъ онъ отъ солнца до земли болѣе 20 милліоновъ географическихъ миль; то какое ужасное пространство долженъ пробѣгать въ теченіи 6 лѣтъ и 4 съ половиною мѣсяцовъ? Етаго еще мало; есть звѣзды, которыхъ лучи, по Гершелю, не прежде достигнутъ нашей планеты, какъ по истеченіи двухъ милліоновъ годовъ; какъ же велико должно быть разстояніе, на которомъ онѣ находящіяся отъ земли? Мысль терзается въ семь ужасномъ пространствѣ! Но постигаемые предѣлы вселенныя можно ли принять за дѣйствительные? Природу, какъ вмѣстителице всего сошвореннаго, легче вообразить сферою, которой центръ всюду, а окружность нигдѣ. Природа въ семь значеніи взятая не

есть предметъ изслѣдованія, но составляешь только предметъ благоговѣйнаго удивленія величію Творца ея.

Неизмѣримое пространство вселенной неизменно предполагаетъ и многообразіе существующаго въ ономъ чрезвычайное. Ежели съ сею цѣлю обратимъ вниманіе на одну нашу планету, и пусть не можемъ довольно надивинься оному: роды описанныхъ только распрѣдѣленныхъ считаясь цѣлыми десятками тысячъ; но сколько еще неизвѣстныхъ, сколько въ каждомъ родѣ видовъ, а въ видѣ различій? Въ живомъ царствѣ многообразіе еще разительнѣе: не говорю о наливникахъ (*infusoria*), открываемыхъ посредствомъ микроскопа; одинъ классъ насѣкомыхъ представляетъ легіоны. Чтожь если погрузишься въ океанъ, и спустишься до центра земли; какииъ мы будемъ поражены многообразіемъ тѣлъ, имѣющихъ намъ встрѣтинься?

Если мы посмотримъ на природу съ ея стороны, т. е. если стараемся постигнуть совокупность всего видимаго, усиливаемся, такъ сказать, сдѣлать шагъ тѣмъ, природу составляющимъ; въ такомъ случаѣ она представляется намъ храмомъ безпредѣльной обширности, въ коемъ усам-

приваюцца безчисленныя прадметы, ужо произведенныя (producta), или: съ той стороны размашриваемая природа прадспавляецца намъ шемъ, о чемъ можно сказаць: *естъ* (amplexus eorum, quae sunt), и кажетца находящеюся въ покоѣ, какъ нѣчто содержимое.

Но ежели на сіи произведенія обратимъ болѣе вниманія; если будемъ проникать глубже сію совокупность видимаго; то не можемъ не замѣнить, что сіе нѣчто содержимое, произведенное, издали кажуцееся покойнымъ, все находится въ движеніи; шамъ міры, пошюянно врацаясь на осяхъ своихъ, съ невѣролпною быспрошною носяпся вокругъ центральныхъ свѣпиль; здѣсь моря дышаць, такъ сказаць, въ опливѣ и приливѣ воды своихъ; шамъ грохотъ громовъ колеблетъ атмосферу, и изъ ней: шо льютца дожди, шо сыплюцца разкаленные камни; здѣсь попрысаецца земля; сгнѣшенныя во внутренности оной огни, прорывалсь на поверхность, выносляць съ собою рѣки расплавленныхъ жаромъ ихъ металловъ и земель; а шамъ миліоны распѣній и животныхъ, возникая и исчезаю, прадспавляютъ непрерывное волненіе. Природа, размашриваемая съ етой

сторонѣ, не кажутся болѣе произведенною только, но непрерывно измѣняющеюся (*amplexus eorum, quae fiunt*), и что надобно замѣтить особенно, при всей измѣняемости оспается неизмѣняемою: всѣ животныя и растѣнія, однѣ медленнѣе, другія скорѣе, но всѣ вообще умирающъ, разрушающъ; и не смотря на то природа не пуста; одно умираетъ, другое рождается; словомъ: природа постоянно измѣняется и постоянно оспается темъ же, чѣмъ по манію Всемогущаго вышла изъ ничтожества. Назовемъ эту всегдашнюю измѣняемость природы *производимостію*, а то, что она при всегдашней производимости, оспается одинаковою, назовемъ *пробываемостію*; и выразимся пакъ: *въ природѣ мы находимъ всегдашнюю пробываемость при непрерывной производимости*; и. е. природа ежемгновенно измѣняется и постоянно оспается одинаковою, производится и пробываетъ. Что это значитъ? Чтось не теряясь только въ общемъ, остановимъ наше вниманіе на частномъ и именно: возьмемъ въ примѣръ животное шло: оно пока живетъ, непрерывно измѣняется: однѣ начала превращаются въ его вещество, другія извергаются; и оно совер-

наеши ежемгновенно; не смотря на то оно при своей непрерывной измѣняемости, остается одинаковымъ, производится и пребываетъ, — оно *живетъ*. Главнѣйшій признакъ, существеннѣйшее отличие жизни есть пребываемость въ производимости. Заключивъ сіе, обратимся къ природѣ: она, какъ сказано выше, находится во всегдашнемъ дѣйствіи, въ непрерывномъ движеніи, и сими сохраняется ея цѣлость; всегдашнюю производимостію, непрерывною измѣняемостію поддерживается ея неизмѣняемая пребываемость; непрерывно разрушается и непрерывно возникаетъ, производится и пребываетъ — она *живетъ*. Произведеніе всесовершенной Жизни мертво бытіе не можетъ.

Солнечныя системы представляются умствующему наблюдателю отдѣльными органами великаго живаго цѣлаго, органами всеобщаго организма; каждая солнечная система относится къ цѣлой природѣ какъ часть, къ частямъ же, ее составляющимъ, содержится какъ цѣлое своего рода; попомъ каждая планета относится къ солнечной системѣ, какъ часть къ своему цѣлому; сама же себѣ есть также цѣлое и цѣлое живое. Тѣло наше *живетъ*, поколику всѣ

органы, имѣя собственную жизнь и дѣйствующая отдѣльно, содѣйствуютъ общей жизни, поддерживаютъ цѣлостнѣ нашего организма; уничтоженъ напр. органъ дыханія; наше тѣло болѣе не живетъ—разрушается; такъ цѣлая природа живетъ въ своихъ частяхъ, а части поддерживаются жизнью цѣлаго; такъ живетъ и наша планета; ея основа (*partes solidae*) — земля; ея кровь (*humores*) — воды; ея дыханіе — воздухъ; органы ея вѣчнаго возникновенія — расшенія и живопныя; органъ мышленія — челоувѣкъ, вѣнецъ пворенія, коимъ временное примыкается къ вѣчному.

При всемъ несмѣнномъ многообразіи сущеснвующаго, при всей безчисленности дѣйствій и явленій, мы замѣчаемъ посполнннй, непремѣняемый порядокъ въ ходѣ природы; во множествѣ находимъ единство; съ епой стороны природа кажется самою гармоніею, въ безчисленныхъ движеніяхъ обнаруживающеюся и безконечною оныхъ разнообразностію поддерживаемою.

Сорванъ завѣсу, сокрывающую ошь насъ пружины сей гармонической машины; ошкрышь главную причину всѣхъ ея несмѣнныхъ движеній и шамъ — при самомъ началѣ дѣлпельности природы, водрузивъ

знанія истины, словомъ: образованъе общую теорію природы и при ея свѣтѣ благого-лѣйною мыслию погружаться въ дѣла Всесотворшаго, проходя всѣ многообразныя явленія въ пространствѣ и времени—вотъ цѣль нашихъ изслѣдованій! Къ сему-то знанію, къ сей-то истинѣ стремится духъ человѣка такъ постоянно во всѣхъ вѣкахъ. Пусть невѣжество—сіе могучее чудовище—искомый свѣтъ отдѣляетъ отъ него ужасными безднами; пусть покрываетъ оный самымъ хаосомъ; онъ не преспанетъ усиливаться, прорываться сквозь всѣ мраки, перелезать всѣ пропасти, стремясь къ своему высокому назначенію.

Стремленіе сіе направляется съ двухъ противоположныхъ точекъ, которыя суть: *опытъ* и *умозрѣніе*, или-природа изслѣдывается двумя способами: аналитическимъ—эмпирическимъ и синтетическимъ—умозрительнымъ. По первому способу во главу угла полагается опытъ, и на немъ зиждется все знаніе; по второму — умозрѣніе; по первому отъ явленій восходящъ къ началамъ, по второму отъ началъ къ явленіямъ. Совокупность свѣдѣній первымъ способомъ приобрѣтенныхъ называется *эмпирическими*, а вторымъ — *умозрительными* Естествен-

ными Науками. Какой способъ превосходнѣе, ето было и есть предметъ прѣвій; большинство голосовъ на споронѣ емпіриі; но большинство голосовъ не всегда служипь доказательствомъ справедливости; собственное разсужденіе и изслѣдованіе никогда не вредятъ истинѣ.

Стремленіе познающаго въ насъ духа въ изслѣдованіи природы таково: то, что встрѣчаетъ онъ являющимся въ пространствѣ и времени, силится свести на понятія; картину явленій силится превратить въ картину дѣйствій, силъ и законовъ; словомъ: силится списать природу. И такъ, науки, имѣющія предметомъ природу, составляютъ списокъ оной.

Списокъ цѣнится по мѣрѣ его приближенія къ подлиннику; по сему, чтобъ оцѣнить Естественныя Науки—ето списокъ природы, надобно изслѣдовать: имѣетъ ли онъ сходство съ своимъ подлинникомъ.

Сходство понятій съ познаваемымъ предметомъ называется истинною, ето же есть и знаніе; ибо „знаемъ,“ можемъ только сказать о томъ предметѣ, съ которымъ наши понятія сходны; въ противномъ случаѣ мы его не знаемъ.

Теорія въ наукахъ, какъ изображеніе внутренняго хода явленій, есть представительница нашихъ объ нихъ понятій; по сему увѣрились въ истинѣ теоріи можемъ только тогда, когда убѣдимся въ сходствѣ нашихъ понятій съ внутреннимъ ходомъ явленій.

Сходство понятій съ предметомъ можетъ быть только одно; по сему и говорится: *истина одна*; многихъ сходствъ понятій съ предметомъ, быть не можетъ; если же гдѣ встрѣчаемъ различныя представленія одного и того же предмета; то на вѣрное сказать можемъ: здѣсь господствуетъ ложь; ибо истина и ложь вмѣстѣ существовать не могутъ; истина одна, — изъ нея царства исключаются все съ нею разнородное. Естественныя Науки имѣютъ одинъ предметъ—природу; по сему и сходство понятій съ оною должно быть одно; теорія природы, какъ представительница сего сходства, должна быть одна; всѣ Естественныя Науки должны образоваться по одной формѣ, подъ вліяніемъ одной теоріи, по одному сходству понятій съ природою; ибо многихъ сходствъ быть не можетъ. Таковы ли Естественныя Науки, обрабатываемыя эмпирически? Въ этомъ спискѣ природы замѣтна ли та гармонія, которая

господствуешь въ его подлинникѣ? Физика, говорятъ, объемлетъ всю природу; по сему бы она должна быть первою образовательницею общей теоріи для всѣхъ Естественныхъ Наукъ; но мы въ ней самой не видимъ единства началъ; въ ней находимъ столько же теорій различныхъ, сколько и предметовъ; а иногда и на одинъ предметъ не одну, а многія теоріи. Естественная Исторія считается также однимъ цѣлымъ, и именно: Естествоописаніемъ; но стоишь только бросить поверхностный взглядъ на части сей науки, и не лзя не замѣтить въ етомъ спискѣ природы ужаснѣйшаго безобразія; то, что должно быть картиною трехъ царствъ природы, въ прелещеннѣйшей связи между собою состоящихъ, предспавляется картиною безпорядка, неустройства, безсвязности; ибо раздѣленіе минераловъ, растѣній и животныхъ основывается на различныхъ началахъ. Физиологія въ Медицинѣ должна играть ту же роль, какая свойственна Физикѣ въ общемъ кругѣ Естественныхъ Наукъ; Физиологія равно какъ Физика должна образоватъ такую теорію, которая бы отражалась во всѣхъ частяхъ цѣлаго, къ коему она принадлежитъ; но ешаго въ Медицинѣ нѣтъ: Физиологія имѣетъ

одиѣ начала , свои теоріи ; Паталогія , которая естъ нечто другое , какъ обратная Физиологія , имѣеть другія ; Формокологія свои ; Терапія также свои , и всѣ вообще имѣють не одну , а многія теоріи . И такое разноначаліе , вывѣска несовершенства , существуенъ въ той наукѣ , которой поборники гошовой истощишь все краснорѣчіе , всѣ умствования для доказательства , что опытъ естъ единственное , прочтѣйшее основаніе знанія .

Опъ чегожь зависить такое несовершенство Емпирическихъ Наукъ ? Неужели занимающіеся оными доселѣ еще обманываются , что опытъ естъ вѣрнѣйшій путь къ истинѣ ? Неужели великіе мужи , коихъ имена внесены уже въ книгу безсмертія , какъ напр. Галилей , Баконъ , Ньютонъ , Бюффонъ , Соссюръ , и проч. были такъ слабы , что не могли поставишь себя выше всеобщаго предразсудка и опытъ былъ ихъ кумиромъ ? Важность лицъ , когда дѣло идетъ объ истинѣ , ничего незначить : *amicus Aristoteles , amicus Plato , sed magis amica veritas.*

Природа , какъ явленіе въ пространствѣ и времени , находится въ непрерывной производимости , состоящей въ превра-

ценіи одного и того же вещества въ много-
 различныхъ формы. Сіе положеніе проти-
 ворѣчитъ атомистической теоріи, господ-
 ствующей въ эмпирическихъ наукахъ; по
 сей послѣдней находяпся многообразныя
 вещества, начала; и ежели природа кажется
 производящею; то она, не другое что дѣ-
 лаешь, какъ только сославляешь сіи веще-
 ства, коихъ различное содержаніе причи-
 ною различія пѣль. Сія теорія совершенно
 неправильна. Въ органической природѣ ча-
 сто въ глазахъ нашихъ совершается обра-
 зованіе пѣль съ такими началами или со-
 ставными частями, какихъ со всѣмъ не
 было въ той средѣ, въ коей ихъ образова-
 ніе совершалось; такъ напр. извѣстно изъ
 опытовъ извѣстнѣйшихъ естествоиспыта-
 телей, что много находится извести въ
 пепѣль деревь, возросшихъ въ землѣ, не со-
 державшей ни пылинки извести. Въ крови
 живоныхъ находипся желѣзо тогда, какъ
 въ пищѣ, ими употребляемой, не откры-
 вается и слѣдовъ сего металла. Нѣкоторыя
 растѣнія, будучи сжигаемы зелеными,
 даютъ въ произведеніи щелочи, а въ
 пепѣль тѣхъ же самыхъ растѣній, но сожен-
 ныхъ высохшими, находипся известъ. (Однѣ
 и тѣ же живонныя, будучи сожжены, пре-

вращаются въ пепель, въ коемъ находятся различныя минеральныя вещества, а, будучи разрушены посредствомъ гніенія, образуютъ черноземъ (humus). Нѣкто Шрадеръ въ Берлинѣ дѣйствишельность образованія новыхъ веществъ во время растительнаго процесса доказалъ самымъ убѣдительнѣйшимъ образомъ посредствомъ вырощенія нѣкоторыхъ хлѣбнымъ растѣніемъ, посаженныхъ сѣменами въ числѣншемъ сѣрномъ порошокѣ, поливаемыхъ одною перегнанною водою и пакъ сохраненныхъ, что ни пыль, ни дождь не могли на нихъ падать, словомъ: земляныя частицы имъ ни откуда и ни какимъ образомъ не могли быть доставляемы; между тѣмъ, по разложеніи оныхъ, найдено довольное количество вновь образовавшихся минеральныхъ веществъ, какъ то: кремнистой и квасцовой земель, углекислой извести и углекислой мылонки, окисловъ: желѣзнаго и марганцоваго. Очевидно, что сіи вещества образовались во время растительнаго процесса изъ перегнанной воды; ибо она только въ семъ опытѣ испреблялась, а сѣрный порошокъ оставался въ прежнемъ количествѣ.

Сего довольно, чтобы показать всю неосновательность атомистической тео-

рии и вмѣстѣ подтвердитъ противоположное оной положеніе, а именно, какъ сказано выше : производимость природы состоятъ въ превращеніи одного и того же вещества въ многоразличныя формы.

Различіе формъ въ природѣ органической, какъ замѣчено выше, чрезвычайно; но вещество, служащее матеріаломъ ихъ образованія одно — слизь. Изъ сравнительной Анатоміи извѣстно, что основа тѣлъ органическихъ есть клѣпчатая плева; изъ ней образуются всѣ плотныя части, а плева образуется изъ слизи; изъ слизи же образуются начально жидкія части тѣлъ органическихъ.

Очевидно, что многоразличіе формъ вещественныхъ зависитъ не отъ самаго вещества, оно одно; вещество, какъ нѣчто непроницаемое въ пространствѣ, служитъ только основою явленія — массою; изъ которой образуются различныя формы, а то, что въ веществѣ проявляется, отъ чего зависитъ образованіе той или другой формы, есть нѣчто отъ вещества отличное, совершенно оному противоположное. Назовемъ условно сіе нѣчто веществу противоположное, въ немъ проявляющееся, *идеальнымъ*, а законъ, по коему идеальное

дѣйствуюеть — *идею* вообще, въ тѣлахъ живыхъ — *идею жизни*. Послѣ сего касательно образованія различныхъ формъ изъ одного и того же вещества можемъ выразиться такъ: вещество принимаетъ ту или другую форму, смотря поному, какого идеальнаго вліянію подвергается, *напр.* одинъ и тотъ же черноземъ, подверженный дѣйствію на него различныхъ сѣменъ, превращается въ различныя растительныя тѣла. — Чтобы убѣдиться въ сей истинѣ, такъ скажешь, оцупью; слѣдуетъ только заглянуть въ шеплицы и оранжереи.

Въ сѣмени не содержится, какъ нѣкоторые даже и теперь думаютъ, цѣлое растѣніе вещественно; по ихъ мнѣнію ростъ растѣнія есть только развитіе того, что въ маломъ видѣ находится въ зародышѣ. Заблужденіе! — Сѣмя растѣнія до оплодотворенія есть шарикъ, въ окружности плотный, а въ нупри жидкій; въ немъ послѣ оплодотворенія чрезъ нѣсколько дней появляется бѣлая почка, начало зародыша; ему въ актѣ оплодотворенія сообщается одна только возможность опредѣленнаго образованія — *идея*. Въ сѣмени каждаго растенія содержится форма всѣхъ послѣдующихъ племенъ его рода, но невещественно, а идеально, въ возможности

(in potentia). Сія форма въ возможности—*идея* и естъ та внутренняя модель, по которой матеріалъ питанія распивній превращается въ распивтельное тѣло, какъ строительный матеріалъ превращается въ здание по фигурѣ, родившейся въ словѣ Архитектора. Такъ же образуется и животное тѣло; мы удивляемся красотѣ навалина, огромности слона, кита, словомъ: поражаемся несмѣшнымъ многообразіемъ животноныхъ; всѣхъ ихъ тѣламъ начало одно—слизь; различіе формъ, въ которыя сія превращается, зависить отъ идеальнаго.

Формы, которыя вещество принимаетъ, временны; ибо оно дѣйствию того или другаго идеальнаго подвергается случайно; по сему ежели опредѣленный видъ вещественнаго названъ его существованіемъ; то ясно, что сіе существованіе естъ только *случайное*, *линимое*; ибо оно служить только отпечаткомъ существованія идеальнаго. Но такъ какъ формы вещества при всей ихъ случайности и недействительности, находятся въ природѣ постоянно: то слѣдуетъ само собою, что дѣйствительно существуетъ только идеальное, а вещественное существуетъ случайно. Чпобъ пред-

спавишь мысль сію въ чувственномъ видѣ, вообразимъ безпредѣльно обширное море, сильнымъ вѣтромъ непрерывно волнуемое; первое, что поразитъ насъ при взглядѣ на оное, будутъ пѣнистыя волны, съ ужаснымъ шумомъ воздымающіяся; къ нимъ прикованный взоръ будетъ только видѣть многоразличныя формы пѣнистыхъ возвышеній; замѣтитъ только, какъ одна волна изъ другой рождается и поглощается послѣдующею. какъ онѣ ежемгновенно, исчезающія и возникающія, представляютъ постоянное явленіе волненія. Море — природа; волны — переходящія формы, явленія; вода въ разныхъ формахъ: п. е. въ волнахъ, исчезающихъ по возникающихъ являющаяся — вещественное; вѣтры — идеальное; все вмѣстѣ взятое явленіе — производимость природы, а начальная причина сего общаго волненія океана вещественности

**Живыи въ движеніи вещества,
Теченьемъ времени Превѣчный!**

Видимое для насъ въ каждомъ явленіи есть только случайное, мнимое существованіе, волны въ морѣ (ρυσπομενον); а сущность онаго (πωτισμενον) скрывается въ идеаль-

номъ. Все видимое движется въ слѣдствіе дѣятельности идеальнаго.

Теперь возвратимся къ способамъ изслѣдованія природы.

Аналитически или эмпирически изслѣдывающіе природу утверждаются на опытности; опытность предметомъ можетъ имѣть только то, что подлежитъ чувствамъ; чувствамъ подлежитъ только внѣшнее въ каждомъ видѣ существованіи (phœnomenon), а сіе есть только случайное, несущественное въ природѣ; снѣгъ путемъ слѣдуя, т. е. путемъ опытности, можно только дойти до понятіи о случайномъ; но случайнымъ управляетъ нѣчто постоянное, и это есть идеальное; а идеальное не подлежитъ опытамъ, его не лзя заключить ни подъ воздушной колоколь, ни въ папиновъ горшокъ. Послѣ сего понятно, почему въ эмпирическихъ наукахъ, идущихъ къ своему совершенству путемъ опытности, доселѣ нѣтъ ничего положительнаго; онѣ зиждутся на зыбяхъ взволнованнаго моря, на одиѣхъ видимыхъ явленіяхъ; взоръ эмпирическихъ естествоиспытателей прикованъ къ одиѣхъ волнамъ; онѣ въ морѣ природы, кромѣ пѣмистыхъ колебаній, ничего невидитъ.

Изъ предыдущаго видно , что природа имѣетъ двѣ стороны: внѣшнюю (ρhoεπομεnon) и внутреннюю (πoυτηροn). Внѣшняя сторона есть область *опыта* , *εμπιριu* , а внутренняя *ц.озрѣнiя*. Наружность поражаетъ прежде ; и потому душа наша , сообразясь съ міромъ посредствомъ наружныхъ чувствъ , прежде обращается къ внѣшней сторонѣ природы; поражаясь многообразіемъ , силился все привести къ единству , находя все условнымъ , спремился привести къ безусловному. Единство и безусловное, вопль цѣль, къ которой мыслящій въ чловѣкѣ духъ спремится поспoлнню и не упомляется ; всѣ спольшія ознаменованы слѣдами его усилій.

Тотъ моментъ дѣйствія души, когда она, чрезъ наружныя чувства обращаясь къ внѣшней сторонѣ природы, все видимое многообразіе сплится привести къ единству, все условное свести на безусловное, называемъ *разумомъ*: противоположный—*ц.омъ*. Послѣдуемъ за нею въ первомъ моментѣ дѣйствія и съ должнымъ вниманіемъ выйдемъ: много ли она уснѣваетъ, другими словами : далеко ли проснираются дѣйствія разума ? Душа , обращенная посредствомъ чувствъ къ внѣшней сторонѣ природы, при

первомъ взглядѣ поражается многоразличіемъ, это есть *воззрѣніе*. При воззрѣніи многоразличіе вещей представляется смѣшаннымъ. Разумъ, выходя въ оное, скоро находишь, что во множествѣ вещей различныхъ находятся и сходныя между собою; по сему размѣщаешь ихъ въ особые ряды, приводишь къ единству (*Collocatio similium rerum*); потомъ разбираешь: въ чемъ состоятъ ихъ сходство, или: что онѣ имѣютъ между собою общаго? Наконецъ *отвлкая* (*Abstractio*) отъ нихъ то, что всѣмъ имъ общимъ находишь, частныя ихъ изображенія отпавляешь въ забвеніи, удаляешь отъ себя, и удерживаешь только то *общее*, почему онѣ всѣ сходны; общее, отвлеченное отъ подобныхъ частныхъ, есть *понятіе*, напр. Роза, павлинь.

При воззрѣніи душа извѣщается только о многоразличіи, которое она должна привести къ единству и первый къ тому порывъ есть составленіе понятій, при чемъ замѣчаются три момента. 1) *Совмѣщеніе подобныхъ* (*collocatio*), 2) *Разборъ сходства* (*comparatio, analysis*), 3) *Отвлеченіе того, что составляетъ сходство* (*abstractio*). — Но поелику и понятія, какъ особыя сферы, вмѣщающія общее частныхъ,

иѣющихъ между собою сходство, представляють не единство, а многообразіе; посему разумъ стремится далѣе: и многообразныя сферы старается соединить въ одну общую; при чемъ поступаетъ также, какъ и при составленіи каждаго понятія порознь, т. е. особыя сферы, снося вмѣстѣ, разбираетъ, что между ими есть общаго, и, отвлекая отъ нихъ сіе общее, составляетъ новую сферу; но и сіи высшія сферы душъ кажутся еще частными, представляются многообразіемъ, а ея цѣль — *единство*; потому и сіи сферы силимся подвесити подъ общее единство. Такимъ образомъ отъ понятій *видовъ* поступаетъ къ понятію *рода*, *порядка* и т. д. Самое высшее понятіе, до котораго доходитъ разумъ, есть *бытіе*, *общее*, отвлеченное отъ всего, о чемъ можно сказать: *есть*. Бытіе есть единство; оно не имѣетъ никакого сказуемаго, кромѣ того, что оно есть подлежащее безъ сказуемаго. Все, о чемъ можно сказать: *есть*, составляетъ его видъ, отъ него уже нечего болѣе отвлекать; оно есть самое простѣйшее, самое *общее*.

Невходя въ подробный разборъ понятій, замѣтимъ, что составленіе оныхъ есть процессъ восхожденія, въ которомъ

каждая ступень къ низшему содержится какъ общее, а къ высшему какъ частное, напр. понятіе *раствѣнн* къ понятію *розы* содержится какъ общее, а къ понятію *тѣла*, какъ частное.

Чѣмъ выше восходишь разумъ, тѣмъ сфера понятія по объемлемости значительнѣе; шѣмъ она болѣе, тѣмъ сказано, рѣдѣетъ, утончается; ближайшія къ предметамъ полнѣе, болѣе имѣютъ сказуемыхъ; ошъ нихъ, какъ отвлеченій общаго частныхъ, отвлекается еще общее и ш. д. *Предметы* (особыя, *individua*) и *бытіе* составляютъ крайности, конечныя ступени сего восхожденія. Первыя ступени суть ближайшія къ дѣйствительности (*realitas*), но и здѣсь, ш. е. въ первой сферѣ отвлеченія предметы уже исчезаютъ, а остается только то, что есть между ими общаго напр. понятіе *розы* заключаетъ въ себѣ только общность признаковъ *розъ*, а не самыя особыя (экземпляры).

Далѣе восходишь значишь постепенно удаляешься ошъ предметовъ, ошъ дѣйствительности; каждое понятіе содержитъ только общее, гдѣ частныя, ошъ коихъ то общее отдѣлено отвлеченіемъ, исчезаютъ, на прим. въ понятіи *раствѣнн* не узнаешь

уже ни роза, ни сосна, ни липа; словомъ: ни одно изъ особыхъ, отъ копъ взятое ошвлеченіемъ общее соспавнли понятіе рашннн. Поному каждая сфера понятій предсавляется пустою, гдѣ дѣйствительность потеряна, и чѣмъ выше сфера понятій, тѣмъ она пустѣе, а самая высшая находится общею пустою всѣхъ сподчиненныхъ пустош. На каждой ступени низшія подчиняются высшимъ, а чрезъ то первыя изъ послѣднихъ, такъ сказать, выпадаютъ; въ сихъ отъ первыхъ остается только общес. Поному самая высшая дѣлается общею пустою, въ которой всѣ частныя потеряны; а потому самая высшая сфера есть самая большая пустоша, гдѣ все многообразное не къ единству приведено, а обращено въ пустоту.

Разумъ, замѣнивъ такой недоспапокъ въ понятіи (если кому покажется спраннымъ, что разумъ здѣсь какъ бы олицетворяется, предсавляется самостоятельнымъ, живымъ, дѣйствующимъ по усмотрѣнію, тому слѣдуетъ припомнить, что подъ именемъ разума понимаемъ душу, обращенную къ внѣшней сторонѣ природы; а душа есть дѣйствительно иѣчно самостоятельное, живое, дѣйствующее по усмо-

прѣнію. Мысль сія сдѣлается еще яснѣйшею, если подъ именемъ разума, будемъ понимать разумъ не одного человѣка, но разумъ всѣхъ людей вообще и во всѣхъ вѣкахъ, усиливающійся все многообразное привесипи къ единству); разумъ, говорю, замѣшивъ такой недосмашокъ въ понятіи, дѣлаетъ новое усиліе, чшобъ оный поподнипъ, а именно: *общее* какъ нѣчто пустое, старается свеспи на *частное*, общее поспавипъ на видъ въ чашикомъ, и епо есть *сужденіе*, второе дѣйствіе разума, въ копоромъ онъ общее, какъ нѣчто пустое, несущественное спасаетъ, такъ сказать, на частномъ, какъ существеннѣйшемъ въ сравнсіи съ первымъ, или частное подчиняетъ общему, чшобы общее, исчезнувшее внѣ дѣйствительнаго, свеспи на частное и тѣмъ соединитъ оное съ дѣйствительнымъ, на пр. Роза есть растѣніе, роза красна.

Во второмъ дѣйствіи замѣчаются также при момента: частное (подлежащее) общее (сказуемое) и моментъ ихъ соединенія, связь (copula).

Частное въ отношеніи къ общему содержится какъ преходящее, случайное къ постоянному на пр. роза есть растѣніе; здѣсь частное *роза*, а общее *растѣніе*; *розы*

могутъ изъясняться, переходить, быть случайными, а распѣніе постоянно. Съ другой стороны общее представляется пустымъ, въ существеннаго исчезающимъ, а частное кажется существеннымъ. Разумъ во второмъ дѣйствіи, частное подчиня общему, случайное силился сообщить съ постояннымъ; дѣлая сіе, онъ пополняетъ найденный имъ въ понятіи недоспадокъ: общее, какъ въ существеннаго исчезающее, спасаетъ на частномъ. Онъ силился все случайное свести на постоянное, все много-различное привести къ единству; вмѣстѣ не хочетъ удалиться отъ успешивенности. Въ первомъ дѣйствіи онъ замѣчаетъ сіе удаленіе, во второмъ хочетъ возвратиться къ успешивенности, но не достигаетъ сей цѣли; подчиня частное общему, онъ не низходитъ еще до самыхъ предметовъ, до дѣйствительности; въ частномъ не видны еще особья (*individua disparent*). И потому дѣлаетъ еще новое усиліе; особое спарается соединить съ общимъ посредствомъ частнаго, и это есть заключеніе—третье дѣйствіе разума; его меншы: *общее, частное, особое*, на прим. разумъ, разсматривая людей, какъ особья, находишь во всѣхъ нѣчто общее и оно общее есть человекъ, какъ

понятіе, или какъ видъ (species); разсмаши-
ривая человекъ вообще, находишь на пр.
что онъ смертенъ. Смертность въ семь
случаѣ будетъ высшее понятіе слѣд. общее;
человѣкъ будетъ въ отношеніи къ нему
частное; сказать: *человѣкъ смертенъ* будетъ
сужденіе; но въ понятіи: человекъ, не видно
особыхъ, человекъ какъ видъ (species) не
умираетъ; умираютъ люди, какъ особы
(individua), потому разумъ общее спараетъ
свеспи на особое посредствомъ частнаго,
или особое подчиняетъ общему посредствомъ
частнаго, на пр.

Человѣкъ смертенъ,

Петръ человекъ,

Слѣд. Петръ смертенъ.

Это будетъ заключеніе.

Разборъ сихъ трехъ дѣйствій души,
обращенной къ внѣшней сторонѣ природы,
есть теорія разума, что обыкновенно на-
зываютъ *Логикою*.

Начать съ того, что поражаетъ чув-
ства, естественнo; но не естественнo имъ
кончить всѣ изслѣдованія. Справедливо,
что прежде начинаемъ съ видимаго, начи-
наемъ узнавать эмпирически; но и то не-
оспоримо, что симъ путемъ не можемъ
дойти до цѣли естественнoзнанія, до един-

снва , изъ котораго бы можно объяснить видимое.

Разумъ доходитъ до единства , но сіе единство есть *пустота*, въ которой все дѣйствительное (reale) исчезаетъ; изъ единства разумомъ найденнаго нельзя вывести многообразное , а оно и есть важнѣйшая задача ; найти единство, которое должно быть внутреннимъ началомъ каждаго явленія, изъ котораго бы можно объяснить внутреннюю сторону природы, коей внѣшней служить только шѣлю. Такое единство есть *идея*; понятіе объ оной назовемъ условно *мыслію*. — Мысль есть также понятіе, но понятіе ума; понятіе разума говоритъ о формѣ вещи, понятіе ума — о самой сущности. Мысль слѣдовательно касательно значенія совершенно противопологается *понятію*. Понятіе есть общность частныхъ, со внѣшней стороны разсмаприваемыхъ; мысль есть сущность оныхъ; понятіе есть формальное единство; ибо основаніемъ имѣетъ видимыл формы, внѣшность вещи; мысль есть существенное единство; ибо основаніемъ имѣетъ сущность вещи: мысль извѣщаетъ о внутренности явленія, понятіе только о поверхности онаго; понятіе составляетъ ; мысль рождается и

развивается: понятіе есть предметъ *Логики*, мысль — *Философiи*; понятіе есть произведение разума, души обращенной къ виѣшней сторонѣ природы; мысль есть произведение ума, души погруженной внутрь себя; понятіе есть луна отраженнымъ свѣтомъ освѣщающая гемисферу ночи — спорону вещественнаго; мысль есть солнце, озаряющее собственнымъ свѣтомъ, гемисферу дня — спорону идеальнаго. Душа, обращенная къ виѣшной сторонѣ природы, можетъ только обогатиться понятіями, а сіи оснаются при одиѣхъ только формахъ видимаго. Разумъ во всѣхъ прехъ дѣйствіяхъ своихъ не простирается далѣе понятій, и потому онъ ограниченъ; онъ не можетъ проникать во внутренность явленій природы, имѣя удѣломъ скользить только по поверхностямъ оныхъ.

Виѣшняя спорона природы есть обласпъ эмпириі; слѣд. поприще разума; внутренняя есть обласпъ умозрѣнія, слѣд. поприще ума; надъ тою мерцаетъ луна-понятіе, надъ сею горитъ солнце-мысль; идущіе по первому находятъ только отраженіе, оппечашки идеальнаго; идущіе по второму созерцаютъ или силятся, по крайней мѣрѣ, созерцать самое отражающее—*идею*.

Начало эмпириі — явленія; умозрѣнія — самопознаніе; ходъ эмпириі — *наведеніе* (inductio), умозрѣнія — *выводъ* (deductio, constructio); эмпирија отъ окружности устремляется къ центру на удачу; умозрѣніе отъ центра поступаетъ къ окружности на вѣрное. Эмпирикъ весь хаосъ, который ему предспавляетъ многообразіе плѣлъ естественныхъ, силился привести въ порядокъ, основываясь на плѣхъ или другихъ признакахъ, нимало не заботясь о томъ, какое понятіе родилъ его система о природѣ; потому эмпирическія системы такъ сухи, не занимательны. Для умозришеля признаки плѣлъ суть буквы, коими, идеальное проявляясь въ вещеспвенномъ, даетъ себя разумѣть, равно какъ и каждая мысль, облеченная словомъ въ нашихъ книгахъ; его система плѣлъ естественныхъ есть картина развитія царствъ природы: для эмпирика природа — груда матеріи, которую онъ силится разложить и описать; для умозришеля она есть Гіероглифъ, начертанный Высочайшею Премудростію, котораго онъ силится постигнуть значеніе.

Впрочемъ умозрѣніе при всемъ его преимуществѣ предъ эмпирією, безъ сей послѣдней недоспапочно. Каждое явленіе, слѣд.

и природа, какъ совокупность явленій, есть соединеніе провивуположностей (synthesis oppositorum), — совѣспность' идеальнаго съ вещеспвеннымъ; посему умозрительное познаніе и емирическое каждое опдѣльно, какъ одностороннее—неполю. Для емириковъ сіе положеніе не понятно; ибо для нихъ извѣстно только то, что подлежатъ чувспвамъ. Умозрители напрошивъ убѣждены въ необходимости обоюднаго познанія; и попому нимало не чуждаются емирии, какъ древніе метафизики; они также, какъ и емирики, пользуясь сдѣланными доселѣ опытами и наблюденіями и сами занимаются оными; но для нихъ опыты и наблюденія — повѣрка началъ, выведенныхъ изъ самопознанія, а не самыя начала.'

Часпо можно слышать: мы живемъ въ просвѣщеннѣйшія времена; науки идутъ къ своему совершенству исполинскими шагами; одиѣ открытія дѣлають за другими. Мечта! число открытій увеличивается—ни слова, а природа остается по прежнему не рѣшенною задачею; открытіе електричества счящается блестятельною эпохою въ исторіи наукъ; но объяснилась съ сими хотя нѣсколькo природа? Ни мало! Что такое електричество, ели литарность? Откры-

ліе газозь преобразовало, говорить, Хімію, но чшо такое газы? Разложеніе щелочей причисляється шакже къ важнымъ открытіямъ, но чшо такое металлическія ихъ основанія? Содержаніе составныхъ частей воздуха опредѣлено въ разныхъ частяхъ свѣтна и въ разныхъ слояхъ атмосферы; но проникнула ли натура воздуха? Милліоны процессовъ совершающихся на земной поверхности измѣняютъ содержаніе составныхъ его частей; почемужь оно остається всегда одинаковымъ во всѣхъ климатахъ и во всѣ времена года? Замѣчено вліяніе гальванизма на магнитную спирѣлку; но объяснилось ли симиъ електричество, или гальванизмъ?

Чѣмъ болѣе дѣлается открытій; тѣмъ болѣе предспонитъ вопросовъ для рѣшенія; эмпирическія открытія неболѣе значатъ, какъ умноженіе числа явленій природы; разумъ чрезъ то обогащается, правда: но въ познаніи природы онъ не поступаетъ далѣе; но прежнему остається въ границахъ случайнаго, но прежнему теряется въ пустотѣ монятій.

Опытъ можетъ доводити до открытій, но до знанія оныхъ никогда. Эмпирическія свѣдѣнія никогда не могутъ бытъ

выше обыкновеннаго разсказа ; ихъ совокупность не болѣе значить, какъ собраніе матеріаловъ знанія, разбросанныхъ въ безпорядкѣ.

Пусть Эмпирики выдумываютъ теоріи , чтобъ успроить сей хаосъ : но ихъ усилія тщетны ; они одну ложь замѣняютъ другою напр. предположеніе Флогистона въ горючихъ тѣлахъ сослужило въ свое время теорію Химію , и она казалась тогда истинною ; открытія Лавуазье показали всю ея ложность ; послѣ сего водворилась антифлогистическая теорія , но и она оказалась ложною. Новое открытіе ведетъ къ новой Теоріи , и то , что предъ тѣмъ принимали за истину , выдается за ложь. Узнавать теоріи Эмпириковъ значить переходить отъ старой лжи къ новой. Теорія есть предсавленіе внутреннаго хода явленія ; слѣд. не дѣло эмпириі ; внутренняя сторона природы доступна для ума , а не для разума.

Поэтому ежели теоріи въ Естественныхъ Наукахъ необходимы , и ежели для облегченія успѣха въ оныхъ общая теорія , которой бы всѣ прочія служили только отраженіемъ , должна быть цѣлюю подвижающихся на поприщѣ Естествопознанія ;

що умозрительний спосіб дослідження заслуговує більше уваги учених, ніж скільки обыкновенно удосколюється онаго; мудра древність не безъ причиноу въ самопознаніи полагала начало всякаго знанія.

М. Павловъ.

II.

ЕЩЕ ДВА АПОЛОГА.

I.

НОВЫЙ ДЕМОНЪ.

Съ какимъ сумрачнымъ наслажденіемъ читалъ я произведеніе, гдѣ Поетъ Россіи такъ живо олицетворялъ тѣ непонятныя чувствованія, которыя холодящъ нашу душу посреди воспоговъ самыхъ пламенныхъ. Глубоко проникнулъ онъ въ сокровищницу сердца человѣческаго, изъ нее похитилъ искани, неприкосновенныя для простолюдина, — которыми облекъ онъ своего таинственнаго Демона (*). Но не только внутри существуетъ сей злобный Геній, онъ находится и внѣ насъ; послѣдній не такъ опасенъ, какъ первый — но не менѣ мучительнень.

Въ бесѣдѣ избранныхъ сидѣлъ Каллидоръ, юноша исполненный огня, вдохновенія. Пламенные глаза его были обращены

(*) См. Стихотвореніе А. Пушкина: Мой Демонъ. Мнем. часть III, стр. 11.

на возвышенныхъ; въ ихъ взорахъ, рѣчахъ онъ вспрѣчалъ непонятное черни; неземному — земное въ немъ покарялося. Едва разцвѣтавшая жизнь его развивалась въ наслажденіяхъ высокихъ, и созрѣвала въ спѣ съ ними.

Проходилъ день за днемъ. Молча, погруженный въ глубокую думу, юноша не оставлялъ своего созерцанія, но болѣе и болѣе къ нему прилѣплялся. Все плѣнило его въ храминѣ избранной и тихій свѣтъ, и спокойная твердость возвышенныхъ: и прелестныя, хотя недокончанныя украшенія.

Но вдругъ — хлынулъ вѣтеръ, дверь настежь и человекъ пожилыхъ лѣтъ вбѣжалъ въ храмину; онъ былъ запрянутъ въ модный фракъ; золотая цѣпочка гремѣла у жилепа: на заботливо сложенномъ галстукѣ — проницательность считала часы убитаго времени. Лице его было — смѣсь всѣхъ характеровъ; и не оипъ сильныхъ чувствованій изрыто морщинами, которыя ему тщетно бѣлилами хотѣлось загладить; безчувственные глаза — перебѣгали оипъ предмета къ предмету; во всѣхъ движеніяхъ его суевливость, верпьяность спорила съ какою-то важностію и педан-

пизмомъ. — Улыбка его была насмѣшлива ; но онъ умѣлъ ее дѣлать необыкновенно привѣтливою ; она нравилась , но плачь его не возбуждалъ бы сожалѣнiя ; никто между *избранными* не зналъ незнакомца , хотя онъ имъ былъ извѣстенъ по слуху ; не испугались они его , но смутились , какъ будто онъ заспалъ ихъ въ какомъ преступленiи .

Незнакомецъ подошелъ къ Каллидору :

„Что ты здѣсь дѣлаешь!“ говорилъ онъ ему „прелестна эта храмина , но посмотри : уже обвѣщали ея недокончаннымъ украшенiя ; всѣ усилiя обитающихъ въ ней не могли довести ихъ до совершенства , даже самая храмина не совсѣмъ достроена . Почтенны мужи въ ней сидящiе , но кромѣ ихъ есть люди на свѣшѣ ; — я знаю , понижаю тебя ; ты хочешь совершенствоваться ; въ своей храминѣ ты еще не многое видѣлъ ; познакомься съ тѣми , которые живутъ внѣ ея ! — Опытность великое дѣло.“

Незнакомецъ прiятно улыбнулся , протянулъ Каллидору руку , юноша по какому-то невольному чувству подаль ему свою и послѣдовалъ за знакомцемъ .

Они выходятъ изъ храмины : и яркiя краски ослѣпляютъ глаза Каллидора ; разнообразные предметы развлекаютъ вниманiе ;

(новоснѣ покрывала ихъ радужными цвѣтами); непрерывный — не неприятный шумъ оглушаетъ его. Предъ нимъ воздвигнуты высокія зданія, пышно украшенныя; казалось и малѣйшій недоспатокъ въ нихъ не гнѣздился. Каллидоръ изумляется сему совершенству.

Онъ входитъ въ огромныя палаты — его вспрѣчаютъ толпы незнакомыхъ, но прелестныхъ существъ — какъ будто носящихъ образъ человѣческій; всѣ онѣ были, по видимому, въ великой дѣятельности, но оставляли свои занятія и подходили къ Каллидорову спутнику: одни привѣтствовали его, другія жали руку; всѣ спрашивали его наставленій и съ благоговѣніемъ ему внимали. — Это еще болѣе увеличило Каллидорово почтеніе къ незнакомцу. Онъ не переспавалъ изумляться, забывалъ о своей прежней хранилѣ, былъ въ упоеніи — но вдругъ подулъ легкій вѣтеръ — и палаты заколыхались. Это поразило Каллидора, прервало минутный восторгъ его — онъ всматривается съ бѣльшимъ вниманіемъ на существа его окружающія и что же видитъ? не людей, но несмѣтное количество звѣрей, скопьевъ, гадоцъ разнаго рода,

Онъ проходишь изъ зданія въ зданіе — и вездѣ видишь, пѣхъ же живописныхъ ; къ большому прискорбію замѣчаешь, что вездѣ *преслыкающіяся* властвовали надъ прочими; что къ нимъ послѣ его спутника, болѣе всего оказывалось уваженія, а что напропавъ ближайшія къ человѣку живописныя — оставались безъ вниманія.

„Гдѣ же люди, которыхъ ты обѣщала показать мнѣ?“ восклицалъ неперпѣливый юноша своему спутнику.

Незнакомецъ не опивчалъ ему на вопросъ, твердилъ безпреспанно объ опытноспи и водилъ его изъ зданія въ зданіе.— Бѣдный юноша заблуждался часъ отъ часу болѣе, вспоминалъ о своей храминѣ; но уже не аналъ какъ найсти къ ней дорогу—боялся еще болѣе заблудиться и успалый, въ сукѣ, помленіи уже невольню, какъ слѣпецъ слѣдовалъ за своимъ пупеводителемъ.

Тщепню юноша хотѣлъ вспомнишь о высокыхъ помыслахъ, прежде волновавшихъ душу его. Незнакомецъ не давалъ ему ни на минушу задуматься. Когда въ красощахъ Поезіи Каллидоръ спремился найсти опраду,—незнакомецъ верпѣлся передъ нимъ на одной ногѣ и гремѣлъ побрекушками; когда онъ прикасался къ мусикійскому орудію,

чтобы въ согласіи звуковъ неопредѣленныхъ — поглотивъ разогласный, рѣзкой шумъ его утомлявшій — незнакомецъ на томъ же инструментѣ наигрывалъ модную пляску; когда несчастный даже въ объятіяхъ сна, въ видѣніи представлялъ себѣ прежнюю храмину — незнакомецъ будилъ его холодною, коспяватою рукою. — Когда же выведенный изъ перпѣнія, вспыхнувши отъ досады, юноша съ гнѣвомъ взглядывалъ на своего знакомаго: незнакомецъ или опивчалъ ему насмѣшкою, или принималъ на себя важный видъ и педантическимъ тономъ шолковалъ о своей важности и достоинстввахъ.

Между тѣмъ дни проходили за днями. Каллидоръ мало по малу привыкалъ къ своему спутнику; онъ боялся его, онъ нуждался въ немъ, ибо лишь незнакомецъ могъ защитить его отъ звѣрей и гадовъ, ихъ окружавшихъ.

Наконецъ, зданія не колыхались болѣе въ глазахъ Каллидора; къ чрезвычайному его удивленію живописныя нечувствительно спали для него облекались въ одежду человѣческую; наконецъ онъ въ самомъ дѣлѣ людьми ему казались; онъ не понималъ прежняго своего состоянію; лишь изрѣдко

взглядывая въ зеркало — мнилъ видѣть себя въ образѣ пѣхъ живописныхъ, которыхъ прежде ужасался, но почиталъ епо мечтою; день ото дня болѣе и болѣе душою привязывался къ своему спутнику; душою вѣрилъ пышнымъ словамъ его и обѣщаніямъ; по его вмушенію подружился съ окружающими ихъ существами, вступилъ въ ихъ кругъ дѣятельности; старался всячески подражать имъ: и пресмыкалась предъ пресмыкающимися и порхалъ съ насѣкомыми; *животныя* не могли нахвалиться Каллидоромъ, и лишь *избранные* жалѣли, за чѣмъ онъ познакомился съ *свѣтскою* жизнью.

МОЯ УПРАВИТЕЛЬНИЦА.

На сихъ дняхъ, посѣтилъ я одного моего пріятеля, котораго знавалъ еще въ молодости; тогда онъ, какъ водилось у насъ, юдавалъ великія надежды: учился славно, имѣлъ память острую, умъ гибкій; всѣ думали, что онъ будетъ осьмое чудо міра; Журналисты прославили его Геніемъ, добрые чинатели имъ повѣрили; слава его обошла всѣ госминыя и кабинетныя; но прошло нѣсколько лѣтъ.—о Геніи нѣтъ ни слуха, ни духа, какъ въ воду кануль. Меня чрезвычайно огорчало это произшествіе, которому впрочемъ подобныя каждый день у насъ вспрѣчаются; мнѣ хотѣлось узнать причину онаго.

Вхожу къ моему пріятелю, и не узнаю ни его самага, ни его комнаты: пыль покрывала всѣ книги и бумаги его,—на нихъ даже и признака прикосновенія не было; самъ онъ сидѣлъ, или, лучше сказать, лежалъ въ пуховыхъ креслахъ; безпечно курилась

прубка въ устахъ его; ни огня въ глазахъ, ни жизни въ лицѣ; предъ нимъ лежалъ исписанный листокъ бумаги; я развернулъ его и прочелъ слѣдующее:

„Было время, когда добрыя, почтенныя пепушки гладили мени по головкѣ, глубокомысленные дядюшки давали денегъ на лакомство; въ это счастливое время я почиталъ ихъ существами, подобными челоуѣку; ихъ заишія казались мнѣ чѣмъ-то важнымъ, возвышеннымъ; ежели и случалось мнѣ зѣвать отъ ихъ разговоровъ, я въ томъ самаго себя обвинялъ.

„Однажды — о счастливое время! когда вышедши изъ Пансіона, я первый разъ въ жизни видѣлъ какъ пепушка моя раскладывала грань-пасіансъ, съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на нее и мечталъ о той блаженной минутѣ, когда и я буду въ состояніи постигнуть сію высокую тайну; вдругъ пепушкинъ столъ зашатался и изъ подъ него вылезло существо, котораго описать не умѣю; это меня такъ испугало, что я изъ гостиной опрометью, въ кабинетъ и — спрятался за грудой книгъ. Съ тѣхъ поръ лишь загляну въ гостиную, а непонятное существо уже тамъ, валяется по столамъ, по диванамъ и я снова бѣжашъ.

„Робость моя не понравилась ни почтеннымъ петушкамъ, ни глубокомысленнымъ дядюшкамъ; я съ ними разсорился; они, какъ водилося, назвали меня безбожникомъ, вольнодумцемъ; я заткнулъ уши и лишь изрѣдка изъ за груды книгъ съ насмѣшкою на нихъ поглядывалъ.

„Но эта насмѣшливость не прошла безъ наказанія. Кто противъ дяди и невѣжества? Между грудями книгъ, за которыми я прятался находились и творенія нѣкоторыхъ нашихъ модныхъ Поетовъ. Что ни разверну — все вижу изображеніе непонятнаго существа, котораго я шакъ испугался; вездѣ его хвалили, превозносили, ушѣшались имъ, какъ игрушкою; вездѣ лясписвенно изображался оппечатокъ моего пугалища.

„Я сперва удивлялся, потомъ мало по малу переспалъ дивиться, а наконецъ непонятное существо не казалось мнѣ болѣе страшнымъ.

„Однажды, когда я не могъ довольно налюбоваться мною чипанными описаніями элатой безпегности, милой кѣви и проч. игралъ въ *саше саше* съ нашими Поетами п. в. опыскивалъ мысли между словами, и не успѣвая въ семъ предпріятіи, восхищался ихъ шипическою хипростію,—дверь

наспежь и непонятное существо ввалилось въ комнату. Старая моська моя весьма ему обрадовалась, бросилась, легла, съ почтеніемъ у ногъ его, растинулась и заснула; множество книгъ запрыгали на полкахъ, какъ будто опоздалось въ нихъ родное чувство; и лишь молодой копенокъ, съ негодованіемъ выпустилъ когти. Я усържилъ на чудное существо неподвижные взоры и сначала миѣ показалось, что епо Каллидоровъ спупникъ: вѣчная сонливость въ глазахъ, изнѣженные, ослабѣвшіе члены, подпверждали мое мнѣніе; но всмаприваюсь, и что-же? Епо была женщина, одѣтая въ мужское плашье, вѣрояшмо, для большей уверпливости, — свойство, которое какъ я послѣ узналъ, по странному проптиворѣчію, было отличительнѣйшимъ въ сей Богинѣ; она не могла нравиться; но небрежно повязанный галспукъ, кое-какъ наброшенная одежда придавали ей какую-то прелестъ; она казалось угадала мысли мои и сказала: ты считаешь меня Каллидоровымъ спупникомъ — ошибаешься, я его подруга—*Лѣнь*, Богиня, не одними Русскими Поестами обожжаемая. Древніе не хопѣли и знать меня; они меня приковывали къ спулу, складывали крестъ на крестъ руки и забывали

обо мнѣ;— но теперь благодаря Каллидорову спутнику и модны чь Поестамъ, я вышла на свѣтъ, брожу всюду, во все мѣшаюсь, заступаю мѣсто Философїи и Поезїи и какъ увѣряють многочисленные мои почитатели, даю щастїе истинное, необманчивое; я хочу быть твоею управительницею.

„Тутъ она ко мнѣ начала ласкаться такъ пригнливо, раскурила мнѣ трубку, постлала пуховую постель, положила меня, окутала къ теплѣе одѣяло — — кто устоишь пропивъ женщины, и такой услужливой;— я совершенно отдался въ ея волю.

„Весело мнѣ жить съ нею, ни о чемъ не забочусь; но только правду сказать владычество ея становится иногда несноснымъ.

„Моя управительница безпрестанно старается усыплять меня — сто-бы и туда и сюда; кажется сама спитъ, а между тѣмъ имѣетъ все время проказить: то засыпаетъ пылью книги мои, то распроиваетъ форпозьяны, но ссорить съ знакомыми. Хочу узнать о какомъ либо новомъ открытіи— она начинаетъ доказывать, что съ меня довольно и стараго, начинаетъ приводить въ примѣръ своихъ прїятелей, нашихъ сочинителей руководѣльныхъ Риторикъ — кто устоишь пропивъ такого доказа-

пелъства? — Едва хочу я приняться за сочиненіе, чернилъ мои высушены, перья испорчены, — кто виноватъ? — Управительница. — Хочу рано проснуться, она оспанавливаетъ, или переводитъ назадъ часы, увѣряешь, что еще рано и между тѣмъ укушываетъ меня одѣяломъ. Придетъ-ли кто смѣяться надъ моею неволюю, она за меня отвѣчаетъ, начинаетъ звать и наконецъ прогонитъ насмѣшника. Хочу-ли даже когда подашь милоспыню, она хватаетъ меня за руку, не выпускаетъ ее, уставивъ на меня сонливые глаза свои и засыпаетъ вмѣстѣ со мною. Словомъ, она совершенно обладаетъ мною, распоряжаетъ всѣмъ домою, всѣми дѣлами, все поришетъ, не платитъ долговъ, выкидываетъ напрасно изъ кошелька деньги, люди называютъ меня скупымъ и распочительнымъ, неучью и педантомъ, а кто виноватъ? право не я, все управительница. Случается, что я разсерженный, хочу выполкнуть ее за двери, тогда откуда возьметъ я у ней живость и уверпливость, она прыгаетъ изъ мѣста въ мѣсто; и искусно подмѣнитъ важную книгу романомъ, и применяетъ очинивать перья и очиниваетъ ихъ такъ долго, долго, — между нѣмъ, начинаетъ жалѣть, что я изнуряю

себя, потомъ—такъ привѣпливо улыбаться, что я снова невольно приклоню къ ней опнижелѣвшую голову.

„И теперь едва имѣю время написать сім строки въ ея отсутствіе, — она отправилась въ гости къ знатому барину, которому недавно поручена судьба милліоновъ — — — но я слышу шаги ея, идетъ моя милая мучительница, вырываетъ изъ рукъ перо, нахлучиваетъ на глаза колпакъ, доброй ночи, читателя!“

О д е с к.

III.

ЖЕРТВЫ АМУРУ.

Sed fieri sentio.

Catullus.

Вездѣ, всегда твое я вижу торжество,
 Утѣхъ и радости коварно божество,
 Любовь! Твой жертвенникъ священный,
     Всегда богатый, окруженный
         Молельщицъ набожной толпой,
 Не преклоняется предъ Зевсомъ и судьбой,
 Усерднѣй славится земными племенами.
     Чело украсивши цвѣтами,
 Мы дію скудную не часто носимъ дань;
 Забывъ Ареевъ храмъ, когда забыта брinya;
 И дикіе цвѣты, и сотъ пчелы янпарный,
     Кошница овощей и гроздія румяны:
 Вошь жертвы рѣдкія хранителямъ отъ бѣды!
 Судьбѣ не жертвуемъ — украдкою беремъ
 Она дары себѣ нерѣдко драгоценны.
 Напрасно передъ ней мы падаемъ смущенны,
 Напрасно милое желаемъ возвратить:
 Пусть жертвы силою добытыя, презрѣнны;
 Намъ горькихъ слезъ о нихъ во вѣкъ не осушити!
 Мнемозина. Часть IV.

Тебѣ жъ, Амуръ, тебѣ душисты розы,
 И первая любви — священны, сладки слезы
 Счастливымъ юноша отдать спѣшитъ.
 Такъ! поступь тихую, и кѣжнѣй цвѣтъ ланишь,
 И клятвы пламенны, и очи голубые,
 И первый пбцѣлуй, и въ слѣдъ за нимъ другіе
 Кому, какъ не тебѣ Гликерія хранить?
 Я видѣлъ вздохъ полусокрытый,
 Сей Граціямъ завидный вздохъ:
 Волнуя грудь земной Хариты
 Онъ въ срѣтенье лещѣлъ — къ тебѣ,
 прекрасный богъ.
 Твой факель воспламенилъ и Трою и Персиду,
 И юность рѣзвая, когда кипища въ ней кровь —
 Поетъ тебя — поетъ Киприду
 Жрецъ давній — предстаю съ мольбой къ Эроту
 вновь:

Когда у дѣвы боязливой
 Рука моя украдкой поропливой
 Волшебный поясъ разрѣшитъ,
 И падая покровъ ревнивый,
 Лилейну грудь ея счастливицу обна-
 житъ:

Тогда, о день спократъ счастливый!
 На ошарѣ любви душа моя сгоритъ.

— й. —

IV.

МЫСЛИ.

Справедливо сравниваютъ младенчество съ старостию. Подъ конецъ жизни болѣзни и молитва возвращаютъ многихъ въ царство сердечной чистоты, изъ коего страсти пылкихъ лѣтъ всѣхъ насъ изгоняютъ.

* * *

Лишенный вѣрнѣя охотно ввѣряется руководству дилетта, въ которомъ не подозреваетъ лукавства возмужалаго возраста: такъ точно и слѣпецъ въ нравственномъ отношеніи не найдетъ способіе для управленія его стопами, какъ людей младенчествующихъ незлобіемъ сердца.

* * *

Есть вѣрное средство выводить пилпа—на совѣсти: благодарныя слезы облагодѣтельствованныхъ.

* * *

Прекрасно простить обиду; еще прекраснѣе принять съ любовію одолженіе отъ оскорбителя.

Мспителный оправдываетъ свои возмездія справедливостію ; но кто сказалъ ему, что онъ не погрѣшилеленъ въ своемъ сужденіи ? Онъ, человекъ — слѣдовательно можетъ обмануться, слѣдовательно не долженъ опираться на свою справедливость въ дѣлахъ, гдѣ опрѣчъся отъ своего рѣшенія уже невозможно.

* * *

Человекъ, посягающій на дѣйствіе оскорбительное, грубо ошибается, полагая, что дѣлаетъ вредъ одному предмету своей злобы : онъ безвинно огорчаетъ тѣмъ еще многія тысячи добрыхъ людей, которые когда либо узнаютъ о поступкѣ его съ сожалѣніемъ.

* * *

Время убиваетъ тѣхъ, которые думаютъ убивать его.

* * *

Жизнь празднолюбца есть непрерывный сонъ, который чѣмъ долѣе продолжается, тѣмъ тяжелѣе спансвися.

* * *

Чувства можно упомить, но не насытить.

* * *

Люди столь дорого цѣнятъ хорошее

объ нихъ миѣніе другихъ, что даже искренно любятъ ихъ только , которымъ могутъ его вперить дѣломъ или обманомъ.

* * *

Свобода есть одна изъ ихъ идей, которая не удалось еще осуществить чело-вѣческому роду: врядъ ли и удастся когда !

* * *

Государь не долженъ имѣть другихъ друзей, кромѣ друзей отечества.

* * *

Многіе писатели не терпятъ посто-роннихъ поправокъ въ своихъ сочиненіяхъ. При всѣхъ могущихъ быть въ нихъ недо-статкахъ , сія неуступчивость мнѣ ка-жется имъ естественнѣе , что каждому родителю приятно видѣть въ дѣтяхъ соб-ственные свои черты , хотя не совсѣмъ правильныя и не весьма красивыя.

* * *

Спора нѣтъ, что рима должна повино-ваться здравому разуму; но что для римы многое говорится , о чемъ прежде не приходило въ голову Пюету, это также не подвержено сомнѣнію. Не вѣрьтежь, ми-лая женщины , всему тому , что въ спи-скахъ вамъ напѣваютъ. Чѣмъ прелеснѣе сочинены они , тѣмъ менѣе принадлежатъ

вамъ: ено достоиніе публики, для которой снхотворецъ никогда за грѣхъ не почитаетъ жертвовати истиной.

* * *

Авторъ, который выводитъ на сцену дураковъ, дурачитъ публику, или самого себя.

* * *

Умъ и память связаны между собою тѣснѣйшимъ союзомъ, и безъ взаимной помощи обойтись не могутъ; не должно однако полагать, чтобъ они составляли одно и то же. Человѣкъ можетъ употреблять ихъ иногда, отдѣляя другъ отъ друга: такъ, на примѣръ, можетъ онъ по памяти читать молитву, а умъ устремлять совсѣмъ къ другому предмету, изиѣняя устамъ своимъ.

* * *

Память ослабѣвшая отъ умственныхъ напряженій, отъ продолжительныхъ несчастій или тѣлесныхъ спраданій почерпаетъ малую пользу отъ книгъ, не сохраняя болѣе въ своемъ запасѣ ни предметовъ ихъ содержанія, ни существующей между ими связи. Положеніе грустное для человѣка, страстного къ познаніямъ, но не совсѣмъ еще лишенное средствъ, распро-

спранить ихъ область безъ пособія начитанности. Науки естественныя не въ теоріяхъ, но въ приложеніяхъ своихъ, дѣйствуя на чувства, оставляютъ сильнѣйшія впечатлѣнія, нежели одни размышленія, отъ простаго чтенія происходяція. Но что еще вѣрнѣе можетъ замѣнить книги въ размноженіи понятій, такъ это безспорно путешествія непоропливыя, съ обзорніемъ не поверхностнымъ, по мѣстамъ достойнымъ любопытства.

Н е с а е в ъ.

V.

СПУТНИКИ ЖИЗНИ.

Было время, когда у меня госпила Юность и каждый день бывало шумное сборище и Печалей и Радостей: я радовался, печалился — и былъ невеселъ. Вдругъ сказали мнѣ, что Юность разсталась со мною навсегда. Я жалѣлъ о вѣтренномъ другѣ. Вѣспникомъ разлуки нашей была Печаль она очень обласкала меня, но я зашворилъ двери предъ угрюмою посѣщительницей, отказался отъ плаксиваго Сожалѣнія — и умѣлъ зазвать къ себѣ нѣсколько старинныхъ моихъ Радостей; но, милыя, вѣтренныя богини мимоходомъ только навѣспили мою хашу, прежде всего спросили объ Юности — не знаю: испугало ли ихъ одиночество моего убѣжища или, я не умѣлъ угощать званыхъ гостей, только Радости не остались со мною. Я съповалъ, жалѣлъ и спалъ жалѣть еще болѣе, когда въ слѣдъ за ними, завернула ко мнѣ блѣднолицая Пе-

чалъ и учтиво объяснила, что она идетъ впереди и послѣ Радостей, навѣщаетъ всѣхъ шѣхъ, у кого бываетъ Радость и шѣмъ съ большимъ удовольствіемъ — старыхъ знакомыхъ; что охотно гостова погостишь у меня, желая укрѣпиться въ силахъ и попомъ скорѣе догонить убѣжавшія мои Радости.

Гостья была не по сердцу — она медленно уходила и ко мнѣ явилась новая, небывалая — явилась Грусть и поселилась со мною: она раздѣлила со мною и прогулки, и заботы и бездѣйствіе. Дыханіе Грусти плетворно — съ нею тѣсно въ городѣ, душно на полѣ — грустно вездѣ: вездѣ, гдѣ я хотѣлъ полюбоваться милымъ, порадоваться прекраснымъ, забыться — Грусть спановилась предо мною; — она заслоняла ясное солнце, она шуманила предо мной природу, она клеветала на людей — усыпляла меня шопотомъ недовѣрчивости, будила говоромъ ожесточенія, и когда Надежда пѣснями хотѣла усыпить настоящее, Грусть шептала мнѣ о прошедшемъ; когда Забвеніе закрывало прошедшее — Грусть раздирала мрачную завѣсу будущаго, и бѣлый свѣтъ мнѣ не взмиллся!

Не знайте ее, друзья мои, епой убійственной спутницы нашей: и Печаль убиваетъ, но ударъ ея легче: онъ мгновенный, рѣшительный; Грусть — поминъ и съ горькою улыбкою, по каплѣ вливаетъ ядъ свой въ полную чашу жизни. Грусть суеплива, — знакомыхъ у ней толпа, куда ни явитесь съ ней въ деревни, въ городъ — вездѣ ея услужники, въ видѣ пощихъ ученыхъ, вялыхъ прятелей, навязчивыхъ друзей, безталантныхъ Поезовъ, крикливыхъ спорщиковъ, жеманныхъ красавицъ. Грусть знакома съ Завистью — и кого познакомитъ она съ епою злодѣйкою, пошъ погибъ навсегда! Меня уволили отъ епой чести — можете быть потому, что звонъ золота не оглушалъ меня и смотря на огромныя палаты богачей, я видѣлъ, какъ Грусть дружески пожимала руки швейцаровъ и отдавала визитныя карточки хозяевамъ. Но другая знакомка ея Скука повадилась ко мнѣ и когда подъ разговорами ихъ засыпалъ я, нерадостныя, но злобщіе сны посѣщали меня. — Есть старикъ, посѣдѣвшій съ юныхъ лѣтъ: онъ опирается на костыль познаній, вѣчно думаетъ о прошедшемъ, не знаетъ будущаго, не понимаетъ наспоющаго — его зовутъ Опышомъ.

Онъ любитъ догонять людей и вѣчно отстаеетъ назади, если Юность и воображеніе ведутъ человека; онъ вѣчно задумчивъ и угрюмъ, дѣлаетъ добро пихонько, украдкою, хмурился — при улыбкѣ, улыбаелся со вздохомъ — за то и люди не любятъ его, какъ ростовщика, у котораго занимають деньги за большіе проценты. — Но я встрѣтился съ нимъ, когда онъ былъ веселъ, и прежде я видалъ его, но бывший спутникъ мой Юность, разлучалъ насъ. Юность не любитъ Опыта; говорилъ, что спарикъ епошъ скучень, мрачень, — Опышъ признавался миѣ, что они не дружны съ Юностью — „впрочемъ такова моя доля,“ говорилъ онъ со вздохомъ — „ни съ кѣмъ не могу сладить: люблю дѣлать добро и — не умѣю; приду ли совѣтовать — моя угрюмость дѣлаетъ совѣты мои несносными. Прибавь, что я вѣчно опаздываю: часто, спѣшу помогать — и застаю людей на смертной постелѣ — или съ Опчаяніемъ; а епо хуже смерти, — опчаяніе заклятой врагъ мой. Признаюсь еще въ слабости: я раздумчивъ, что узналъ вчера, передѣлываю сего дня, и не ручаюсь, что завтра не передѣлаю опять. По сіе время въ 7000 лѣтъ, и ошкрылъ правда

«Нѣсколько испинь и успѣлъ увѣрить людей въ ихъ правдѣ, такъ, на примѣръ, что дважды два чешыре и . . . . другихъ теперь не вспомню...» — Видно ихъ много — подумалъ я — но скажи: не знакома ли тебѣ неразлучная спутница моя Грусть. — „Кому жъ незнакома она? Я часто встрѣчаюсь съ нею когда объ руку Скуки, ходишь она и въ царскихъ чертогахъ и въ ученыхъ кабинетахъ и въ диванныхъ красавицъ.“ — И такъ она вездѣ, воскликнулъ я — вездѣ и всегда. — „Нѣтъ правила безъ исключенія — ето также одно изъ моихъ открытій: вопль идетъ врагъ ея и мой другъ, спроси у него — я знаю, что онъ умѣетъ избавляться самъ и избавлять другихъ отъ Грусти и Скуки.“ Я взглянулъ: мѣрными шагами приближался ко мнѣ юноша — *весь здоровье* — сказалъ бы я, если бы пожелалъ двумя словами выразить видъ его. — Мы пошли вмѣстѣ: его ходьба утомила меня, я уставалъ, но не опспавалъ; заманилъ его къ себѣ и при первомъ взглядѣ на юнаго моего спутника Скука, на шопъ разъ бесѣдовавшая съ Грустью, убѣжала не оглядываясь. — „А! ето Трудъ,“ ворчала Грусть; добро пожаловать — „мы

уживемся.“—Врядъ ли — загремѣлъ Трудъ— и Грусть за шрепешала.

Не много прошло времени — въ самомъ дѣлѣ Грусть ссорилась съ Трудомі, но не опшавала опъ насъ, какъ совсѣмъ неожиданно милый, добрый поварицъ Труда — полнощокое Довольство пришло навѣспитъ насъ и оспалось съ нами: оно поставило цвѣты на окнахъ моей хаты; сбросило съ полки Юнга и Верпера; развеселило меня своими разсказами; — вопъ начали къ намъ собирапъся друзья его — Грусть безпокоилась и задумывалась.

Тутъ ярко заиграли лучи солнечные, цвѣты показались миѣ душистѣе, небо лазуриѣе. „Пойдемъ, пойдемъ на встрѣчу лучшаго друга нашего,“ — сказали миѣ всѣ мои спутники — всѣ, кромѣ Грусти. — Не помню, куда шли мы, не помню гдѣ мы были, гдѣ очутились — когда я могъ уже чувспвовать, могъ понимать себя и миѣ было хорошо, хорошо какъ на небѣ: рука объ руку шла со мною подруга — не знаю небесная, не знаю земная — „она твоя — ты не одинокѣ!“ говорили миѣ люди.— Вы ее видѣли, друзья мои! — Но за чѣмъ не могу я перелить въ душу вашу ешаго чистаго, неземнаго восторга, когда въ первый разъ

она сказала мнѣ: *люблю тебя!* и хата моя показалась мнѣ храмомъ. Послѣ сказывали, что Зависнь, Скука и Грусть набрасывали на дорогу нашу шернія — я не примѣпилъ ихъ: Трудъ и Веселье—другъ, кошораго ходили мы встрѣчать, забросали шерны цвѣтами.

Грусти слѣдъ проспыхъ. Я помню эту блаженную минушу, когда я въ первый разъ плакалъ въ объятіяхъ моей подруги и въ эту минушу впорхнула къ намъ легкокрылая Радоснь — незванная и нежданная; Довольство обнималось съ Весельемъ; въ разтворенную дверь заглянулъ съдой знакомецъ мой Опытъ. — „Друзья! будущее!“ заворчалъ онъ — но я указалъ ему на мою подругу, на моихъ спутниковъ — и угрюмое лицо его завеселѣло . . . .

Н. Полевой.

VI.

АМУРЬ ЖИВОПИСЕЦЪ.

(Подражаніе Гёте).

До зари сидѣлъ я на утесѣ ;
 На туманъ глядѣлъ я недвижимый ;
 Простираясь будто холстъ безцвѣтный ,
 Покрывалъ сѣдой туманъ окрестность .
 Вдругъ предсталъ мнѣ незнакомый мальчикъ .
 „Что сидишь ты,“ говоритъ онъ, „праздный ?
 Что глядишь на епопъ холстъ безцвѣтный ?
 Или ты на вѣкъ утрапилъ жажду
 Бодрой кистью вызывать картины?“
 На него взглянулъ я и помыслилъ :
 Нынѣ ужъ учить и дѣти спали !
 „Брось тоску,“ вѣщалъ онъ, „лѣнь и скуку !
 Или съ ними въ чемъ успѣтъ мечтаешь ?
 Посмотри, что здѣсь я нарисую !
 Перейми, мой другъ, мои картины!“
 Тутъ онъ поднялъ пальчикъ, алый пальчикъ,
 Схожій цвѣтомъ съ юной, свѣжей розой ;
 Имъ онъ водить по коври тумана,
 Имъ онъ пишетъ на холстѣ безцвѣтномъ . —
 Съ верьху пишетъ ясный образъ солнца
 И слѣпнеть мой взоръ его сіяньемъ

И лучи сквозь облака проводятъ
 И огнемъ края ихъ обливаютъ.
 Онъ рисуетъ зыбкія вершины
 Лѣса, напоеннаго росою;
 Проплывувъ прелестный рядъ пригорковъ,
 Не забылъ онъ и воды серебристой;
 Въ даль онъ пролилъ свѣтлый ручеечикъ
 И казалось, въ немъ сверкали блески,
 Въ немъ струи кипѣли, будпо жемчугъ!
 Вдругъ цвѣшочки всюду распустились:
 Ими доли, брегъ, холмы песпрѣютъ,
 Въ нихъ багрець, лазурь и злато блестятъ;
 Дернъ подъ ними свѣпнишь изумрудомъ:
 Горы блѣдной сѣдиной одѣлись;
 Сводъ небесъ подъялся васильковый!
 Весь дрожалъ я — и восторга полный,
 На шворца смотрѣлъ и на картину.
 „Не совѣмъ дурной я живописецъ!“ —
 Молвилъ онъ: „признайся, — мой приятель,
 Подожди жъ: конецъ вѣнчаетъ дѣло!“
 Вотъ онъ снова нѣжною рученкой
 Возлѣ лѣса рисовать принялся;
 Губки занусикъ, трудился долго,
 Улыбался и черпиль и думалъ!
 Я взглянулъ и что же вдругъ увидѣлъ?
 Возлѣ роши милая наешушка,
 Ликъ прелестный, грудь подъ снѣжной дымкой,
 Стройный станъ, живыя щечки съ ямкой;,
 Щечки тѣ подъ прядью темныхъ кудрей,
 Отражали сладостный румянецъ,

Отражали пальчикъ живописца!
 „Мальчикъ! мальчикъ!“ — я тогда воскликнуть
 „Такъ писать, скажи мнѣ, — гдѣ учился!“
 Вослицанья продолжая сбирался,
 Но Зефиръ повѣялъ вдругъ мнѣ, пронувъ
 Рощу и подернувъ рябью влагу,
 Быстрый за клубилъ покровъ пастушки —
 И тогда (о, какъ я изумился!)
 Вдругъ пастушка поднимаетъ ножку,
 Вдругъ пошла и близится къ утесу,
 Гдѣ сидѣлъ я и со мной проказникъ!
 Что же, шутъ, когда все всколебалось,
 Роща и ручей, цвѣшны и ножка,
 Дымка и покровъ прелестной милой, —
 Други, вѣрьте, что и я не пробывъ
 На скалѣ одинъ скалой недвижной!

В. Кюхельбелеръ.

VII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО
ПОЛУДЕННОЙ ФРАНЦІИ.

ПИСЬМО XLIII.

МАРСЕЛЬ.

$\frac{31}{19}$ Января, 1821.

Съ того времени, какъ мы живемъ вдвоемъ, я познакомился гораздо короче съ нашимъ молодымъ художникомъ (*); съ дня на день нахожу въ немъ болѣе и болѣе расположенія ко всему прекрасному и высокому. — Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, оставилъ мнѣ здѣсь свою небольшую библіотеку Нѣмецкихъ Классиковъ: нашъ живописецъ еще очень мало читалъ; стараюсь его нѣсколько познакомить съ отечественною его словесностію. — Иногда вечеромъ мы читаемъ вмѣстѣ или сильнаго,

---

(*) Живописцемъ, котораго А. Л. Нарышкинъ взялъ съ собою изъ Дрездена.

спрасилнаго Бюргера или божеспивеннаго *мстателя* — Шиллера или милаго пѣвца Гёльти; нерѣдко книга упадаетъ у меня изъ рукъ и непримѣнно начинается у насъ разговоръ о природѣ, о поэзіи, о сердцѣ человѣческомъ. — Эли вечера, мой Д....., меня всякій разъ переносятъ въ нашу родимой Лицей, въ нашу фехтовальный залъ, гдѣ мы съ тобою читали пѣхъ же самихъ поэтовъ и не рѣдко съ непонятнымъ какимъ-то препенемъ углублялись въ тѣ же таинства красоты и гармоніи, спрасшей и спраданиа, наслажденія и чувствительности! — Можетъ быть, мой другъ, и ты вспомнишь лѣта нашей безопасности и ея радости, когда сообщу тебѣ содержаніе нашего вчерашняго разговора.

Мой юноша признался мнѣ, что нѣкогда при имени поэта представлялъ себѣ полубога безъ слабостей и пороковъ. — Нынѣ, читая ихъ жизнь, онъ видитъ, что по большой часи ихъ душа была возмущаема спраспями, что они не рѣдко писали иначе, нежели жили: это противорѣчіе его мучитъ; онъ готовъ счесть ихъ лицемѣрами! — Что отвѣчатъ ему на его сомнѣнія? — Уже ли, кромѣ дарованія, ничто не возвышаетъ великаго пѣвца надъ толпою?

Поэпъ — принимаю эпо слово въ самомъ высококомъ значеніи — всегда говоритъ то, что чувствуетъ: искренность первое условіе вдохновенія. — И пакъ въ то мгновеніе, когда онъ учитъ времена и народы и разгадываетъ тайны Провидѣнія, онъ точно есть полубогъ безъ слабостей, безъ пороковъ, безъ всего земнаго. — Но самая способность къ вдохновеніямъ предполагаетъ пламенную душу, ибо только пламя можетъ послышаться къ небу! Что же есть пища сего пламени? — Великія страсти. — Онѣ молчатъ, они исчезаютъ, когда орелъ летитъ къ солнцу; но попомъ голодъ гонитъ его съ высоты, онъ падетъ на добычу и вонзаетъ въ ея бока когти: уже ли за то вы уподобите орла ворону? — Есть сильныя или холодныя души, которыя могутъ на всю жизнь сковать свои страсти: но они не знаютъ вдохновенія! Курціи былъ пылкій юноша; я увѣренъ, что онъ не чуждался даровъ Венериныхъ и Вакховыхъ! Медантъ въ своемъ кабинетѣ и глупый мѣщанинъ въ харчевнѣ судятъ о великихъ полководцахъ и говорятъ съ видомъ рѣшительнымъ. „Наполеонъ здѣсь сдѣлалъ ошибку непрощительную; Суворовъ долженъ былъ предпринять такое-то движеніе; Ку-

пузовъ забылъ то, — опустилъ другое, не успѣлъ совершить третіе!“ потомъ наши мудрецы, торжествуя, смотрятъ кругомъ себя и кажется, ожидаютъ, чтобы всѣ почтенные слушатели закричали въ одинъ голосъ: „о! въ сравненіи съ вами, Милостивые Государи, Наполеонъ и Суворовъ школьники!“ — То же съ поэтами: имъ завидуютъ и въ то же время желаютъ показать презрѣніе къ ихъ дарованію. — Но чернь не способна даже къ заблужденіямъ душъ великихъ. — Люди, странныя, непонятныя созданія! Вы гоните и ненавидите вашихъ благодѣтелей: наслаждайтесь ихъ деніемъ; идите по пути, который вамъ указываютъ и помните, что они живутъ среди пороковъ и развращенія, живутъ между вами, что душа ихъ способности вашей принимаетъ впечатлѣнія и легче увлекается властительной минушою. Почему брызжетъ жаба ядъ на смиреннаго свѣтляка? — Онъ блеспитъ, ибо блеспитъ и жить для него одно и то же; онъ и не думалъ гордиться передъ нею блескомъ своимъ! И если бы вы знали, враги дарованія, если бы вы знали какою цѣною оно покупается! — Поэтъ нѣкоторымъ образомъ перестаетъ быть человѣ-

комъ: для него уже нѣтъ земнаго счастья. Онъ достигнулъ высшее сладострастіе и наслажденія міра никогда не заиѣняетъ ему порывовъ вдохновенія, споль рѣдкихъ и оспавляющихъ по себѣ пустоту споль ужасную! онъ блуждаетъ по землѣ, какъ магнанникъ, ищетъ и никогда не находитъ успокоенія. — Узы семѣйственной жизни для него милы, но тягостны; онъ понимаетъ тихое счастье, но не способенъ къ нему. — Въ однихъ буряхъ, въ борьбѣ съ неумолимою судьбою взоръ его проясняется и грудь дышетъ свободнѣе: — жизнь и движеніе — вошь его стихія! онъ съ радостію погибаетъ среди общаго разрушенія подъ гуломъ грома и при заревѣ пожаровъ, но не въ состояніи безъ ропопа доживать свой вѣкъ среди мѣлкихъ спраспей и сплетней, въ толпѣ набожныхъ Ксантинъ, глупыхъ остряковъ и лѣхъ презрительныхъ юношей, кошорые, будучи заранѣе посвящены во всѣ таинспва притворства и благопришойности, развратны до гнусной ошвратинельности, но умѣютъ скрыть свое распушество отъ глазъ свѣта и пользуются особенною милоспію молодыхъ и старыхъ раздавательницъ добраго имени. (Поэтъ предпочинаетъ спраданіе вялому, мершвому

спокойствію. — И такъ проспите ему , если онъ не всегда Споюкъ , если , желая чѣмъ нибудь наполнить душу , желая дать хотя какой нибудь предметъ своему внутреннему волненію , онъ иногда раздѣляетъ съ вами ваши нечистыя наслажденія и въ своей безпечности забываетъ оспорожностъ , которая прикрываетъ ваши заблужденія непроницаемою завѣсою!

Спрасный, пламенный, чувствительный юноша рѣшился быть поэтомъ: удивительная по крайней мѣрѣ его отважности! — Онъ прочелъ опыты пѣхъ своихъ предшественниковъ , которыхъ смерть скосила не созрѣвшихъ или которыми спраси, судьба и люди оборвали наконецъ крылія.— Онъ бродилъ между ихъ явореніями; между ними дикими развалинами пышнаго , недостроеннаго храма. Можетъ быть , избытокъ дарованія погубилъ ихъ ; можетъ быть , они были бы безсмертны , если бы было слабѣе пламя , пылавшее въ ихъ персяхъ! — Онъ знаетъ все это , знаетъ , что его ожидаютъ пруды Алкидовы , клеветы , гоненія , бѣдность , презрѣніе , зависть , предательство , ненависть , — ненависть самыхъ друзей его и покровителей , ибо онъ не исполнилъ ихъ требованій и уничто-

жить всѣ расчеты и надежды ихъ! — Умри онъ съ голоду, пожмуть плечьми и скажутъ: мы это предвидѣли! и пусть благодарятъ ихъ всѣ поэты времени настоящаго, минувшаго и будущаго, если не прибавятъ: ничто же ему! — Юноша гений знаетъ все это — и рѣшается бытъ поэтомъ.

Въ обществѣ живописецъ говоритъ: „я живописецъ,“ — купецъ: „я купецъ,“ — и безполковой баринъ: „я Князь такой-то!“ и припомъ надуваетъ подзобокъ, носъ возноситъ къ небесамъ и не замѣчаетъ смиренныхъ поклоновъ своихъ ласкателей! скажи поэтъ: „я поэтъ“ — и со всѣхъ сторонъ подыметъ громкій хохотъ. — „Почему?“ спросилъ я однажды двухъ моихъ знакомыхъ; они оба утверждали, что свѣтъ совершенно правъ, но долго не могли доказать, почему онъ правъ. — Бывшися съ четверть часа, наконецъ одинъ изъ нихъ сказалъ въ полголоса: *c est comme qui dirait, je suis vertueux!*

Мы замолчали. — Не знаю, чувствовала ли мой пріятель всю силу, весь вѣсъ своего золотаго изреченія!

„Поезія есть добродѣтель!“ говоритъ и Жуковскій; но чернь въ правъ не повѣ-

ришь поэту Жуковскому. — Въ усахъ же
человѣка вовсе непоэтическаго это: „*comme
qui dirait!*“ неощенно! — Повторимъ же:
поэзія есть добродѣтель и душа вдохно-
венная сохраняетъ въ самомъ паденіи лю-
бовь къ добродѣтели, въ самыхъ порокахъ
она ищетъ великаго; — ея заблужденія по-
добны грозному водопаду, изверженіямъ Ве-
зувія и рокоу грома небснаго: они разру-
шаютъ, но въ то же время изумляютъ и
возбуждаютъ благоговѣніе! — Но не вся-
кій — даже хорошій стихопворецъ можетъ
назваться поэтомъ: напротивъ всякій мужъ,
необыкновенный, съ сильными спрасями,
пролагающій себѣ *свой собственный* путь
въ міръ — есть уже поэтъ, если бы онъ и
никогда не писывалъ стиховъ и даже не
учился граммѣ. Аппила и Говардъ такіе
же поэты какъ Руссо, Жанъ-Поль и Бай-
ронъ! Буало великій стихопворецъ, а Гг. Ф.
и Ц. вралі, не смотря на рифмы и глупость
произведеній ихъ. — Вѣрнѣйшій признакъ
души поэтической спрасъ къ высокому и
прекрасному: для холоднаго, для вилаго, для
сердца испорченнаго необходимы правила,
какъ цѣпь для злой собаки, а хлыстъ для
лѣнивой лошади; но поэтъ дѣйствуетъ по
вдохновенію и споль же мало гордится

своею жизнью, какъ своими твореніями, ибо чувствуешь, что все ему данное есть даръ свыше, а онъ только бранный сосудъ ной божественной Силы, которая обновляетъ и возрождаетъ человѣчество!

ВЪЗДЪ ВЪ ИТАЛІЮ.

ПИСЬМО L.

Н И Ц Ц А.

20 Февраля, 1821.

Прелестная, благословенная страна Ерская; рай полуденной Франціи! — И я былъ на своихъ вѣчно зеленыхъ, роскошныхъ горахъ; въ своихъ благоуханныхъ долинахъ; и я дышалъ своимъ воздухомъ, разтвореннымъ и въ зиму запахомъ фіалокъ, розъ, цыфровъ померанцовыхъ и дикаго левкоя! — Мое воображеніе иногда составляло себѣ на сѣверѣ образъ Эдема: но эпошъ образъ ничто въ сравненіи съ садами, рощами, лугами Ерскими. — Друзья!

въ холодной Ингрии вы не можете представить себѣ живой лазури *этого* неба, неизъяснимо нѣжной, неизъяснимо восхищательной, подобной сладостной синевѣ незабудокъ: одни голубые глаза невинной, 16-пи лѣшней красавицы могутъ превзойти ее своимъ тихимъ пламенемъ, — любовію и помностію, которыми исполнены! — Все здѣсь живешь, все производишь, все радуешься: сѣмья разсѣлины скаль покрыты цвѣтами, самыя снѣжны разореннаго монастыря и разрушеннаго Сарацынскаго замка одѣны плющемъ, повеликою, виноградными лозами. — Гдѣ утесы хотя нѣсколько покрыты пескомъ или глиною, вездѣ распустились богатые свѣтлозеленые ковры, на которыхъ отдыхаютъ усталые, но насыщенные взоры. — Миндальные деревья здѣсь уже опцвѣли и развернули мягкіе листочки (*). Мы взошли на высоту до самаго замка; гора выше всѣхъ окружающихъ: передъ нами вдругъ открылось столь рѣдкое зрѣлище карпины ни съ какой стороны неограниченной; во всѣ направленія зрѣніе могло проспираться и ему не было предѣ-

---

(*) Миндальное дерево сперва цвѣстетъ, потомъ уже распускается.

ловъ, кромя слабости чувствъ человѣческихъ; оно блуждало по хребтамъ и высопамъ, холмовъ и горъ, въ сокровенной глубинѣ темныхъ доловъ, по блестящему морю и островамъ Споэхадскимъ, лежавшимъ передъ нами, какъ нѣкогда передъ Моисеемъ земля обѣтованная, по легкимъ, воздушнымъ вершинамъ ближнихъ миндальныхъ лѣсточковъ и въ безднѣ неба, которое здѣсь необъятнѣе, нежели гдѣ нибудь, но въ тоже время неизъяснимо привѣтливо. На сѣверѣ синева зѣира всякій разъ напоминала мнѣ ничтожество всего земнаго и внушала душѣ поску и желанія; но здѣсь небо и земля одно дивное, прелестное цѣлое: здѣсь не рздѣляешь вселенной, наслаждаешься и чувствуешь пищу совершенную.

Ерѣ (Нугѣс) нѣкогда славился апельсинными, померанцовыми, лимонными садами; но въ ужасную зиму съ 1819-го на 1820-ой годъ онѣ всѣ погибли; въ извѣстномъ саду Филл въ одну ночь 18,000 деревъ сдѣлались жерлвою спужы. — Спарожилы не запомнятъ такихъ морозовъ, ибо за тридцать лѣтъ въ 1789 году они хопя причинили много вреда молодымъ усадьбамъ, по крайней мѣрѣ пощадилы всѣ старыя деревья; въ прошломъ

же году все умерло, все было истреблено: и сполѣннiя маслины и праошцы Агрумiевъ (*) и огромныя пальмы, краса всей области. — Рассказываютъ что за 111 лѣтъ такая же снужа прошла черезъ земной рай Ерскiй и что тогда бѣольшая часть жишелей принуждены были оставить родину. — И такъ, не смотря на чудную прелесть, въ коей видѣль я Еръ и его окрестности, въ мою бытность роскошныя красоты сей сладостной стороны не лъзи было и сравнить съ пѣми, копорыя здѣсь нѣкогда цвѣли и блестяли. — Вопъ по чему, можете бышь, вы съ удовольствiемъ прочтете описанiе здѣшнихъ садовъ, каковы они были во время пребыванiя здѣсь госпожи Брунъ (***) навѣсшившей Еръ въ Декабръ 1806-го года. — Госпожа Брунъ, какъ и мы, остановилась въ гостиницѣ добраго Феликса Сюзанна.

„Передъ нашими окнами,“ говоритъ она, „проспираюпся по обѣимъ сторонамъ Агрумiи густыми садами и рощами. — Они нынѣ представляютъ между блестящихъ листьевъ всю лѣспвиницу великолѣпныхъ Гесперидныхъ яблоковъ, начиная

(*) Родовое названiе апельсинныхъ, померанцовыхъ и лимонныхъ деревьевъ.

(**) Извѣстной Нѣмецкой писательницы.

съ зеленѣющаго золота лимона полусозрѣва-
шаго до яркаго огня апельсиновъ и ирач-
наго пламени померанцовъ. — Сіи рощи на-
конецъ оканчиваются виноградниками, ко-
торые въ свою очередь окружаются нѣжно-
восходящими холмами, покрытыми велико-
лѣнными лѣсами маслинъ ; на скапѣ передъ
пышнымиъ домоу Фила, невольно подум-
маешь , что находишься въ краю басень и
сказокъ , куда вдругъ ударомъ волшебнаго
жезла перенесены дѣти отдаленнѣйшихъ
странъ свѣта , и всѣ въ дивномъ согласіи
зеленѣютъ , цвѣтутъ , богатятся плодами:
Лазійскія пальмы и плакучія вѣтлы Вави-
лонскія, Бананы , пришельцы изъ Америки,
Мимозы съ береговъ Сенегала , надъ шумя-
щимъ водоскатомъ Паниръ, оставившій оп-
логіе луга великаго Нила ; на спѣнахъ цѣ-
лнѣющій Алоэ и , возвышаясь въ высоты
воздушныя, дерева лимонныя и померанцо-
выя; вокругъ по всѣмъ тропамъ и грядамъ
душистый фіялки, резеда, цвѣтуція мирты
и геліотропіи , перемѣшанные съ растѣні-
ями съ мыса Доброй Надежды странными,
образованными , кажутся , по прихоти ди-
кой фантазіи: все это соткано — въ одно
волшебное цѣлое; и никогда я еще не вспо-

минала такъ живо царство Фей и очарованія !

Мы спустились въ садъ ; простираясь въ необъятное насъ принялъ тѣниспый лѣсъ Агрумиевъ : деревья , преклоняя долу вѣтви опягченныя золотымъ бременемъ , не могутъ даже прикрыть листьями избылія плодовъ своихъ. — Во всѣ направленія дорога пересѣкается длинными аллеями , копорыхъ конецъ убѣгалъ бы опъ зрѣнія , если бы не блестѣло даже изъ глубочайшаго опдаленія спѣлое золото. — Апельсинныя деревья можно раздѣлить на бѣлнокъ и смуглянокъ. — Вѣтви и листья первыхъ свѣтлозеленаго яблочнаго , плоды — чистаго палеваго цвѣта ; вторыя горятъ мерцающею темною зеленью , а плоды яркимъ желповатымъ пурпуромъ.“

Я прочелъ это описаніе , когда уже видѣлъ Еръ и наслаждался его очаровательными прелестями. Признаюсь , въ противоположномъ случаѣ , я лишился бы и того , что еще уцѣлѣло.

ПИСЬМО LI.

НИЦЦА.

22 Февраля.

Проѣздъ нашъ отъ Ера до Ниццы доставилъ мнѣ два дня полной, богатой жизни и воспоминаніе о нихъ одно еще поддерживаетъ меня теперь, когда моя усталая душа ищетъ успокоенія или воспорга или боли и находишь одну шоску и скуку. Человѣкъ странное, непонятное созданіе! Меня не веселилъ роскошная природа Италіи! чувствую, что мнѣ нужна независимость и нужно участіе, чтобы быть счастливымъ. — Но я удержусь отъ ропота и постараюсь оживить себя, говоря съ вами о минушахъ радости. Мы выѣхали 16 числа послѣ обѣда изъ Ера. — Солнце склонилось къ Западу: вокругъ насъ все цвѣло и жило и все раждало во мнѣ мечтанія. — Я мыслями былъ на лѣсистыхъ берегахъ моей родимой Авиноры, — гдѣ я впервые вдохнулъ для чувства и наслажденія; я былъ дитя и вса душа моя идилліи. — Въ моемъ воображеніи не было опредѣленнаго образа; но то, что въ немъ мелькало и изрѣдка меня тѣщило, меня ис-

помяло пихаго веселіи. Когда день началъ погасанъ, мы выѣхали на большую дорогу и миновали выдающійся хребень холмовъ, по которымъ цѣпь деревень и мѣстечекъ простирала въ воздухъ свои башни. Луна взошла и зажглись мои давніе знакомцы привѣщныи, мирныя звѣзды; вечеръ былъ нехолоденъ: едва ли въ Маѣ мѣсяцъ такіе вечера спускаются на тундры Ижорскія.— На первой станціи разспались мы съ А. Л.....емъ, потому что не было лошадей для всѣхъ насъ. — Черезъ часъ (я между тѣмъ бродилъ по полю съ живописцемъ) — отсправились и мы въ дальнѣйшій путь, но снова принуждены были остановиться въ мѣстечкѣ Корнуль, недоѣзжая Фрежюса и ждапъ возвращенія почпильоновъ. Мы зашли въ деревенскую бѣдную харчевню, велѣли сварить себѣ кофе и присѣли съ хозяйкою къ смиренному камельку, въ которомъ пылала передъ нами дерево лимонное и померанцовое, миршы и маслины: огонь самый роскошный и поэпическій, но въ то же время перзающій сердце, если подумаешь, что онъ слѣдствіе общаго несчастья! Черезъ полчаса зашли къ намъ молодой человекъ и двѣ очень хорошо одѣтыя, престарѣлыя женщины. Мы сочли ихъ съ

начала за проѣзжихъ; но вскорѣ узнали, что это здѣшнія помѣщицы съ племянникомъ. — Хозяйка имъ очень обрадовалась: старушки присѣли къ огню и я вспомнилъ Фенелона, посѣщавшаго подобнымъ образомъ своихъ прихожанъ и подданныхъ. — Наши дамы принадлежали къ старому доброму времени и къ древнему Французскому дворянству: онѣ были ревностныя аристократки и всею душою вѣровали въ величіе Лудовика XIV. — Ихъ разговоры показывали большую начитанность и старинное воспитаніе: обращеніе было чрезвычайно занимательное соединеніе Французской живости, добродушія, простоты временъ патриархальныхъ, и Феодальной величавости: племянникъ доброй неиспорченный сынъ природы и страстный обожатель военной славы своего народа. Онъ повелъ меня и живописца въ садъ своихъ родственницъ. — Не люблю деревьевъ испорченныхъ ножницами садовника: здѣсь не было другихъ; кипарисы и миршы, карубень и земляничникъ являлись мнѣ въ страннѣхъ, чудовищныхъ видахъ. — Но весь день проведенный мною былъ необыкновененъ; въ печеніи цѣлыхъ супокъ я казался самому себѣ дѣйствующимъ лицомъ.

волшебной сказки или романа: и въ первый разъ въ жизни я съ удовольствіемъ остановивалъ взоръ на дикихъ очертахъ сихъ воспитанниковъ искусства, освѣщенныхъ очаровательнымъ свѣтомъ мѣсяца и оплѣненныхъ рѣшеткою. — Невольно забывался я при лепетѣ источника, упадающаго въ каменный водоемъ, обросшій повеликою, марцисомъ и фіялками.

По утру мы прибыли въ Фрежюсъ и наскоро посмотрѣли здѣшнія примѣчательныя развалины. Фрежюсъ былъ въ Римское владычество важнымъ торговымъ городомъ; здѣсь много слѣдовъ великаго народа: арена, амфитеатръ, капище. — Съ Фрежюса начинается рядъ городовъ и мѣстечекъ прославившихся событіями Наполеоновой жизни. — Въ рыбацкой деревушкѣ не подалеко Фрежюса вышелъ онъ на берегъ, возвращаясь изъ Египта и Франція пала къ ногамъ его; изъ той же самой деревушки 1814 года, сверженный съ престола Бурбонъ и Карла Великаго, онъ опиралился въ свое первое заточеніе; потомъ по инициативу лѣвсисаго Эстреля, по высказанію коего проложилъ въ свое царствованіе славный путь, соединяющій Италію съ Франціею, между городами Канномъ и Ан-

пѣбами — онъ вдругъ снова явился съ торснью ошважныхъ; и съ начала пробирался черезъ темные Эспрельскіе доли, по грознымъ скаламъ и спремниамъ, по мрачными рощамъ и болопамъ, непроходимымъ для всякаго другаго. — Когда мы спускались съ Эспреля почшильонтъ указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ Буонопартъ перешелъ большую дорогу, чтобы снова спуститься въ пустынную глушь, въ темноту шѣсныхъ ущелинъ и проходовъ: я тогда живо вообразилъ себѣ эпата чуднаго человѣка, который промѣнялъ славу на власть, власть на уединеніе, уединеніе на жизнь разбойника и снова съ дивной быстротой пріобрѣлъ воперянный пресхолъ и снова съ него палъ въ глухое замоченіе! — Онъ инынѣ еще дышетъ, читаетъ Англійскія вѣдомости, обѣдаетъ и ужинаетъ: но жизнь его уже кончилась; онъ уже умеръ для свѣта.

Лѣсистый, дикій Эспрель напомнилъ душу мою Оссіановскими видѣніями; я много шелъ пѣшкомъ и чувствовалъ себя счастливымъ, когда — видѣлъ себя совершенно однимъ среди высокихъ деревьевъ, надъ сурпуровою бездною вечеряющихъ долинъ, подъ небомъ, которое здѣсь напоминало мнѣ наше въ лсный осенній день; чувствовалъ

себя счастливымъ , когда только издалека слышалъ спукъ приближающейся кареты, смотрѣлъ , какъ внизу зажигали паслухи ночные огни и солнце ушлоало въ раскаленныхъ облакахъ и разсыпало послѣднее золото по высопамъ маслинъ, соснъ и пиній. Мы прибыли въ Каннъ : луна освѣщала заливъ и городъ ; — воды тихо плескали въ берегъ и спруились чиснымъ жемчугомъ.— Насъ хонѣли удержанъ, увѣряя, что вороша будутъ уже заперты въ Анпибахъ, но, боясь заснавить ждать А. Л. мы рѣшились ѣхатъ , полагая , что онъ ночеуетъ въ Анпибахъ, рѣшились, приѣхавъ дождапъся въ каренъ открытiя воропъ. Между тѣмъ А. Л. предупредилъ на границѣ караулы; мы объѣхали послѣднiй городъ Франціи и насъ пропустили безъ малѣйшей остановки. — Я спалъ и когда проснулся въ Ниццѣ долго не зналъ, гдѣ я; долго еще думалъ, что мы въ Анпибахъ или въ какомъ нибудь другомъ пограничномъ мѣстечкѣ Франціи.

ПИСЬМО ЛII.

НИЦЦА.

3	Марта.	1821.
24	Февраля.	

Мы еще въ Ниццѣ и можемъ быть, пробудемъ здѣсь еще недѣлю: тѣмъ лучше, ибо уже не застанемъ худой погоды въ Парижѣ! — Не могу впрочемъ сказать, чтобы я проводилъ здѣсь время чрезвычайно весело: Ницца городъ небольшой, — театра здѣсь нѣтъ, о галлереяхъ не слышалъ; заводилъ знакомство въ моихъ обшительствахъ трудно, да кромѣ того и не съ кѣмъ; одно семейство Ж. мнѣ нѣсколько ближе и любезнѣе прочихъ, пошому что они Русскіе. Но, не смотря на скуку, которая иногда помнитъ меня, я долженъ благодарить небо: здоровіе быстро и видимо ко мнѣ возвращается. — Брожу по горамъ и ущесамъ, по лѣсамъ и долинамъ, чтобы подкрѣпить себя еще болѣе. Прекрасная, дикая природа здѣшнихъ окрестностей теперь моя единственная подруга, мой единственный утѣшитель въ минуныя дни, которой я еще нигдѣ такъ живо нечувствовалъ во все наше путеше-

ствіе. Мы съ начала остановились въ городѣ въ гостинницѣ: но теперѣ живемъ на прекрасной дачѣ Госпожи Сениъ-Агапъ по Туринской дорогѣ. — Отсюда я выхожу каждое утро въ десятомъ, хожу вполнь до четвертаго часа, обѣдаю въ четыре; послѣ обѣда отправляюсь въ городъ пить кофе; играю вечеромъ въ шахматы или перечисываю въ сонный разъ Батюшкова, Пушкина, Дмитриева, Державина и ложусь спать, — чѣобы завтра также мачать, продолжанъ и кончишь день свой: изрѣдка только единообразный порядокъ моей жизни перерывается приглашеніемъ на вечеръ. Для добраго ходака, каковымъ я теперѣ снова могу назваться, здѣсь много прекраснаго: гора и замокъ Монп-Альбанъ, съ которыхъ видишь подъ собою справа Ниццу, слѣва Вилла-Франку, длинный мысъ съ маякомъ, прекрасный заливъ между мысомъ и Вилла-Франкою; впереди море—безпредѣльное къ Востоку, ограниченное къ Западу прелестными Анпибскими берегами и синѣющимъ въ дали хребтомъ Эстрельскимъ; позади, лѣса маслинъ почти до высоты сумрачнаго Винегрѣе — вотъ зрѣлище, коимъ наслаждался я нѣсколько разъ въ первые дни нашей бытности въ

окрестностей Ниццы!—Оба города Ницца и Вилла-Франка прижимаются такъ ска-
зать къ утесамъ, у подножія коихъ по-
строены; ихъ пристани уютны и непри-
емливы для бурь и порывовъ вѣтра; —
башни весело возвышаются въ голубой
воздухъ; строенія осынены роскошными
садами агруміевъ, рощами смоковницъ, ма-
сливъ, плакучихъ вѣпель и деревъ миндаль-
ныхъ. — Изрѣдка только встрѣчаешь здѣсь
голой камень; одряхшія стѣны всегда по-
крыты плющомъ, скалы обросли тѣни-
стомъ, дикими анемонами, лиліями, гіацин-
тами; изъ расщелинъ выростають алоэ и
кактусъ. — Видъ съ гордаго Винегрѣ, у
подножія коего самый Монп-Альбанъ пре-
вращается въ пригорокъ, почти тотъ же,
но огромнѣе и величественнѣе: съ него, въ
ясный день по утру видна Корсика, а къ
Сѣверу являюцца изъ-за голай двуглавой
Фондской громады снѣжныя верхи Альпъ
Савойскихъ. — Я былъ на самой высотѣ
Винегрѣ и не жалѣю своихъ усилій: хотя
дорога трудна; однако же легче и несрав-
ненно приятнѣе, нежели на нагіе Тулон-
скіе утесы. — Но намъ не нужно даже и
выходить изъ комнаты, чтобы насла-
ждаться прекрасными видами: передъ на-

шими окнами вдоль Пальона или Палліона, который шеперь почти вовсе безъ воды, но дикъ, широкъ и спремилелень во время опшепели на снѣжныхъ высотахъ Альпійскихъ, — вдоль Пальона тянется цѣпь лѣсиспыхъ холмовъ до самаго подножія горы Фондской: эти холмы усѣяны бѣлыми, чистыми, красивыми загородными домиками; посреди возвышается монаспырь Сень-Симье, обитель Капуцъновъ ордена Св. Доминика и нѣсколько ниже другой большой, но запустѣлый монаспырь Сен-Понсъ, — поспроенный, какъ говоришь преданіе, Карломъ Великимъ для его племянника: возлѣ новаго великолѣпнаго спроенія видны еще развалины спараго. — Вокругъ Сень-Симье также разбросаны обломки; но они принадлежатъ другому времени и несравненно древнѣе: примѣчательнѣйшіе — оспашки амфишеатра сооруженаго, бышь можешъ, еще въ то время, когда въ Никеѣ, Массилійскомъ поселеніи раздавались звуки языка Греческаго: нынѣ жителли воспользовались однимъ изъ сводовъ и превратили его въ вороша: лошадми и мулы спокойно проходили подъ сводомъ, который нѣкогда поддерживалъ зданіе посвященное играмъ и праздноспивамъ въ

честь Геркулесу Менекескому. — Изъ саду монастыря съ одной спороны видишь далекія бѣлыя горы спокойныя, безмолвныя; съ другой прекрасный городъ, кипящій жизнью; его веселый дымъ и высокія башни, ушесь, раздѣляющій Ниццу на двѣ половины, увѣчаннйя крѣпоснью, которую я готовъ назвать Кремлемъ или Капитоліемъ Никейскимъ, — море открытое отовсюду, придающее всему высокую прелесть; далѣе — большую Туринскую дорогу, дачи, густыя, кудрявыя роци маслинъ. Безпрерывный ропотъ Пальона доходитъ сюда, какъ будто гулъ страшей и бѣдствій человеческихъ и, подобно ему, погружаетъ въ уныніе.

И здѣсь былъ въ два часа по полудни. Братья мелькали между деревъ въ бурныхъ рисахъ; нѣкоторые привизывали виноградныя лозы къ смоковницамъ; другіе воздѣлывали землю: я вспомнилъ опшельниковъ первоначальныхъ временъ Христіанства. — На холмѣ нѣсколько выше прочаго сада — роца кипарисовъ темная, уединенная, насажденная для шихаго размышленія. „Сюда!“ подумалъ я — „сюда отъ суеты, шуму, отъ людей и пороковъ!“ Но и спустился въ садъ, я взглянулъ на монаховъ...

Мнѣ стало душно въ этихъ стѣнахъ и я изъ нихъ почти выбѣжалъ: казалось, мигнула замедленія лишить меня свободы, лишить возможности возвратиться въ свѣтъ, гдѣ могу и долженъ думать, прудиться, спряться, бороться съ жизнью. — Не знаю, каковы монахи прочихъ монастырей Римской церкви; а братья обители Сентъ-Симье не надѣлены духомъ терпимости; я, было, хотѣлъ отстоять у нихъ вечерню: но они, узнавши, что я не Капюликъ не допустили меня.

В. Кюхельбекеръ.

VIII.

ГИМНЪ БАКХУСУ.

(Изъ Гомера)

Славию дитя знаменитой Семелы, Царя Діониса!
 Юноша Богъ Діонисъ, на берегъ моря явившись,
 Тихій стоялъ на приводномъ холмѣ, одинокопу-
 стынномъ,

Молодъ, прелестенъ; роскошно волною до пятъ
 упадали

Черные кудри; лежала на сильныхъ плечахъ ба-
 грлица!

Быстро тогда, тѣснясь съ краснѣсоруженнаго
 судна,

Ринулись въ темныя волны стремглавъ Тирсеи-
 скіе мужи:

Злая судьба ихъ вела! увидѣли юношу мужи,

Подали знакъ и, море прошедъ, его изловили!

Съ радостнымъ сердцемъ попомъ, возвратясь на
 высокое судно,

Думали: „сына могущихъ Царей полонить мы
 успѣли!“

Тутъ на него возложишь хотѣли тяжелыя узы,

Но никакія связать не могли его узы и верви

Льняныя съ рукъ и съ ногъ упадали; съ безмолв-
 ной усмѣшкой

Богъ черноокій сидѣль, Діонисось. Тогда чело-
водецъ

Вдругъ задрожаль и простеръ окрыленное слово
къ дружинѣ :

„О злополучные! кто изъ безсмертныхъ вами
пойманъ ?

Грознаго чолвъ не снесеть ! То страшный Кро-
нидъ, всемогущій

Юпитерь; Фебъ-Аполлонъ, носитель звонкаго лука,
Или Нептунъ! не слабымъ онъ смертнымъ подо-
бенъ, подобенъ

Жителямъ неба: скорѣй отдайте опять его сушѣ!

Рукъ на него не дерзните поднять, да враждеб-
наго вѣпра,

Бури неистойвой вамъ не пошлетъ, вашъ гнѣвнымъ
каратель!“ —

Но ненавистно ему отвѣчалъ пловцевъ повелитель:

„Робкій! не зришь ли по путнаго вѣпра? предай
ему ларусь !

Одай, вѣщунъ, за руль усадись ! о илѣнномъ же
будутъ

Мужи радѣть : мы въ Египеть и въ Кипръ , я
твердо увѣренъ,

Къ Ипербореямъ его повеземъ и далѣ ! но нынѣ

Пусть назоветъ имена своихъ и друзей и сокров-
ныхъ,

Скажетъ богатства свои ; намъ добрый дарить
его Демонъ!“

Такъ говоря , онъ щеглу поднялъ и ларусъ раз-
вѣялъ —

Выпромъ исполненный парусъ надулся: готовы
 къ отплытью
 Были пловцы; но вдругъ они видятъ неожиданное
 чудо!
 Палуба вся зажурчала виномъ: нектарная влага,
 Священной рѣкой пролясь, вознесла къ небесамъ
 ароматный,
 Сладостный паръ: и трепеть нашелъ на мужей
 изумленныхъ!
 Вдругъ поднялось виноградное древо; и гибкія лозы
 Вдоль по снастямъ поозли, богатые гроздіе свисли;
 Щегли плющемъ обвились, зардѣлись вкусныя ки-
 спи,
 Вспыхнули всюду цвѣты и весла и носъ увѣнчали!
 Видѣли чудо пловцы и, моля, къ челноводцу, взы-
 вали:
 „Къ берегу правь!“ — Но въ ревущаго льва пре-
 вращенный,
 Вдругъ съ высоты корабля погналъ ихъ неисто-
 вый Бакхосъ;
 Тамъ же внутри косматый медвѣдь, сотворен-
 ный незапно
 Ужасомъ смерти, ярься, ужасалъ и скакалъ и
 метался: —
 Левъ же огненнымъ взоромъ глядѣлъ и пловцы
 укрывались!
 Къ кормчему всѣ пришекли, мудреца Медеида об-
 стали,
 Спраха полны, и вдругъ Бассарей, устремившись,
 съ разбѣга

Выхватилъ въ сонмѣ вождя. Повелителя гибель
узрѣвши,

Бросились въ море они, но тщетно хопятъ у-
страниться

Рока, несущаго казнь: всѣ мужи Дельфинами
всплыли!

Но милосердъ и благостенъ къ кормчему былъ
Діонисось,

Онъ осчастливилъ его и къ нему обратилъ свое
слово:

„Радостенъ будь, въ душѣ на меня уповай, чел-
новодецъ!

Я Діонисось, я шумно-веселый!—Семела младенца,

Кадмова дочь родила отъ ложа всеильнаго Зевса!“

О черноокій, о сынъ Кадмеиды, — хвала! и пре-
лестныхъ

Пѣсней никто не поетъ, забывая тебя, Діонисось!

В. Кюхельбекеръ.

Царское Село

1817.

IX.

ОЛИМПИСКИЯ ИГРЫ.

Одинъ я наконецъ на камнѣ одинокомъ!
 Какой прелестный, дивный видъ!
 Тамъ подъ утесомъ Куръ шумить;
 И виноградники хватаю жаднымъ окомъ;
 Внизу кипящій городъ зрю:
 То въ даль меня манитъ огромный верхъ Казбека,
 Въѣкъ неуниженный ногою челоуѣка;
 То въ древній Персеполь парю!
 Но что — какой восторгъ меня объемлетъ?
 Что такъ меня тѣснитъ и мой волнуешъ духъ?
 Мой изумленный слухъ
 Не лету Ангела ли внемлетъ?
 И хладъ меня и трепетъ обуялъ;
 Въ очахъ моихъ мечты и призраки мель-
 каютъ —
 Являися вдругъ, вдругъ исчезають:
 Мой волосъ на главѣ возсталъ!

* * *

Знакомецъ мощный и прекрасный,
 Въ свягомъ несиновствѣ ужасный —

Ты въ душу мнѣ вливаешь страхъ!
 Куда съ земли ты восхищаешь
 Меня на огненныхъ крылахъ?
 На свѣшозарныхъ облакахъ
 Куда съ собою увлекаешь?
 На царскихъ не вели нирахъ
 Мнѣ славить гибель и сраженья
 Потухнешь пламень вдохновенья
 Въ ихъ ослѣпительныхъ лучахъ,
 Въ злыхъ цѣпяхъ порабоженья!

* *
*

Онъ моей мольбы не слышитъ!
 Въ даль и въ даль меня влечетъ!
 Мнѣ Зефиръ на встрѣчу дышитъ;
 Въ свѣпмый край меня несетъ
 Бурный пламенный полетъ!

* *
*

Мнѣ знакомы эти воды!
 Милъ мнѣ эпопъ небосклонъ!
 Здѣсь цвѣти сыны свободы:
 О Пермессъ! о Геликонъ!
 О священная Элада!
 Узнаю твой храмъ, Паллада!
 Вотъ народъ твой, Аполлонъ!

* *
*

И се — я съ высоты Олимпа небу смѣжной
 Гляжу на Океанъ спокойный и безбрежной —
 Мнемозина. Часть II.

И вижу Пизу (*) подъ собой!
 Воскресли предо мной младаго міра вѣки:
 Въсуть боговъ любимцы, Греки

На славный, всенародный бой! —

* * *

О! дайте мнѣ Злашую лиру,
 Набросьте на меня порфиру;
 Взложите на главу вѣковъ!
 Совмѣстникъ дерзостный Пиндара,
 Я полонъ радости и жара:
 Во мнѣ пылающій, змѣгубитель Богъ!

* * *

Сраженъе зрю пѣвцевъ; пеанамъ ихъ внимаю!
 Надъ сердцемъ согражданъ ихъ властвуютъ
 уста:

Завидна ихъ и сладостна мѣта!

Такъ! соревнуй имъ, я слезы проливаю!

Паритъ надъ поприщемъ воспорженный мой
 духъ:

Свирѣли сладкій гласъ мой восхищаетъ слухъ;

Мнѣ въ перси льется нѣга...

Вдругъ пыль взвилась оупъ радостнаго бѣга:
 Топоча землю, юноши текутъ;

На пламенныхъ коняхъ другіе славы ищутъ;

Наъ рукъ иныхъ свирѣла и дискъ и дрошикъ
 свинцуютъ.

Младымъ соперникамъ съ престоловъ
 раздають

(*) Циза или Олимпія въ Элидѣ.

Съдье старцы безпристрастный судъ!
 Но что — какое новое сраженье?
 Я чувства всё, всю жизнь въ одно вмѣщаю зрѣнье!

* * *

Борцы побораютъ борцевъ!
 Толпа на нихъ смотритъ друзей и отцевъ:
 Ихъ руки и ноги сплелись,
 Ихъ мышцы и груди срослись,
 И длится ихъ бой роковой!
 Но вдругъ молодой и прекрасной герой,
 Прелестнаго Родоса счастливый житель,
 Повергнувъ соперника — всѣхъ побѣдитель!
 Рыдаетъ его престарѣлый родитель,
 Боецъ знаменитый, съдой Диагоръ;
 Ожившаго старца сіяющей взоръ
 Не хочетъ съ любимцемъ разстаться!
 Кто можетъ въ сей мигъ изъ Пелажскихъ сы-
 новъ,
 Изъ внуковъ Таншала и внуковъ Боговъ
 Въ блаженствѣ съ одряхшимъ героемъ равняться?

* * *

Едва лишь сіяніе новой денницы
 Края золотитъ облаковъ:
 Бой новый для смѣлыхъ гопповъ!
 Какъ вихорь летящъ колесницы;
 До тучъ поднимается прахъ:
 Но вотъ на Родосскихъ, на бѣлыхъ коняхъ

*

Второй Диогоридъ! онъ всѣхъ упреждаетъ :
Онъ пальму у цѣли срываешь!

* *
*

Живаго благочестья полны
Народа попки безчисленныя волны
Въ священный, благодатный лѣсъ;
Тамъ самъ присутствуетъ Зевесъ,
Тамъ пламень жертвъ предъ нимъ и день и ночь
пылаешь!

На свѣплыхъ юношей его мастистый жрецъ
Вѣнецъ безсмертный возлагаетъ.

Минувшихъ дней прославленный боецъ,
Въ небесномъ Диогоръ въ восторгѣ упокаетъ:
Въ сынахъ былая жизнь предъ спарцемъ воскре-
саетъ!

Но вдругъ — они берутъ съ главы своей вѣнецъ,
Увѣчанъ ихъ вѣнцемъ, руками ихъ отецъ ;

Они родителя предъ хоромъ воздвигаютъ

И плещетъ и рыдаетъ хоръ:

„Умри, блаженный Диогоръ!

„Тебѣ здѣсь нѣтъ уже желанья ;

„Всѣ лучшія твои свершились упованья ;

„Умри, блаженный Диогоръ!“

И се среди торжествъ и воплей восклицанья
Онъ радостный смѣжилъ въ объятяхъ милыхъ
взоръ!

* *
*

Сіяя прелестное видѣнье

Изъ тьмы промчавшихся вѣковъ !

Тебя постигло вдохновенье,
Но не возвыситъ даръ стиховъ!
Священна та страна, гдѣ ты могло явиться!
Тамъ цѣлый былъ народъ поэтъ;
Но нынѣ наша жизнь безъ радостей влачится
И состарѣлъ нашъ свѣтъ!

В. Кюхельбекеръ.

Тифлисъ

1842.

X.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія !
Въ послѣдній разъ передо мной,
Ты качишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.
Какъ друга ропоть заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ! —
Моей души предѣлъ желанный,
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ помимъ! —
Какъ я любилъ твои опзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ
И шипину въ вечерній часъ
И своенравные порывы! —
Смиранный парусъ рыбаей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользитъ отважно средь зыбей;
Но ты выигралъ неодолимый,
И шонеть стая кораблей —
Не удалось на вѣкъ оставишь

Миѣ скучный неподвижный брегъ,
 Тебя восторгами поздравить
 И по хребтамъ твоимъ направить
 Мой поэтическій набѣгъ! .
 Ты ждалъ, ты звалъ: я былъ окованъ!
 Вотще рвалась душа моя;
 Могущей спраспью очарованъ,
 У береговъ остался я!
 О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
 Я путь безпечный устремилъ,
 Одинъ предметъ въ твоей пустыни,
 Мою бы душу поразилъ, —
 Одна скала, гробница славы!
 Тамъ погружались въ хладный сонъ
 Воспоминанья величавы,
 Тамъ угасалъ Наполеонъ! —
 Тамъ онъ почилъ среди мученій!....
 И въ слѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
 Другой опъ насъ умчался геній,
 Другой властитель нашихъ думъ! (*)
 Исчезъ оплаканный свободой,
 Оставя міру свой вѣнецъ —
 Реви, волнуйся непогодой,
 Онъ былъ, о море! твой пѣвецъ;
 Твой образъ былъ на немъ означенъ,
 Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
 Какъ ты могущъ, глубокъ и мраченъ,
 Какъ ты ничѣмъ неукротимъ! —

(*) Байронъ.

Миръ опустынь . . . . . (*)

Прощай же, море! не забуду
 Твоей шоржественной красы
 И долго, долго поминишь буду
 Твой шумъ въ вечерніе часы!
 Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
 Перенесу, шобою полнъ,
 Твои скалы, твои заливы
 И блескъ и шѣнь и говоръ волнъ!

А. Пушкинѣ.

(*) Въ семь мѣснѣ Авпоръ посшавилъ шри съ съ половиною шпроки почекъ. Издапеламъ сіе Спихотвореніе доставлено Ки. П. А. Вяземскимъ въ подлинникѣ и здѣсь оппечатано точно въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ подъ пера самаго Пушкина. Нѣкоторыя списки онаго, ходящіе по городу искажены нелѣпыми прибавленіями.

И з д.

ХІ.

ТИМОНЪ или МИЗАНТРОПЪ.

(Изъ Лукіана — съ Гретескаго).

.....

Т и м о н ъ.

О Зевсь дружелюбный, гостепріимный, миролюбный, доловладыка, молніеносный, клятводержитель, дождеродный, браневластительный (1), ты, носящій безчисленныя имена, особливо когда у безумныхъ Поемовъ не доспаешъ мѣры, ты, подкрѣпляющій паденіе стиховъ ихъ, ты хранящій въ нихъ звучное согласіе — гдѣ нынѣ твоя всегрѣмлящій перунѣ, далекогласный громъ и пламенная, блестящая и ужасная молнія? Все епо однѣ пѣсни, одинъ лишь дымъ піитической, одно шумное пустословіе; прославленное, дальномешное, дѣятельное

---

(1) Здѣсь Лукіанъ съ умысломъ собралъ всѣ Египтенны, которыми древніе Поемы величали Зевса.

ливое оружіе, не знаю, какимъ образомъ совершенно проспало; оно холодно, ни искры гнѣва не сохраняетъ противу пресшупниковъ. Скорѣе желающій нарушить клятву устращиися вчера горѣвшей свѣпильны, нежели пламени пивоего всесокрушительнаго перуна. Ему кажется, что ты проспираешь простую лучину, огонь и дымъ кошорой не спрашны для него; онъ думаетъ шолько, что опъ удара ею нанесеннаго, лишь замарается копотью; даже Салмоней (2) дерзаетъ тебѣ противугремѣть, презирая хладный гнѣвъ Юпитера — Салмоней дерзновенный и шщеславный! Ужъ не опъ мандрагоры ли (3) заснулъ ты и не слышишь клятвопресшупниковъ, не видишь неправыхъ? Ты ослѣпъ для наслощаго; ны оглохъ опъ спаросши. Но когда былъ еще молодъ, живой духомъ, быспрый

---

(2) Салмоней — извѣстный Царь Елидскій, сынъ Еола, развѣзжалъ по мѣдному мосту въ колесницѣ, бросающа искусственныя огни съ намѣреніемъ получить божескія почести; но подражаніе его кончилось неудачею — онъ пораженъ былъ молніей.

(3) Мандрагора — усыпительное растеніе.

во гнѣвѣ, многое совершалъ ты прошиву злочеспивыхъ; никогда не провожалъ времени въ праздности, но всегда дѣйствовали перуны, попірялся щипъ, гремѣлъ громъ и непрестанная пробѣгала молнія, какъ будпо на полѣ сраженья. Земля прясась, какъ мука на рѣшетѣ; снѣгъ валилъ лучами; градъ — камнями; наконецъ, чптобъ все высказать на зло тебѣ, дожди хлынули, каждая капля — рѣка — разверзлись ишочники и пакой въ одну минупу разлился при Девкаліонѣ потоппъ, чпо едва одинъ малый ковчегъ могъ пристать къ горѣ Ликоріи, сохранивъ жизнь скуднему сѣмени смерпныхъ для рожденія великаго зла. Должныя награды ты получаешь опъ нихъ за свое нерадѣніе: никто тебѣ не приносипъ ни жерпвъ, ни вѣнцовъ, развѣ на играхъ Олимпійскихъ, и то, не считая необходимости, но сохраняя древній обычай. Мало по малу, о славнѣйшій изъ Боговъ! они, оставивъ тебя за старостію, откажутъ тебѣ въ почестяхъ: не хочу упоминать, сколько разъ они грабили твои храмы; и на тебя даже маложили руки въ Олимпіи. И ты — гремящій съ высотъ, ты не дерзнулъ или послашь прошиву ихъ

псовъ, (4) или созвать сосѣдей, дабы они, спешивъ на помощь: схватили ихъ, еще готовящихся къ бѣгству. Но ты, о мужественный сокрушитель Гигантовъ, бичъ Титановъ, ты сидѣль, тогда какъ они брили тебѣ волосы, (5) сидѣль, держа въ десницѣ десятипалчевый перунъ! Когдажь, о чудотворный! кончится сіе небреженіе? Когда накажешь таковое нечестіе? Сколько надо Фаэтоновъ или Девалионовъ, дабы унять буйную дерзость смертныхъ? — Но что мнѣ до другихъ! скажу тебѣ о самомъ себѣ. — Я, возведшій на высоту величія столь многихъ Аэинянъ, бѣдныхъ содѣлавшій богатыми, не щадившій золота для блага друзей, я когда, объднялъ, не только они не узнають меня, не только на меня не смотрятъ—они, которые досель съ препеномъ обожали меня, покорные одному знаку; но если случится мнѣ на

---

(4) Собаки почипались у древнихъ вѣрнѣйшими стражами храмовъ.

(5) Лукіанъ здѣсь упоминаетъ о какомъ нибудь похищеніи въ храмъ Юпитера Олимпійскаго. На статуяхъ Боговъ волосы обыкновенно были золотые и поному не мудрено, что привлекли хищниковъ.

пути встрѣшишься съ кѣмъ нибудь изъ нихъ, они проходятъ мимо меня, какъ будто мимо гробовой упавшей колонны давнишняго покойника, разрушенной временемъ—проходятъ, и не узнають. Да еще издали завидя, сворачивають въ сторону, избѣгая меня, какъ зловѣщей и ужасной встрѣчи—мени, давно ли бывшего ихъ спасителемъ и благодѣтелемъ? Сими-то несчастіями приведенный въ пустыню, накинувъ рубище, взрываю землю за чепыре овола, разсуждая въ уединеніи надъ заступомъ. Одно мнѣ здѣсь утѣшеніе; здѣсь я не вижу толпы, безъ заслугъ богатѣющей — что всего для меня ужаснѣе. Когда же, сынъ Крона и Реи, когда, спряхнувши тяжелый сонъ (ибо ты спишь долѣ Епименида) (6), и снова низвергнувъ перуны, или бросивъ огонь изъ Флны, обымешь все великимъ пожаромъ и явишь гнѣвъ Діа грознаго, мужеспвеннаго, если правду говорятъ Крипяне о тебѣ и о твоей гробницѣ? (7).

(6) Епименидъ — извѣстный Крипянинъ, который, по преданію, спалъ сорокъ лѣтъ.

(7) Крипяне говорили, что Юпитеръ похороненъ близъ города Гноза.

ЗЕВСЪ и МЕРКУРІЙ.

Зевсъ.

Кто это, Меркурій, кричитъ такъ сильно изъ Аппики у подножія горы Гиметта? Весь вымаранъ, изсохъ, въ рубищѣ, и кажепся, наклонившись, роетъ землю — человекъ болпливый и дерзкій. Вѣрно онъ философъ, кто бы иначе осмѣлился такъ грубо говорить съ нами?

Меркурій.

Что говоришь, родитель? Уже ли не узналъ Тимона, сына Ехекрапова, Колиптейскаго? Кто тотъ, который такъ часто угощаль насъ изобильными жертвами, недавно былъ богатъ, соверщаль всѣ гекатомбы, у котораго мы привыкли великолѣпно праздновать торжества свои.

Зевсъ.

О судьба, судьба превратная! — Такъ это тотъ достойный богачъ, который такъ часто бываль окружень многочисленными друзьями! Чѣмъ онъ страдаетъ? Изсохъ бѣдный, копаеть землю, какъ наемникъ и тяжелый заступъ ворочаетъ.

МЕРКУРІЙ.

Сказать просто, такъ честность, человѣколюбіе и состраданіе во всѣмъ бѣдныиъ его погубили, а говоритъ правду, но безуміе, оплошность и неразборчивость въ друзьяхъ. Онъ не видалъ, что благопovitъ волкамъ и коршунамъ; но несчастный! тогда какъ многіе враны терзали его сердце, онъ почиталъ ихъ друзьями, поварницами, думалъ, что они изъ любви же къ нему наслаждаются пищею; а они, обнаживъ до числа его кости, оглодавъ ихъ и послѣдній мозгъ спарателью изъ нихъ высосавъ, оплелѣли, оставили его изсохшаго, обрѣзаннаго съ ногъ до головы, не узнавая, не глядя на него (да и къ чему?) — не говоря уже о помощи, о благодарности. Вопь почему онъ спалъ пахаремъ, надѣлъ, какъ видишь, рубище и оставивъ опъ стыда городъ, за малую плату копаетъ землю, обезумѣвъ опъ несчастій, тогда какъ имъ обогащенные съ презрѣніемъ мимо его проходятъ, не зная даже, что и зовутъ его Тимономъ.

ЗЕВСЪ.

Епошь человекъ не долженъ быть презрѣиъ; въ такихъ спраданіяхъ онъ справедливо ропщеть: ибо мы поступили съ

нимъ, подобно снмъ нечесливымъ льстецамъ, забывъ человѣка, который тысячи снмыхъ пучныхъ воловъ и козловъ сожигалъ на олтаряхъ нашихъ — еще теперь я обоняю ихъ запахъ. Впрочемъ и некогда было, здѣсь усмирялъ я мятежниковъ, клятвопреступниковъ, грабителей; памъ спрашилсн свяшопашцевъ, копорыхъ такъ много спало, что не возможно и усперечь!—ни на минуту не дають глазъ сомкнуть; за всѣми епими недосугами я давно уже не сморѣлъ на Апшику, а особливо, какъ Философія и словопрѣнія памъ воцарились. Въ епихъ бншвахъ, въ епомъ крикъ, невозможно внимать моленіямъ. Должно или, зашкнувъ уши, сидѣть праздно, или терзаться скукою, слушая, какъ они велегласно проповѣдуютъ о какой-то добродѣтели, о существахъ безтѣлесныхъ и другихъ пуспикахъ. Вопъ почему и забылъ я сего благочесливаго мужа. Меркурій! Сей часъ же возьми Плутуса и опведи его скорѣкъ Тимону. Плутусъ да возьметъ съ собою Сокровище, да останунся они оба у Тимона и да не скоро оставяють его, даже когда онъ по своей добродѣтели будетъ выгоняють ихъ изъ дома. Чпожъ касается до льстецовъ, до ихъ неблагодарности, ко-

порую они передъ нимъ обнаружилъ, я поипчасъ займусь епимъ дѣломъ; они примутъ наказаніе, дай только изготовишь перуны. Нынѣ утпромъ сокрушились у меня два самыя лучшіе; я хотѣлъ поразить сильнѣе мудреца Анаксагора, увѣрявшаго учениковъ своихъ, что будто бы мы Боги во все не существуемъ; не поналъ (Перикль рукою защитилъ своего учителя) (8), а перунъ, зажегши храмъ Каспора и Поллукса, самъ едва въ прахъ не разбился о камень. Впрочемъ и то будетъ льспецамъ сляпное наказаніе, когда увидяшъ они Тимона вновь разбогатѣвшимъ.

М е р к у р і й.

Вошъ что значить кричать, шумѣть и бытъ дерзкимъ! Видно не только въ плясбахъ, но и въ прошеніяхъ ето полезно. — На примѣръ сей часъ же Тимонъ изъ бѣднѣйшаго попадетъ въ богатѣйшіе, а чѣмъ, если не крикомъ и свободною искренностію въ моливахъ онъ привлекъ къ себѣ Діа? Еслибъ Тимонъ молча рылся, сгорбясь надъ

---

(8) Анаксагоръ обвиненъ былъ въ безбожіи. Перикль защитилъ его въ судѣ своимъ краснорѣчіемъ, котораго одну изъ главнѣйшихъ частей у древнихъ составляли тѣлодвиженія.

заступомъ—и теперь еще рылся бы въ забвеніи.

ЗЕВЕСЪ, МЕРКУРІЙ и ПЛУТУСЪ.

П л у т у с ъ.

Зевесъ, я не пойду къ нему.

З е в е с ъ.

Какъ, добрый Плутусъ, когда я это приказываю?

П л у т у с ъ.

Потому что онъ, ей Богу, меня обидѣлъ, выгналъ, разорвалъ на часпш, меня, друга опца его; шолько чпо не вынесъ на милахъ изъ дома, ну знаешь, какъ люди изъ рукъ огонь бросаютъ. Вѣдь снова же передастъ онъ меня пунендцамъ, льспецамъ и любовницамъ. Нѣшъ, Зевесъ, пошли меня ль шѣмъ, которые будутъ цѣнить дары мои и пещись о нихъ, къ шѣмъ, у которыхъ я въ часпш—предметъ ихъ желаній. Пусть глуцы прилѣпляются къ бѣдноспш, предпочинная ее намъ и взявъ у ней рубще и заступъ, пусть они довольству-

юпся четырью оболами. они — пренебрегшіе дарами десяти-паланшиными.

З е в е с т ь .

Нѣтъ, Тимонъ такъ не поступишь съ побою: заступъ сей научилъ Тимона (если мѣщцы его не совсѣмъ нечувствительны), предпочиташь тебя бѣдности. Да ты, мнѣ кажется, слишкомъ любишь жаловаться. Нынѣ обвиняешь Тимона въ томъ, что онъ, онворилъ тебѣ двери, позволилъ свободно прогуливаться, не запрая, не ревнул къ тебѣ, а иногда напротивъ ты сердишься на богачей, говоря что они и запорами, и ключами и печанью себя запирають, чинобъ тебѣ и божіаго свѣта не видно было. Ты плакалъ предо мною и жаловался, что задыхаешься въ ужасномъ мракѣ и попому казался намъ бѣднымъ, сухимъ опъ заботь, проспирающимъ пальцы, какъ будто что по расчипывая и грозилъ, схвативши случай, убѣжашь опъ своихъ мучителей. Однимъ словомъ, тебѣ жестоко казалось спать на мѣдномъ или желѣзномъ ложѣ, какъ Даная невольню дѣвствовать и жить подъ руководствомъ докучныхъ и гибельныхъ мучителей, *выгоды и расгета*. Ты говорилъ, что не дѣло они дѣлають, имѣя къ

тебѣ страсть чрезмѣрную; при возможности не смѣя упоиреблять сокровищъ; безъ свободы питая къ тебѣ любовь; будучи не господами, но неусыпными спражками, не смыкая глазъ, наблюдающими печати и занворы свои; почитая лучшимъ наслажденіемъ не самимъ наслаждаться, но никому не давая участвія въ удовольствіи, подобно ису, лежащему на сѣнѣ, коню и самъ не ѣсть травы, и голодному коню не даетъ. Ты еще и смѣлся надъ шѣмъ, что они все берегутъ, хранятъ, а всего чудеснѣе, самихъ себя подозрѣваютъ, не зная, что какой нибудь презрѣнный рабъ, или управитель, или воспитанель дѣтей, пихонько ускользнувъ въ кладовую, издѣвается надъ малодушнымъ хозяиномъ, между тѣмъ, какъ онъ при тускломъ ночникѣ съ щощей свѣнильною проводитъ ночи за счедами. Какая же въ тебѣ справедливость? Ты недавно ешо обвинялъ, а нынѣ осуждаешь Тимона за провинное.

П л а т о н ъ .

Если хочешь знать истину, объ мои жалобы справедливы. Послупокъ Тимона со мною вѣрно всякому покажешся небрежнымъ, необдуманымъ, безразсуднымъ, какъ

равно и тѣхъ, копорые храняптъ, запираюптъ меня затворами во мракѣ, стараются о томъ, чтобъ я былъ тучень, жирень, дородень, сами ко миѣ не прикасаются, ни выпускають меня на свѣтъ, чтобъ кто нибудь не увидѣлъ;—равно и сихъ почипаю безумцами, приниѣснителями; они меня невиннаго усномляютъ цѣпями, не зная, что вскорѣ ославятъ, ондавни какому нибудь другому счастливицу. Я не одобряю ни первыхъ, ни послѣднихъ; но люблю тѣхъ, копорые умѣренно наслаждаются, не онказываются опъ всего, и не истощають въ мигъ всѣхъ сокровищъ. — Разсуди, о Зевесъ, ради Бога, еспли кто, получивъ законнымъ образомъ молодую, прекрасную жену, не будетъ хранить ее, ни питать къ ней нѣжной ревности, но еще самъ желая, чтобъ она прогуливаясь и ночью и днемъ, встрѣчала своихъ обожателей, самъ, отворивъ двери, поведетъ ее на распушшию, торгую ея красотою и всѣхъ къ ней сзывая — не ужели такой мужъ любить жену свою? Вѣрно, Зевесъ, ты скажешь нѣтъ, ты самъ такъ часто влюблялся. Еспли же кто напропивъ, взявши законно жену свободную въ домъ свой для рожденія дѣшей, ни самъ не коснулся къ цвѣтущей

возраспомъ и красотою дѣвъ , ни другому не позволить взирать на нее ; но зашворить ее безплодную , будетъ хранишь ея дѣвственносшь , утверждая , что онъ ее любитъ , доказывая любовь свою блѣдностью лица , изсохшимъ плѣтомъ , впалыми глазами , не безумствуешь ли онъ , когда вмѣсто того , чтобы наслаждаться бракомъ , убиваетъ споль благообразную , плѣнительную дѣву , какъ будто хранипель жрицы Церериной? Вотъ почему я жалуясь , что иные безъ милосердія рвутъ и цепеняютъ меня , другіе куютъ цѣпи , какъ бѣлаго , клейменого раба .

В е в е с т ь .

Да за чѣмъ же ны жалуешься? Люди обоего рода строго наказывающся . Первые , какъ Танпалъ , съ пустымъ желудкомъ алкающъ , открывая уста свои на одно шолько элашо , у впорыхъ , какъ у Финея , Гарпии опшимающъ нищу у самаго рта . Но иди же къ Тиону , онъ гораздо спалъ благоразумнѣе .

П л а т у с ь .

Но перешаветъ ли онъ когда нибудь . ктѣ изъ бочки бездонной , послѣдно выли-

вашь меня прежде, нежели я совсѣмъ войду къ нее, какъ будто желая предупредить разливъ, чтобы я, наполнивъ ее черезъ край, не потопилъ и его? Мнѣ кажется, я лью воду въ бочку Данаиды и напрасно ее наполняю, потому что дно не закрыто; при томъ же оно такъ широко, такъ легко выходитъ, что не успеешь влить воду, какъ она ужъ и выливается.

З е в е с ь.

И такъ, если не заворитъ онъ всегда открытаго дна, ты потчасъ выпечешь и онъ снова легко найдетъ рубище и аспунъ на отсѣдѣ бочки. Но спупайше, обогатите Тимона; а ты Меркурій, не забудь привести къ намъ Циклоповъ изъ Ешицы, чтобы они напочили перунъ нашъ; мы нуждаемся въ оспромъ.

МЕРКУРІЙ и ПЛУТУСЬ.

М е р к у р і й.

Пойдемъ же, Плутусъ. Чпо епо? ты хромаешь? Я не зналъ, другъ мой, что ты не только слѣпъ, но и хромя,

П л у т у с ь .

Епо не всегда , Меркурій ! Но только лишь когда Юпитерь меня къ кому нибудь посылаетъ , не знаю самъ отъ чего я и лѣвивъ и хромаю на обѣ ноги , даже такъ , что иногда я еще не достигнулъ конца , а ожидающій меня ужъ и соснарѣлся . Если жъ должно оспавишь кого нибудь , лечу на крыльяхъ , куда пивои пницы ! Лишь только поданъ знакъ , я ужъ провозглашенъ побѣдителемъ , перескочилъ все респалище такъ , что иногда и зрители не замѣнили .

М е р к у р і й .

Не правда ! Да я многихъ могу назвать тебѣ , которыми вчера не на что было купить веревку , чтобы удавиться , а нынѣ у нихъ откуда взялось богатство и роскошь ; разъзжаютъ на бѣлыхъ коняхъ тѣ , у которыхъ и осла никогда не бывало , украшаюися пурпуромъ , золотыми кольцами и , я думаю , сами не вѣрятъ , что они не во снѣ богаты .

П л у т у с ь .

Епо дѣло другое , Меркурій ; тогда хожу я не на своихъ ногахъ , не Зевесъ , но Плуту

шонъ посылаетъ меня къ нимъ — Плутонъ всещедрый, обильный въ дарахъ своихъ, что и имя его показываетъ (9). Когда нужно меня переселить опъ одного къ другому, тотчасъ описавъ на бумагѣ, шарпательно скрѣпивъ подписью и печатью, взиавши меня въ беремя, перепасквиваютъ. А мерпвый господинъ мой лежитъ себѣ въ какомъ нибудь шемномъ уголкѣ, вепхая проспыня наброшена на голыя колѣна, лежатъ.—несчастливая добыча кошекъ. А наслѣдники уже на площади ждуть меня, разинувъ рты, какъ неоперенныя пшашки, лепечущія при видѣ лепящей къ нимъ маперя. Какъ снимутъ печать, разорвутъ обвертку, опкроютъ завѣщаніе, шутъ провозгласится новымъ господиномъ моимъ или родственникомъ, или льспець, или какой либо служипель ужъ съ брипной бородою, предпочпипельно другимъ юношамъ великую награду принимающій за разнообразныя удовольспвія, копорыя онъ, уже въ возраснѣ, доставлялъ господину. Онъ, что бы ни былъ, схвапивъ меня вмѣстѣ съ за-

---

(9) Имя *Πλούτων* происходитъ опъ слова *πλούτιω* обогащаю.

вѣщаніемъ , несетя на колесницѣ , вдругъ переименовать себя изъ какого нибудь прежняго Пиррія , или Дрома , или Тивія , въ Мегаклеса , или Мегабизы , или Протархи , оставляя другихъ , которые , напрасно лѣвая , глядятъ другъ на друга и справедливо сожалеютъ о томъ , что такая рыба сорвалась съ уди , не малую похравши добычу . Онъ нападаетъ на меня , жестокой , не зная приличія — онъ , который , спрашася цѣпей , потчасъ подымаетъ уши , при всякомъ внезапномъ ударѣ хлыста и мѣльницу свою почитаетъ храмомъ , — онъ не только становится несносенъ всѣмъ , его встрѣчающимъ . но обижаетъ людей свободныхъ , съчетъ рабовъ своихъ . какъ будто испытывая , позволятъ ли ему это ? — до тѣхъ поръ пока или прилѣпленный къ сладострастію , или изъ любви къ лошадямъ , или предавши себя самаго въ руки льстивцовъ , которые клянутся , что онъ благообразіе Нирея , знаменіе родомъ Цекропа или Кодра , мудрѣ Улисса , въ шестнадцать разъ богаче Креза — въ минушу несчастный все , что собралъ по немногу нарушенными клятвами ; грабежемъ и обманами — распотчипъ .

МЕРКУРІЙ.

Ты говоришь почти бывалое. Но скажи мнѣ, когда ты ходишь на ногахъ своихъ, какимъ образомъ, будучи такъ слѣпъ, находишь дорогу? Какъ узнаешь лица, къ которымъ посылаешь тебя Зевесъ, почитая ихъ достойными богатства?

Плутусъ.

Ты думаешь — я спрашиваю, кто они?

МЕРКУРІЙ.

Безъ сомнѣнія. Ты вѣрно, пренебрегши Ариетиду, не пойдешь къ Гиппонику, Каллію и другимъ Аэинянамъ, не сплющимъ и овола. Но безъ шутокъ, какъ ты исполняешь посланія Зевеса?

Плутусъ.

Раскаживаю взадъ и впередъ до тѣхъ моръ, пока неоспорожно попаду къ кому нибудь, и первый, меня поймавшій, опиводинтъ домой и владѣеть мною, благодаря тебѣ, Меркурій, за неожиданную добычу.

МЕРКУРІЙ.

Такъ ты обманываешь Зевеса? Онъ думаетъ, что ты обогащаешь только тѣхъ, которые по мнѣнію его достойны.

Плутусъ.

Нѣтъ, я справедливъ, другъ мой! Зачѣмъ Зевесъ, зная слѣпоту мою, посылаетъ меня искать такой вещи, которой найди

невозможно, копорая давно уже оставила смертныхъ, когда и самъ Линкей не скоро найдеть ее—шакъ рѣдка и мала она? Въ городахъ же добрыхъ очень мало, все наполнено злыми, но и не мудрено, что я нападаю на злыхъ и они меня ловящъ.

М е р к у р і й.

Какъ же ты, оставляя ихъ, бѣжишь такъ свободно, не види дороги?

П л у т у с ъ.

Когда дѣло дойдетъ до побѣга, откуда возьмутся глаза и ноги.

М е р к у р і й.

Ошвѣчай еще мнѣ на это, какимъ образомъ ты слѣпой, да кромѣ того надо признаешься, бѣдной, хромой, имѣешь столько обожателей, что всѣ почти смертные къ тебѣ уснаремляютъ взоры и овладѣвши побою, почитаютъ себя счастливыми; безъ тебѣ же не шерпящъ и самой жизни! — Немало людей я знаю, которые шакъ щесчально тебѣ любили, что бросались съ высокихъ утесовъ въ глубокія бездны морей, вообразивъ: что ты презираешь ихъ; ибо сначала не кинулъ на нихъ взгляда.

Впрочемъ я увѣренъ, ты и самъ согласишься, если знаешь себя, что они бѣснуются, преслѣдуя тебя съ такою любовію.

П л у т у с ь.

Ты думаешь, что они видятъ меня такимъ, какъ я есмь, видятъ, что я слѣпъ, хромъ и имѣю другіе недостатки.

М е р к у р і й.

Да какъ же, Плутусъ, если только они сами не слѣпы?

П л у т у с ь.

Они не слѣпы, другъ мой, но невѣжество, заблужденіе, нынѣ всѣмъ овладѣвшія, омрачаютъ ихъ взоры. Да я и самъ, чтобы не вовсе казаться безобразнымъ, надѣваю прекрасную личину, позолоченную, украшенную дорогими каменьями, и облеченный въ разныя шкани, являюсь передъ ними. Они же, думая видѣть самую красоту олицетворенную, пылаютъ спраспїю и губятъ себя, если не овладѣютъ мною. Но когда бы кто нибудь въ нагонѣ меня показалъ имъ, вѣрно они бы себя прокляли, увидя слѣпоту свою, узнавъ, что они обожали лицо столь ненавистное, столь безобразное.

МЕРКУРІЙ.

Да какъ же ; пріобрѣвши богатство и познакомившись съ тою личиною , они все еще обманываются , и если кто вздумаетъ опинять ее , скорѣи опдадутъ свою голову , нежели личину? Не лъзи повѣришь , чпобъ они , проникая въ твою внутренность , не знали , что еша личина позолоченная .

ПЛУТУСЪ.

У меня не мало, Меркурій, въ ешомъ помощниковъ.

МЕРКУРІЙ.

Кшожаъ они?

ПЛУТУСЪ.

Лишь только кто либо первый, со мною вспрѣлвившись, расшворишь наспежь двери и приметъ меня къ себѣ, вмѣстѣ со мною украдкой входитъ высокомеріе, безуміе, гордость, пивѣженность, дерзость, заблужденіе и шмысли другихъ спунниковъ. Когда они всѣ овладѣють его душою: онъ удивляется вѣщамъ обыкновеннымъ, спремится ко вредному, а меня, виновника всѣхъ золъ, къ нему вошедшихъ, хранитъ окруженнаго сими спражами и скорѣе все вы-

шерпить, нежели согласишься меня опустить.

МЕРКУРИЙ.

Да пвое шѣло такъ скользко, Плутусь, сколь легко убѣгаешь, | столь прудно тебя удержишь; у тебя нѣтъ на шѣлѣ ни одного швердаго крючка, за который бы можно было ухватиться; но ты подобно вьюну, или змѣ, какъ по скользишь между пальцами. А бѣднось напротивъ такъ липка, такъ легко поймашь ее, такъ крючковано ея шѣло, что, допронувшись до нее, къ ней прилипнешь и не легко опскашь. Но мы заболтались и забыли о важномъ дѣлѣ.

ПЛУТУСЬ.

О какомъ?

МЕРКУРИЙ.

Да мы не ведемъ съ собою Сокровища, которое намъ всего нужнѣе.

ПЛУТУСЬ.

Не заботься о немъ. Отправляясь къ вамъ, я всегда оставляю его въ землѣ и вешу ему сидѣль у запертой двери и никому не опворить ее, если не услышишь моего голоса.

МЕРКУРІЙ.

Мы уже вступаемъ въ предѣлы Аппики. Слѣдуй за мною, ухватись крѣпче за полу одежды, пока мы дойдемъ до пустыни Тимона.

ПЛУТУСЪ.

Хорошо дѣлаешь, Меркурій, что ведешь меня; иначе лбъ могъ, заблудившись, напастъ на Ипербола или Клеона. Но что это за звукъ? какъ будто желѣзомъ бьютъ о камень!

МЕРКУРІЙ.

Епо Тимонъ роетъ каменную, твердую землю. Ба, ба, ба! при немъ Бѣдность, Трудъ, Воздержаніе, Мудрость, Мужество и вся толпа, надъ коей царствуетъ Гладь; но они гораздо лучше твоихъ тѣлохранищелей.

ПЛУТУСЪ.

Лучше бы намъ убѣжать скорѣе, Меркурій! Что можемъ мы сдѣлать важнаго надъ человекомъ, окруженнымъ таковымъ подчищемъ?

МЕРКУРІЙ.

Иначе угодно Зевесу: оспавимъ боязнь.

МЕРКУРІЙ, ПЛУТУСЪ, БѢДНОСТЬ съ ея
свипою, **ТИМОНЪ.**

БѢДНОСТЬ.

Куда ведешь ты, Меркурій, есаго
свѣнца?

МЕРКУРІЙ.

Мы посланы къ Тимону отъ Юпитера.

БѢДНОСТЬ.

Какъ! снова Плутусъ къ Тимону, послѣ
того какъ я приняла его, удрученнаго бѣд-
ствіями Роскоши и предавъ Мудрости и
Труду, одарила его и мужествомъ и достоин-
ствомъ! Вы такъ презираете бѣдность,
такъ легко вамъ ее обидѣть, что опни-
маете у нее единое достояніе, возвра-
щенное снова къ добродѣтели, дабы Плу-
тусъ, овладѣвъ имъ, предалъ его снова Дер-
зости и Тщеславію и содѣлавъ подобнымъ
прежнему, изнѣженнымъ, малодушнымъ и
безразсуднымъ, бросилъ его мнѣ, какъ изно-
шенную одежду.

МЕРКУРІЙ.

Бѣдность! такъ угодно Зевсу.

БѢДНОСТЬ.

Удаляюсь. И вы, о Трудъ и Мудрость,
Мнемозина. Часть IV.

и вы, другіе спутники, послѣдуйте за мною. Бышь можетъ, онъ узнаеть послѣ, что лишился во мнѣ и благодѣтельной помощницы и наставницы всего лучшаго. Пока была онъ со мною, здравый шѣломъ, добрый духомъ, онъ велъ жизнь человека, наблюдалъ себя, все прочее почиталъ чуждымъ, какъ оно и есть въ самомъ дѣлѣ.

Меркурій.

Они удаляются; подойдемъ къ нему.

—————

МЕРКУРІЙ, ПЛУТУСЪ, ТИМОНЪ.

Тимонъ.

Кшо вы, проклятые? Или пришли сюда мѣшанъ шрудящемуся наемнику? Но не съ радостію онсѣль пойдете; вы все ужасны! Сей часъ раздавлю васъ сими грудами камней.

Меркурій.

Шѣнь, Тимонъ, не бросай! Ты не на людей ихъ бросаешь. И Меркурій, онъ Плутусъ. Зевесъ, услышавъ мольбы швон, насъ послалъ къ тебѣ. Прими въ добрый часъ сіи сокровища и оснавь шруды свои.

Тимонъ.

Вы хопь и Боги по словамъ вашимъ, но у меня возрыдаете. Я всѣхъ равно ненавижу — Боговъ и людей, а еному славному, кнцо бы онъ ни былъ, непремѣнно бышь убишу моимъ заспуномъ.

Плутусъ.

Уйдемъ, Меркурій, ради Бога! Онъ, миѣ кажешся, въ припадкѣ. Уйдемъ, чшобъ не было худо!

Меркурій.

Не дурачься, Тимонъ. Оспавь свои дикій и грубый нравъ, прими въ обяшннн благодѣштельное счастье, швори снова богатыхъ, будь первымъ изъ Аѳинянъ, и презри неблагодарныхъ, счастливыхъ однимъ шобою.

Тимонъ.

Миѣ въ васъ нѣшь нужды. Не иѣшайте миѣ. Заспушь — вошь мое собспвенное богатштво. И блаженнѣйшнн изъ смертныхъ, если никто меня не шрогаешъ.

Меркурій.

Ешо безчеловѣчно, мой другъ!

*Дію скажу ли сіи нестастыя смертнаго
рѣти! (10)*

Тебѣ можно ненавидѣть людей за справедлія, опъ ихъ претерпѣнныя; но какъ же ненавидѣшь Боговъ, которые о тебѣ не купся?

Тимонъ.

Къ тебѣ, Меркурій, и къ Зевсу храню великую благодарность за спаранія ваши; Плутуса же ни за что не приму.

Меркурій.

Да почему жъ?

Тимонъ.

Потому что онъ нанесъ мнѣ тысячи бѣдснвій, предалъ меня льстецамъ, знакомя съ людьми злосовѣтными, возбудилъ во мнѣ ненависть, сокрушилъ меня сладоспрасніемъ, подвергнулъ зависти, и чпюжъ наконецъ? оставилъ меня сираго коварно, измѣннически. Но благодарная Бѣдность, уиражняя меня въ шрудахъ мужеспвенныхъ, съ испиною и свободою бесѣдуя со мною, мнѣ за шруды доставила необходимое, научила презирашь всѣ богатства, во

---

(10) Стихъ изъ Гомеровоі Иліады.

ми́ самомъ основавъ всѣ надежды жизни и показавъ, сколь велико то мое сокровище, копораго не въ силахъ опиять ни льстець ласкапельствомъ, ни клеветникъ — спирахомъ, ни народъ — гнѣвомъ, ни ораторъ — своимъ миѣніемъ, ни пиранъ — злоумышленіемъ. Укрѣпленный трудами, дѣятельно обрабатываю сіе поле, не вижу градскихъ бѣдствій и засупъ миѣ доставляетъ довольство. И пакъ возвратись, Меркурій, къ Юпитеру съ Плутусомъ. Я доволенъ буду и тѣмъ, если онъ всѣхъ людей спенать заспавипть.

Меркурій.

Совсѣмъ нѣтъ, другъ мой! Не всѣ сотворены на спенаніе. Оспавъ твоей гнѣвъ, твои незрѣлыя заблужденія и прими Плутуса. Не должно презирать даровъ Юпитера.

Плутусъ.

Хочешь ли, Тимонъ, чтобы я оправдался передъ тобою? Или ты сердисься, что я говорю?

Тимонъ.

Говори, да только скорѣе, безъ предисловія, не такъ какъ записные Ораторы.

Я позволю тебѣ сказать не много, и то для Меркурія.

П л у т о с ь.

Каженси мнѣ бы можно побольше поговорить за твое ужасное обвиненіе. Разскажи, какую нанесъ я тебѣ обиду? я, который былъ виною всѣхъ твоихъ удовольствій и почестей, и первенства, и вѣнцовъ, и другихъ оплечій. Черезъ меня ты сдѣлался достойнымъ уваженія, тебя прославили и стали искать. Если жъ ты пострадалъ отъ льстецовъ, я не виновенъ. Напротивъ я отъ тебя претерпѣлъ обиды, ты меня такъ безчестно бросилъ въ руки людей пресупныхъ, горделивыхъ, коварныхъ и всѣми умыслами противу меня возстающихъ. Наконецъ ты говоришь, что я тебя предалъ. Я напротивъ тебя обвиняю, какъ ты, всѣми способами меня изгоняя, едва по шеѣ не выполкалъ изъ дома. И вмѣсто нѣжныхъ тканей, почтенная Бѣдность одѣла тебя въ епо рубище! Меркурій свидѣтель, какъ умолялъ я Зевса дозволишь мнѣ не ходить къ тебѣ, столь неприязненно меня изгнавшему.

МЕРКУРІЙ.

Но видишь ли ты, Плутусъ, какимъ онъ спалъ нынѣ? Поживи съ нимъ долѣе — и ты къ нему привыкнешь. Рой, Тимонъ, свою землю. А ты, Плутусъ, вели лвишься сокровищу изъ подъ заснуна; оно услышитъ твой голосъ.

Тимонъ.

Должно покориться, Меркурій, и снова разбогатѣть. Чего не претерпитъ смертный, когда Боги принуждаютъ? Но посмотри, куда пвергаешь ты меня несчастнаго? До сихъ поръ я провождалъ жизнь блаженную, и снова теперь приму сіе золото, а вмѣстѣ съ нимъ ужасныя заботы, право незаслуженныя.

МЕРКУРІЙ.

Терпи, Тимонъ, для меня, хоть оно и трудно и несносно; по крайней мѣрѣ, чтобы льстецы твои лопнули отъ зависти. А я чрезъ Египту полечу на небо.

ПЛУТУСЪ и ТИМОНЪ.

П л у т у с ъ .

Онъ улетѣлъ, какъ кажется. Миѣ слышался шумъ крыльевъ. Ты же останься здѣсь. Я уйду отъ тебя и пришлю къ тебѣ Сокровище. Ударь болѣе землю. А ты, Сокровище златое, покорись сему Тимою и позволь ему взять тебя. Рой же, Тимонъ, достигай глубины — я удалюсь.

ТИМОНЪ, *одио*.

Дѣйствуй, о заступъ, да укрѣпишься ты, да не упрудишься, вырывая наружу изъ нѣдръ земли Сокровище! О Зевесъ чудотворный, вы благосклонные Кориванты, ты — Ермій щедролюбивый откуда мнѣ столько золота! Не сонъ ли это? Не схватить бы мнѣ по пробужденіи горлщихъ угольевъ? Но нѣтъ — это золото клейменое, красноватое, полновѣсное и на видъ прелеснѣйшее!

О злато, даръ прекрасный смертнымъ! (11)

---

(11) Стихъ изъ Пиндара.

Подобно огню пламеньющему, ты бли-
спаешь и ночью и днемъ. Приди, о милое,
возлюбленное Сокровище! Нынѣ я только
увѣрился, что Юпитерь нѣкогда превра-
тился въ золото. Какая дѣвица не приняла
бы на открытыя перси споль прекраснаго
любownika, лющагося чрезъ кровлю? О Ми-
дась, о Крезъ — вы, священныя сокровища
Дельфовъ, сколь вы ничтожны предъ Ти-
мономъ, предъ богашствомъ Тимона, съ ко-
торымъ не сравнится и Царь Персїи! О
заспущъ, ты — любезное рубище! Теперь
всего лучше посвящипь васъ Богу Пану. (12)
Самъ же я куплю всю епу пустыню, по-
спрою надъ сокровищемъ башню, буду
спокойно въ ней жить одинъ и здѣсь по
смерти думаю найти себѣ и гробъ самый.
Мною рѣшено, утверждено закономъ на
остапокъ жизни удалиться отъ всѣхъ, не
знать никого и всѣхъ презирать. Другъ,
знакомый, товарищъ, оларь соспрананїя—
все ето одни пѣсни. Упѣшать плачущаго,
пещись о неимущемъ, — беззаконїе, нару-
шенїе обычаевъ. Жизнь моя да будетъ
уединенна, какъ жизнь люпыхъ звѣрей и

---

(12) По перемѣнѣ рода жизни древнїе имѣли обы-
чай приносить жертвы Богамъ защитникамъ

единный другъ мой — Тимонъ! Всѣ прочіе — враги, злоумышленники. Бесѣда съ ними — лъзна. Когда увижу одного изъ нихъ — пошлю день несчастнѣйшій. Онъ ни чѣмъ для меня не опличимъ — опъ ираморныхъ или жѣдныхъ спашуй. Не примемъ опъ нихъ ни пѣспиника, не заключимъ съ ними договора. Пустыни и горы да будутъ опдѣлять насъ. Трибы, Куріи, сограждане и самое опечество — все лишь холодныя, бесполезныя названія — одно тщеславіе людей безумныхъ. Да разбогатѣетъ единный Тимонъ, да презриетъ онъ всѣхъ, да наслаждается жизнію одинъ самъ съ собою, усправленный опъ лести и похвалъ нестерпимыхъ! Да онъ одинъ приноситъ жертвы Богамъ, самъ себѣ и сосѣдъ и ближній! На всегда полагаю любить одного себя и если придетъ кончина, самому себѣ возложить на главу вѣнецъ смерши (15). Мизантропъ — да будетъ моимъ именемъ сладостнѣйшимъ, а признаки моего нрава — суровость, жестокость, грубость, гнѣвъ, безчеловѣчіе. Увидѣвши кого нибудь сгарающаго въ огнѣ и молящаго о помощи — тушить смолою

---

(15) На мертвыхъ обыкновенно полагали, вѣнцы при похоронахъ.

и масломъ. Если бы кого несъ мимо меня дождевый потокъ и погибающій, проспирая руку, молилъ о спасеніи — ударить его въ голову; чтобъ онъ погрузился и не могъ уже выплыть. Такъ да воспріимуть они dospойное. Предложилъ сей законъ Тимонъ, сынъ Ехекрашовъ, Колипшейскій, утвердилъ его въ совѣщаніи съ самимъ собою самъ же Тимонъ. Быть по сему, мы опредѣлили и твердо сему послѣдуемъ. — Но впрочемъ я весьма бы желалъ, чтобъ всѣ узнали мое внезапное обогащеніе,—для нихъ это бѣ было нѣжелѣе висѣлицы. Но что такое? Откуда эта быспропа? Оповсюду сбѣгаются запыленные, запыхавшіеся, ну почно у нихъ чупье на золото! Что дѣлать? или взошедши на епопъ холмъ, бросая въ нихъ сверху камни, прогнашь ихъ? Или хоть одинъ разъ нарушишь законъ и начашь съ ними разговоры, чтобъ удобнѣе нанесшь удары презрѣннымъ? Это, я думаю, лучше. И такъ примемъ ихъ — они уже близко. Посмотримъ, кто изъ нихъ первый? — Гнаѳонидъ! — епопъ льстецъ, который вчера мнѣ, просящему милоспирію, пропянулъ веревку, а у меня выпивалъ цѣлыя бочки. Хорошо онъ сдѣлалъ, что пришелъ. Онъ прежде всѣхъ у меня зарыдаеть,

ТИМОНЪ и ГНАЕОНИДЪ.

Гнаеонидъ.

Не говорилъ ли я , что Боги не оставяли Тимона, мужа доблестнаго? Привѣпствую тебѣ, о Тимонъ благоразумный, кропкій и веселый собесѣдникъ!

Тимонъ.

Здравствуй, Гнаеонидъ, ненасыпнѣйшій изъ врановъ, пресупнѣйшій изъ смертныхъ!

Гнаеонидъ.

Ты все по прежнему шутишь. Но гдѣ же яства? Я тебѣ принесъ новую пѣсенку изъ новосочиненныхъ диамрамовъ.

Тимонъ.

Ты споешь мнѣ что нибудь въ родѣ Елегій, весьма чувствительное—вотъ подѣшимъ засупомъ.

Гнаеонидъ.

Какъ! ты бьешь меня Тимонъ? Геркулесь — будь свидѣтелемъ! Ой, ой, ой! Я представляю тебя въ Ареопагъ за епираны.

Тимонъ.

И если еще помедлишь уйти, можетъ быть обвинишь меня въ смертоубійствѣ.

Гнаеонидъ.

О нѣтъ! но ты совершенно вылѣчишь мои раны, если не много посыплешь на нихъ золоща: ничто такъ не останавливаетъ крови, какъ это лѣкарство.

Тимонъ.

Ты все еще медлишь.

Гнаеонидъ.

Нѣтъ — бѣгу. Добро тебѣ, коль ты такъ измѣнился!

Тимонъ.

Кто это плѣшивый—выступаетъ такъ важно? Филіадъ, самый безсмыднѣйшій изъ всѣхъ льстецовъ. Я наградила его цѣлымъ полемъ, дочери дала приданого на два таланта за похвалу, которою онъ одинъ, при всеобщемъ молчаніи, превозносилъ мой голосъ, подшверждая клятвою, что онъ слаще звучнѣе лебединаго, а потомъ, когда я больной, нуждаясь въ изцѣленіи, пришелъ

къ нему — елико честный человекъ оп-
благодарилъ меня палкой.

ТИМОНЪ и ФИЛАДЪ.

Филладъ.

О безспыдство! нынѣ только узнаете
вы Тимона? Нынѣ лишь Гнаѳонидъ и другъ
и собесѣдникъ? Онъ справедливо постра-
далъ за свою неблагодарность. Вотъ мы
накъ издавна пріищели, ровесники, земляки;
но всегда учтиво обходимся, чшобъ не оби-
дѣть другъ друга. — Здравствуй, Государь
мой! Берегись сихъ ужасныхъ льстецовъ,
кошорые всегда готовы къ столу, но впро-
чемъ ничѣмъ другимъ онъ врановъ не от-
личаются. Нынѣ не надо никому вѣрять;
всѣ злы и неблагодарны. Я несъ было тебѣ
палантъ для пшвоихъ необходимостей; но
дорогою услыхалъ, что ты пріобрѣлъ не-
смѣнное богатство и попому пріищель
дать тебѣ сіи наставленія. Но ты накъ
премудръ, что, можешь бышь, и не ну-
ждаешься въ словахъ моихъ: ты и самому
Нестору могъ бы давать совѣщны.

Тимонъ.

Точно такъ, Филіадъ; но подойди сюда, дай мнѣ наставить себя вопль ешимъ за-спуномъ.

Филіадъ.

О люди! Епощъ, неблагодарный разбилъ мнѣ черепъ за мои полезныя совѣты!

Тимонъ.

Но вопль и претій— епо Орапоръ Димей съ опредѣленіемъ въ рукѣ, который утверждаетъ, что онъ мнѣ родсвѣнникъ. Я въ одинъ день отдалъ за него республикѣ 16 талантовъ, когда за недоумокъ онъ былъ осужденъ, заключенъ въ оковы; я, сжа-лившись, освободилъ его, а недавно, какъ пришлось ему дѣлать казну для зрѣлищъ прибѣ Ерекційской и я попросилъ слѣдующей мнѣ части, онъ сказалъ, что не знаетъ, гражданинъ ли я?

ТИМОНЪ и ДИМЕЙ.

Д и м е й.

Привѣтствую тебя, Тимонъ, великое украшеніе народа, опора Аѳинянъ, защита Еллады! Давно уже народъ и оба совѣпа собрались и тебя ожидаютъ. Но прежде выслушай опредѣленіе, которое я о тебѣ написалъ: „Поелику Тимонъ, сынъ Ехекратовъ, Колиппейскій, мужъ не только отличный честностію и добродѣтелью, но и всѣхъ мудрѣйшій въ Елладѣ, всю жизнь свою многое совершалъ во славу республики, какъ то: въ одинъ день побѣдилъ на Олимпійскихъ играхъ и борьбою, и въ ристаницѣ на прекраснѣйшихъ колесницахъ....

Т и м о н ъ

Но я никогда не участвовалъ въ играхъ Олимпійскихъ.

Д и м е й.

Чтожь за бѣда? Когда нибудь да будешь. Тутъ еще прибавлено многое кой-что гораздо лучше: „въ прошедшемъ году для блага гражданъ одержалъ побѣду около

Ахарны, испребивъ шылчу Целопонис-
цовъ.“

Т и м о н ь.

Какъ? Да меня и въ спискъ нѣтъ, я и
не бралъ оружія.

Д и м е й.

Ты скромничаешь; но мы, забывъ это,
былибъ неблагодарны. „Предлагалъ мно-
гія благія мѣнья и совѣты, мудро управ-
лялъ войскомъ и чрезъ сіе не мало пользы
принесъ республикѣ: опредѣлено совѣ-
шомъ, народомъ, въ судѣ Еліейскомъ (14)
по трибамъ, каждымъ народомъ Аптики
въ особенностіи и всѣми вообще —
воалѣ Минервы въ градской крѣпости
соорудить золотую сшасую Тимона съ
перунами въ правой рукѣ и лучами во
кругъ головы, увѣнчать его семью золо-
тыми вѣнцами и обнародовать вѣнцы нынѣ
на новыхъ праздникахъ Діонисійскихъ, ко-
торые для Тимона непременно учредить
должно. Сказалъ сіе мнѣніе Орапоръ Ди-

---

(14) Судѣ Еліейскій знатнѣйшій судѣ у Аеніякъ,
въ которомъ разбирались дѣла народныя;
омъ составленъ былъ изъ тысячи человекъ.

ней, ближайшій его родственникъ и ученикъ; ибо Тимоноу превосходенъ въ искусствѣ оранжорскомъ, какъ и во всемъ, гдѣ пожелаешь.“ — Вошь какое тебѣ опредѣленіе! Я хотѣлъ было привести къ тебѣ и сына, котораго въ честь своего имени называлъ Тимоноу.

Т и м о н ъ.

Какъ, Димей? Да ты никогда не былъ женатъ, что и я знаю.

Д и м е й.

Но я женюсь, Богъ дастъ, будущимъ годомъ, нарожу дѣтей и моего первенца (ужь вѣрно будетъ сынокъ) нареку въ честь твою Тимоноу.

Т и м о н ъ.

Не знаю, женишься ли ты, послѣ такихъ ударовъ?

Д и м е й.

Ой, ой, ой! Какъ — Тимоноу? ты принялся за насилія? ты смѣешь бить людей свободныхъ, число свободныхъ, тогда какъ сама не гражданинъ? Но скоро ты за все

строго будешь наказанъ и за то, что под-
жегъ крѣпость Аѳинскую.

Т и м о н ъ.

Но злодѣй, вѣдь крѣпость не зажжена—
ты явно клеветцешь.

Д и м е й.

Но ты разбогатѣлъ, ты подрылъ казно-
нилице.

Т и м о н ъ.

Цѣ оно не подрыто — опять еще ложь.

Д и м е й.

Когда нибудь да будетъ — ужь ты все
взялъ, что въ немъ было.

Т и м о н ъ.

Такъ вопь тебѣ въ другой разъ.

Д и м е й.

Ой, ой моя спинушка!

Т и м о н ъ.

Не кричи — еще будетъ и претій.
Смѣшно бы было, если бь я, безъ оружія

поразивши тысячу Лакедемонянъ , не сла-
дилъ съ подобнымъ себѣ человѣчкомъ. На-
прасно бы тогда были мои побѣды на
играхъ Олимпійскихъ. Но это кто? Не
Философъ ли Эрасиклей? Такъ онъ самый.
Развѣсилъ свою бороду , поднялъ брови ,
ворчитъ что-то про себя , идетъ , бросая
на все суровые взгляды Тициана , закрывъ
волосами чело свое , какъ будто самъ Бо-
рей, или Триптонъ , что на карпинахъ Зев-
ксисовыхъ. Вотъ онъ — одѣтъ просто ,
походкой скромень , въ одеждѣ благоразу-
менъ , упрямъ много говоритъ о добродѣ-
тели , обвиняя любящихъ наслажденія плѣ-
лесныхъ , восхваляя умѣренность , но послѣ
какъ умывши руки (15) сядетъ за ужинъ
и мальчикъ подаспъ ему огромную чашу
(онъ охотникъ до вина чиспаго), тогда-то,
какъ будто уипвшись водою Леты , совер-
шенно пропивное показывается упрекнимъ
своими наставленіямъ , какъ коршунъ хва-
паетъ куски , толкаетъ сосѣда , всю бо-
роду вымаравъ яствами , ѣспъ за шромъ ,
гнепся , какъ будто думая въ блюдахъ ку-
шанья найши добродѣтель и чиспо выши-

---

(15) Обычай древнихъ передъ столомъ.

раешъ пальцемъ опростанныя чаши, чтобъ ни крошки въ нихъ не оспалось. Омъ всегда пребуешь для себя одного или цѣлый пирогъ, или окорокъ и попомъ—обыкновенное слѣдствіе алчности и невоздержанія, забавляется не пѣснями и плясками, но злословіемъ и гнѣвомъ. Тупъ-то за чашею вина пойдутъ рѣчи о воздержаніи и благопристойности; онъ разсуждаетъ, падая опъ безсилія и леничешъ смѣшнымъ образомъ. Наконецъ выносятъ его изъ-за стола полусоннаго. Но презвый, онъ микочу не уступитъ ни въ обманѣ, ни въ дерзости, ни въ сребролюбіи. Онъ — первый льстецъ, за божбою дѣло не спанешъ; ложь и безстыдство имъ управляютъ. Впрочемъ онъ премудръ и ученъ. Ешопъ добрый человекъ у меня зарыдаешъ. Ба, ба, ба! сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались мы, Эрасиклей, съ тобою?

Э р а с и к л е й.

Не съ тѣмъ я пришелъ къ тебѣ, Тимонъ, какъ тѣ, которые, изумившись швоему богатству сбѣжались, окриленные надеждою серебра, злата и пировъ обильныхъ, чтобы польстивъ человекъ, подобно тебѣ простому и щедролубивому. Ты знаешъ —

на ужинъ съ меня довольно хлѣба, лучшее мое кушанье — травы, а приправа—горсть соли, питье — въ источникѣ, это рубище лучше всякой порфиры; золото же я почипаю не драгоценнѣе рѣчныхъ камней. Для себя одного пришелъ я, боясь, чинобъ не развратился ты богамспвомъ, симъ гибельнымъ, коварнымъ доспоянїемъ, которое многимъ часто причинило неизцѣлимыя бѣдспвія. Послушай меня, брось его въ море, оно не нужно для человека добраго, могущаго созерцать сокровища любомудрїи. Ты не бросай его въ глубину, другъ мой! но вошедши въ воду по колѣна, брось его не подалеку отъ берега — лишь бы я одинъ видѣлъ. Если жъ не хочешь, то еще лучше вынеси его скорѣе изъ дома, не оснавъ ни овола, раздай все бѣднымъ, кому пять драхмъ, другому мнасъ, претьему — полпаланна (16). Не забудь только, чиню Философъ доспойми двойнаго или

---

(16) Оволь—шестая часть драхмы — 15 копѣекъ. Драхма — всила 64 грана, 90 копѣекъ.

Мнасъ — сто драхмъ Апшическихъ — 90 рублей.

Талантъ — 750 и 1000 рублей.

проняго подарка. А миѣ, я не о себѣ прошу, но чтобъ помочь бѣднымъ друзьямъ моимъ, съ меня довольно будетъ, если насыпешь ему сумочку, въ кошорую едва ли взойдетъ и два медимна Егинеискихъ (17). Мудрецъ долженъ бытъ умѣренъ и не замышлять ничего сверхъ сумы своей.

Тимонъ.

Это хорошо — Эрасиклей. Но прежде нежели наполню тебѣ мѣшокъ, дай миѣ наполнить пивою голову шолчками, съ прибавкою етаго заступа.

Эрасиклей.

О народо-правленіе! о законы! Преступникъ насъ смѣетъ бишь въ свободной республикѣ.

Тимонъ.

Ты жалуешься, добрый Эрасиклей? Или я обмѣрилъ тебя? Пожалуй я еще сверхъ мѣры прибавлю чешыре хиника (18). Но

---

(17) Медимнъ — мѣра Греческая для твердыхъ товаровъ.

(18) Хиникъ — мѣра хлѣбная.

что епо? Какое множество ихъ сходится!
 Влепсій, Лахесъ, Гнифонъ — цѣлое полчище,
 но они у меня застенаютъ. Не лучше ли
 взошедши на эту скалу, дать опдыхъ за-
 ступу, а самому, набравши множество кам-
 ней, сыпать на нихъ градомъ?

В л е п с і й.

Не бросай, Тимонъ! мы уйдемъ.

Т и м о н ъ.

Но не безъ крови, не безъ ранъ!....

С. Шесыревъ.

XII.

О Ч К И.

(Е л е г и я).

Не удивись, что я, съ хорошими глазами,
 На помощь къ нимъ искусство пригласилъ;
 И зрѣнью моему, стѣсненному очками,
 Стеклянные границы положилъ.
 Я молодъ.... но давно на лбу моемъ морщины,
 Печать и думы и трудовъ;
 Я въ опытѣ узрѣлъ души моей сѣдины
 И скорбь дополнила число моихъ годовъ.

* * *

О! было время золотое,
 Когда въ очкахъ волшебницы мечты
 Я мѣръ прекраснѣй зрѣлъ — и сердце молодое,
 Надеждой полное, не знало пустоты.
 Какъ огонь, таинственный повѣренный Природы,
 Питаясь на землѣ, стремится къ небесамъ,
 Равно душа моя, предупреждая годы,
 Отъ сущности земной небеснаго къ мечтамъ
 Стремилась.... Ею все въ твореньи оживлялось:
 Надеждой будущность была озарена,
 Жизнь настоящая веселью отдана

И другомъ искреннихъ минувшее казалось....

. . . . .

Но сладкой сонъ не продолжился;

Сперва я съ дружбою оспавленъ былъ вдвоемъ;

А шамъ и съ ней проснулся.

И жизнь предстала мнѣ угрюмымъ цвѣтникомъ,

Гдѣ время розы убиваетъ,

Гдѣ время шербетя распылитъ,

Гдѣ свѣжій мирисъ любви весною лишь блеститъ

И смерть гдѣ, можетъ быть, лавръ поздній на-
саждаетъ.

* . *

Теперь все тотъ же мѣръ, но я уже не тотъ.

Предъ опытомъ мечты, надежды замолчали;

Очарованья нѣтъ — и хладный грузъ печали

Мой духъ проснувшійся гнѣшетъ.

Въ толпѣ припелелъ ищу напрасно друга;

Ищу, кому бы могъ свой пламень передать,

Съ кѣмъ могъ бы за одно я мыслить, ощущать....

У всѣхъ на языкъ услуга,

У всѣхъ на сердцѣ зла печать.

Среди молодыхъ красотъ напрасно трачу младость,

Ищу напрасно той! съ кѣмъ могъ бы раздѣлить

Надежды, скорби, радость,

Кѣмъ могъ бы сердца я пустыню заселить.

Вошще!.... И часто длань холодную сжимая;

Которую обрядъ, не дружба подаешь;

Иль взоры на тебя, Алина, устремляя,

Вдыхаю и печаль къ очкамъ моимъ зовешь :

„О спекла вѣрныя, скажите ,

„Что дружбы и любви земля не лишена;
 „Что дружба искренна и что любовь вѣрна
 „И прежнему мечтой хоть мало мнѣ польстите.“

* . *

Но если въ жизни сей могу быть счастливъ я;
 Когда Алены взоръ мнѣ къ счастью путь укажетъ
 И грудь любовію взволнуется твоя;
 Когда сильнѣй всѣхъ словъ твое молчанье скажетъ,
 Что я шобой любимъ; когда твоей нѣжный гласъ,
 Приятный, какъ весны лучшее дыханье,
 Произнесетъ стыдливое признанье;

Тогда, клянусь, въ тотъ самый часъ,
 Чтобъ быть счастливъ, познавъ блаженства цѣну,
 Чтобъ видѣть, жить, дышатьъ для милой и любви,
 Я снова прогляну — и вмигъ украсятъ стѣну
 Очки разбитыя мои.

XIII.

ЛИВОНІЯ.

(Посвящ. Е. Б. Н.)

Не встанешь ты изъ вѣковаго праха,
 Ты не блеснешь подъ знаменемъ Креста;
 Тяжелый мечъ наслѣдниковъ Рорбаха,
 Ливоніи прекрасной красота!
 Прошла пора твоихъ завоеваній,
 Когда въ огняхъ тревоги боевой,
 Вожди побѣдъ, смирители Казани,
 Смирлякся, блѣднѣя, предъ тобой!

* . *

Но тишина постыднаго забвенья
 Не все, не все у славы опияла:
 И черныя дѣла опустошенья,
 И доблести возвышенной дѣла....
 Онъ живущъ для Музы пѣснопѣнья
 Для гордости Поэтова чела!

* . *

Рукою лѣтъ разбитыя громады,
 Гдѣ бранная воспитывалась честь,
 Гдѣ торжество невѣдало пощады

И грозную разгорячало месьць —
 Несмы́лый внукъ Ливонца удалаго
 Глядыпъ на вашъ краснорѣчивый прахъ —
 И нѣтъ въ груди волненія жиааго,
 И нѣтъ огня въ бессмысленныхъ очахъ !

* . *

Таковъ ли взоръ любимца вдохновенья ,
 Въ душѣ его такая ль тишина ,
 Когда ему, подъ рубищемъ забвенья ,
 Является святая старина !
 Исполненный таинственной оспрады ,
 Онъ зрѣтъ въ мечтахъ миновавше вѣка —
 Душа кипитъ; горитъ, яснѣютъ взгляды
 И падаетъ къ струнамъ его рука !

Н. Языковъ.

Все быстро время увлекаешь,
Но другомъ я живу моимъ
Любовь и время побѣждаетъ,
Живу мой другъ тобой однимъ.

* * *

Настанетъ часъ разлуки вѣчной,
Въ гробъ съ именемъ сойду твоимъ
Услышишь гласъ любви сердечной:
Жила, мой другъ тобой однимъ.

XV.

СЕКТА ИДЕАЛИСТИКО-ЭЛЕАТИЧЕСКАЯ.

(Отрывокъ изъ Словаря Исторіи Философіи).

(Съ сожалѣніемъ должно признаться, что мы Рускіе еще не богаты Философическими сочиненіями. Правда мы богаты курсами Словесности, Учебниками, вами, крапками и просщранными Рипориками и Пиппиками, Физическими и Химическими книгами, — но въ нихъ Философія почтена вещью постороннею, излишнею. Нѣтъ ни одного уже не говорю долгаго курса Философіи, нѣтъ даже ни одного Журнала, котораго хотя бы нѣсколько страницъ были посвящены Философіи, — копорой бы знакомилъ насъ съ усиліями Геніевъ, друзей человѣчества, подвизающихся на пути къ сей основѣ человѣческихъ знаній, и безъ коей всякое знаніе не имѣетъ никакаго существеннаго значенія, почто

также, какъ всякое тѣло безцвѣпно когда не подвержено дѣйствию свѣта. Я уже имѣлъ случай упоминашь о спатъяхъ, совершенно новыхъ и прекрасныхъ по части современнаго Любомудрія, помѣщенныхъ въ Вѣстникъ Европы 1822 г. (*).

Но упоминаясь рука, мѣтавшая бисеръ — и теперь наши Журналы по прежнему наполняются спитками — о радости и радости — нелѣпыми шолкованіями о бесполезности Философіи, и ш. п. Но скажутъ мнѣ, что Журналистамъ надобно сообразоваться съ духомъ Публики — согласенъ, но не лзя ли съ одной стороны сообразуясь съ онымъ съ другой спараться првлечать чипателей хотя мало по малу къ занятіямъ болѣе возвыщеннымъ. — Мы живемъ въ XIX сполѣтіи !

Не говорю уже о высшей необходимости истинной Философіи; епой необходимости не шолкуешь глухонѣмымъ; но если бы кто захопѣлъ вымачельнѣе посмогрѣшь на опношенія, связующія явленія съ ихъ на-

---

(*) Не считаю нужнымъ оправдываться въ томъ, что не я Авторъ сихъ статей. Онѣ написаны человекомъ, который не пойдетъ въ состязательство съ Г. Булгаринымъ. С о з.
Мнемозина. Часть IV. 11

чаями: то ишь бы, что единственная причина тому, что мы до сихъ поръ и въ искусстввахъ и наукахъ — только подражатели естъ презрѣніе къ Любомудрію. Ибо возьмемъ для примѣра частный случай: гдѣ у насъ для художника ишь Аріадина въ лабиринтѣ искусства; онъ стремишси сотворити что-либо новое, оригинальное, а ему по всѣхъ нашихъ весьма не философическихъ Естествовакъ ивердитъ, что образованіе художника должно состоятъ въ изученіи образцовъ (*nos grands maitres*, какъ говорятъ поклонники Лагарповъ и Вольперовъ) и къ етому присовокупляютъ онъ время Аристотеля до сихъ поръ еще повноряемое, но еще непонятое неопредѣленное какое-то *подражаніе природы*. Вовлеченный въ заблужденіе условными правилами, пораженный произведеніемъ какого-либо Генія, художникъ забываетъ о собственной дѣятельности и вмѣсто того, чтобы бытъ соперникомъ сего Генія становитси подражателемъ. Но неволь художникъ останавливается на окружности, когда ишь ему проводника къ средоточію, изъ коего всѣ явленія представлялись бы ему въ гармонической, живой цѣлости.

Ешаго мало ; не только боишься говорить о Философіи, но даже, какъ замѣчено прежде меня, до сихъ поръ нѣкоторые по шпають сію науку не только бесполезною, но даже вредною ; до сихъ поръ Философа не могутъ себѣ представлять иначе, какъ въ образѣ Французскаго говоруна 18 вѣка (*); много ли такихъ, которые могли бы измѣрить, сколь велико разстояніе между истинною, небесною Философіею — и Философіею Вольтеровъ и Гельвеціевъ? а до сихъ поръ найдутся люди, готовые еще сказать съ Сумароковымъ :

Во мудрованіи не прапъ напрасно словъ,
Коль хочешь въ Небѣ бышь, не буди Философъ.

Но Сумароковъ имѣлъ право сказать это въ свое время !

Да не почтутъ сіи мысли написанными для того, чпобъ возвысить въ глазахъ читателей цѣну сочиненія, которое я имъ на судъ представляю. Хотя всякій

(*) По сему-то мы для отличія и называемъ истинныхъ Философовъ — *Любоумудрами*. С.

трудъ по сей часпи заслуживаетъ уваженіе, уже по своему безкорыстію, ибо часто одна Донъ-Кицотова слава ожидаетъ рыцарей, осмѣливающихся возжигать свѣшильникъ Философіи и возставать съ онымъ противъ закоренѣлыхъ предразсудковъ и слабоумія; но и Философическое сочиненіе можетъ быть дурно, какъ всякое другое, — и потому не заслуживать вниманія.

Желая сколько въ моихъ силахъ, распространить свѣдѣнія въ наспоющемъ смыслѣ полезныя, я уже около двухъ лѣтъ тружуся, хотя и неноспоянно, надъ составленіемъ *Словаря Исторіи Философіи*. Почитаю нужнымъ сказать, что въ немъ, сопвѣпственнно его названію чпшпатели не должны искаать описанія частной жизни Философовъ, какъ-то обыкновенно въ Словаряхъ бываетъ; такія подробности, драгоценныя для Поепа, ничпожны въ глазахъ Любомудра; въ Словарѣ мною составленномъ будущъ исключипельно поимѣнены одни изложедія самихъ Системъ; ему будетъ предшествовать обзоръ всѣхъ главнѣйшихъ ученій и вліаніе каждаго изъ оныхъ на всеобщее совершенствованіе челоѳческа; къ сему-то обзору Словарь

и будетъ принадлежать какъ бы для по-
вѣрки. Зная, что одно изъ главнѣйшихъ
достоинствъ всякаго историческаго сочи-
ненія есть достоверность, я вездѣ гдѣ
только могъ сослался на самые источники,
а за недостаткомъ оныхъ на людей, уже
заслужившихъ довѣренность ученаго свѣта,
каковы: Бруккеръ, Буле, Теннеманъ, Шпекъ,
Дежерандо, Шпуцманъ и проч. (*). По
прилагаемому здѣсь пусть мыслящіе рѣ-
шатъ — оставишь ли мнѣ свой трудъ,
или продолжатъ его съ новымъ рвеніемъ;
въ послѣднемъ случаѣ приглашаю всѣхъ за-
нимающихся Философическими науками спо-
собствовать мнѣ къ скорѣйшему изданію
сего Словаря присылкою изложеній Си-
стемъ различныхъ Философовъ. Онѣ бу-
дутъ приняты съ благодарностію (**).

(*) Частный человекъ не можетъ имѣть всѣхъ древнихъ, весьма рѣдкихъ изданій, а у насъ въ Москвѣ къ сожалѣнію еще нѣтъ открытой Публичной Библиотеки, при теперешней дѣятельности умовъ, необходимо нужной. С.

(**) Разумѣется со всѣми Журнальными условіями, касательно не помѣщенія и проч. Для сего здѣсь собственно и помѣщается и отрывокъ изъ Словаря со всѣми принадлежно-

Здѣсь для образца предлагаю на судъ читателямъ нѣсколько отрывковъ изъ моего Словаря. Я нарочно выбралъ составившихъ Секшу Идеалистико - Элеатическую. Сія Секша на копорую до сихъ поръ мало обрацали вниманія (1) замѣчательна по многимъ отношеніямъ :

а) Въ ней первой явилася нѣсколько спройнал Система (2) и въ семъ отношеніи самый Анаксимандръ, почитаемый чудомъ древняго міра, долженъ уступить Элеатикамъ; Анаксимандръ, копорый болѣе поражаетъ великостію своего Генія, смѣлыми идеями касательно мірозданія, какъ бы предчувствіемъ истины, нежели существовою пользою, принесенною Любоумдрію въ его цѣлоспи.

спями дабы желающія участвовать въ ономъ, могли видѣть какую форму желаю я дасть изложеніямъ Системъ. С.

- (1) Выключая Германскихъ Писателей. Особенно замѣчательны труды Фюллеборна по сей части. С.
- (2) Чрезвычайно любопытный обзоръ сего періода въ ходѣ ума человѣческаго находится у современнаго намъ мыслителя Шпуцмана. (См. *Stuzman's Philosophie der Geschichte der Menschheit* § 68). Также см. Дежерандо *Hist. comp. d. Syst. de Philos.* t. I. p. 448. С.

в) Секта Идеалистико-Елеатическая вмѣстѣ съ Пифагоромъ была какъ бы предпечюю возвышенныхъ мыслей самаго божественнаго Платона, даде повнорилася въ *средней Академіи* (3), ярко мелькнула между такъ называемыми Александрійскими Нео-платониками (4) одушевила во мракѣ XVI

(3) Т. е. разумѣя здѣсь Аркезилая и Карнеада. Въ семъ случаѣ мы держимся раздѣленія Дежерандо (см. *Hist. comp. d. Syst. de Philos. t. 3. p. 106*). Теннеманъ (см. *Grundr. der Geschichte der Philos.*) также не смѣшиваетъ ихъ съ Академіею Филона и Антіоха; ибо сіи два послѣдніе Секташора явственнѣе отличаются отъ первыхъ. Антіохъ не узнавалъ Платона въ сочиненіяхъ Филоновыхъ, а самъ по свидѣтельству Цицерона былъ болѣе Спонику, нежели Академикъ (*Cicer. Quaest. Acad. II. c. 4. b. 22*); тогда какъ Аркезилай, по свидѣтельству Секста Емпирика, держался совершенно ученія Платонова; и если казался Скептикомъ: то епо была только личина, съ помощію которой онъ испытывалъ своихъ учениковъ. По сему-то многіе находили большое сходство между Аркезилаемъ и Сократомъ; приведенное Сексомъ Емпирикомъ обстоятельство еще болѣе подтверждаетъ сіе виѣніе; ибо *сомнѣніе* Аркезилаево не ошвѣчаетъ ли незнанію Сократову? С.

(4) Т. е. разумѣя здѣсь Плотина, или Нуменія. Извѣстны споры ученыхъ о

столѣшнія необыкновенное явленіе — Джордано Бруно, (5) породила великаго духомъ

номъ, кому изъ нихъ двухъ (Плопина и Нуменіи) принадлежитъ честь созданія Неоплатонизма. Сюда же должно причислить и Аммонія, который по свидѣтельству Евсевія былъ учипелемъ Плопина и которому первому вспало на мысль соединить ученіе Академіи съ ученіемъ Лицея. Сюда же причисляются Порфирій, Явблихій, Прокль и проч. С.

- (5) Можно довольно хорошее понятіе получить о семъ Мыслителѣ прочитавши въ Бруккерѣ: *Inst. Hist. Philos. Per. tert. p. II. l. I. Cap. II §§ I. III, IV, V et VI.* — Бруно въ жизнь свою подвергнулся общей участи мужей великихъ: современники не могли оцѣнить его, они его не понимали. Фрегерій въ своемъ огромномъ Словарѣ: *Theatrum virorum eruditione clarorum*, напечатанномъ въ 1688, въ которомъ помѣщены всѣ возможные ученые отъ 1118 до 1680 года, большею частью совершенно не заслуживающіе вниманія, — Фрегерій совсѣмъ не упоминаетъ о Джорданѣ Бруно. Одна ненависть Фрегерія къ Бруно какъ Камоллика не могла произвести такого пропуска. Бель (см. *Dict. T. I. p. 672*) также нападаетъ на Бруно, по причинѣ, о которой мы упомянемъ въ слѣдующемъ замѣчаніи. Съ Беля — списали во всѣхъ книгахъ мнѣніе о Бруно; но любопытно знать на чемъ основывается самъ Бель, онъ говоритъ: „*On prétend, qu'il (Bruno) fit des livres ou il attaquaît les vérités de*

Спинозу, (6) наконецъ была основаніемъ
Теоріи многихъ новѣйшихъ Мыслителей,

---

la foi.... Jean Henri Ursin m'apprend cela...
il rapporte toutes ces choses sur la foi de
Scioppius qui en avait fait la relation dans
une certaine lettre. Le Sieur Nicodeme dit
qu'on ne sait pas certainement si tout ce que
Jean Henri Ursin débite est veritable,“ и
проч. (См. *D. t. I. p. 672, 673 и Зам. В.*)
Вотъ основаніе всѣхъ ложныхъ толковъ
о Бруно — вѣрь послѣ епаго Истори-
камъ. Въ послѣдствіи лучше начали цѣ-
нить его: Картезіій обязанъ ему мно-
гими своими мыслями, хотя и не ска-
залъ епаго. С.

(6) Тѣ, которые до сихъ поръ оскверняютъ
высокое пишло Философа именами Воль-
перовъ и Гельвеціевъ удивятся епи-
тету, приданному мною Спинозѣ; но
для мыслящихъ сей эпитепъ не пока-
жется спраннымъ. Люди, каковы Бель,
Вольперъ и имъ подобные, спремившіе-
ся подрить основаніе Хрістіанской
Религи, вспрѣчали важное пропиву-
дѣйствіе въ Системѣ Спинозы, совер-
шенно основанной на нравственности
Хрістіанской. Она одна изъ всѣхъ то-
гда бывшихъ Системъ могла рѣшить
вопросы, приводившіе въ недоумѣніе
другихъ Сектапоровъ, которые хотя
и видѣли заблужденія Деистовъ и Атеи-
стовъ; но сами не имѣя твердаго осно-
ванія не были въ состояніи рѣшитель-
но отразить нападенія Софистовъ;
чтобы избавишься ошъ такого препя-
сствіа Софиспы рѣшились представишь

далеко отстаивавшихъ за собою всё успія прежде бывшихъ Любомудровъ.

Система Элеашиковъ не можеть не заключать въ себя многихъ заблужденій,

Систему Спинозы совершенно въ превращенномъ видѣ и обвинишь его въ своихъ собственныхъ пресупленіяхъ: Бель началъ на Спинозу съ длинными, запутанными Софизмами, Вольперъ съ обыкновеннымъ своимъ орудіемъ — насмѣшкою. Не лзя равнодушно читать целѣности, которыхъ Бель взводитъ на глубокомысленнаго Любомудра; трудно повѣрить въ наше время такому явному обману: но пусть сомнѣвающейся въ томъ заглянетъ въ *Diction. Hist. et Critique* P. Bayle, edit. de 1720 t. 3. въ статью о Спинозѣ, съ принадлежащими къ оной замѣчаніями, изъ коихъ отличительнѣйшіе по своей целѣности подъ буквами: *A. K. L.* и особенно *N.* и проч. — и потомъ сравнишь сію статью съ изданными въ 1802 году въ Лѣнѣ твореніями Спинозы (*), коихъ полное заглавіе таково: *Benedicti de Spinoza Opera, quae supersunt omnia, iterum edenda curavit, praefationes, vitam auctoris, nec non notitias, quae ad historiam scriptorum pertinent, addidit Henr. Eberh. Gottlob Paulus.* Такова участь людей, опереживающихъ свой вѣкъ, возвышающихся надъ полнѣйшими обыкновенными: во время жизни Спинозы — покойствіе его было нару-

(*) Сіе изданіе весьма рѣдко, оно попалось мнѣ случайно.

какъ и всѣ системы, современные младенчеству рода человеческого. Но Историкъ-мыслитель съ любопытствомъ и восхищеніемъ взираетъ на усилія младенчествующаго ума человеческого, стремящагося къ открытію таинствъ возвышенныхъ. Одно Одікровеніе могло вознести до нихъ человека и показанъ ему путь истинный, чуждый заблужденія. *Haec est via recta et secunda, in ea errare non possumus.*

шаемо невѣждами-современниками, не понимавшими его; и до сихъ поръ шѣле люди, которые называютъ Вольтера Философомъ, чествуя Спинозу гнуснымъ названіемъ Атеиста; тогда какъ стоишь заглянушь хотя въ письма, писанныя Спинозою къ разнымъ лицамъ (находящіяся въ упомянутомъ изданіи) чтобы увѣришься въ противномъ. Но штенно поборошь усиліе духа; возвращающа вѣки и пошмки преклоняющъ колѣно предъ прахомъ мужа великаго, долго бывшаго въ презрѣніи; а срамъ ложивша на могилу ничтожныхъ, прежде несправедливо прославленныхъ. С.

КСЕНОФАНЪ.

(Кор. *ξένος* — чужестранецъ; *φαινεῖν* — казаться).

За 536 лѣтъ до Р. Х. около 61 Олимпіады (1).

Ксенофанъ, по мѣсту своего рожденія названный Колофонскимъ, есть основатель Флеапической Секты, получившей сіе названіе отъ города Флея въ Греціи, гдѣ сія секта образовалась.

Основаніе сія Секта получила отъ Италійской; распалась на два отдѣла: на Секту Идеалистико-Елеатическую и Атолистико-Елеатическую, иначе на Елеатиковъ-Метафизиковъ и Елеатиковъ-Физиковъ (2).

Ксенофанъ первый изъ Философовъ показалъ свои умствованія *υμозρῶνιῳ* (3).

(1) Это исчисленіе по Теннеману; оно пишется дословѣрнѣйшимъ. С.

(2) О соспавлявшихъ сію послѣднюю Секту и о ея отличіи отъ Идеалистической будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ. С.

(3) Замѣчательно въ отношеніи къ духу времени, что Ксенофанъ, подобно Пармениду, Емиедоклу, Фалесу и другимъ преподавалъ свое ученіе стихами (см. *Plut. de Orac. § XXXIV*). У древнихъ во время младенчества рода человѣческаго Философія произрастала на полѣ Пoesiи и была какъ бы чуждымъ, слу-

Пифагорейцы стремились разнообразіе предметовъ привести къ однимъ началамъ; Ксенофанъ пошелъ далѣе: онъ силлся самыи сіи начала вывести изъ безусловнаго единства: Его не удовлетворяли предположенныя его предшественниками: вѣчная, первоначальная стихія, и вѣчная, дѣйствующая сила; сіи предположенія весьма многихъ явленій не объясняли; онъ не разрѣшалъ главнаго вопроса Ксенофанова о причинѣ образованія предметовъ.

„Что существуетъ, то вѣчно,“ (*) говорилъ онъ: „ибо ничто не происходитъ изъ ничего.“ (4)

„Если ничто изъ ничего не происходитъ: то вселенная, не могла быть

чайнымъ на нею распѣніемъ; нашъ вѣкъ, вѣкъ возмужалости; въ наше время Поезія есть кажется случайное распѣніе; оно произрастаетъ не свободно, не отъ внутренней дѣятельности, но отъ внѣшнихъ усилій. Не нашему ли вѣку досталось въ удѣлъ преимущественно поприще Любоудрія?

(4) *Ἄιδιον εἶναι φησὶν εἴ τι ἐστὶν, εἴπερ μὴ ἐνδέχεται γενέσθαι μηδὲν ἐκ μηδενός. Arist. de Xenophane. См. St. Gesch. der Phil.*

(*) Да не подумаютъ иные, будто бы мы принимаемъ мнѣнія Ксенофана и другихъ Элеатиковъ за истину; мы предлагаемъ ихъ, только какъ матерьялы для исторіи, какъ предметъ для разсужденій и опроверженій.

сопворенною; ибо въ такомъ случаѣ она не существовала до своего рожденія, была ничто (5). Сверхъ того, „продолжать онъ“ если бы существо (или существа) могло бытъ сопвореннымъ, то оно долженствовало бы произойти онъ основанія (*ἀποτότου*) съ нимъ однороднаго, или разнороднаго. Въ первомъ случаѣ сіе основаніе повторило бы только самого себя; второе же не возможно, ибо въ существѣ происшедшемъ онъ основанія съ нимъ разнороднаго, должно непременно находится нѣчто такое, чего нѣтъ въ самомъ основаніи, слѣдственно такое, которое не имѣетъ никакого основанія, что нелѣпо.

„Существо не сопворенное, но предвѣчное преспасть существовать не можетъ, ибо нѣтъ ничего внѣ его, чтобы

Но изслѣдованіемъ Фюллеборна между опризнами Аристотеля, подъ названіемъ: *De Xenophane, Zeno et Gorgia* — имѣется два съ нѣкоторымъ точное изложеніе Ксенофановой Системы.

- (5) См. *Plat. de Plat. Philos. l. I. § IV.*
 „Ксенофанъ думалъ,“ говоритъ, „что вселенная вѣчна и неизмѣнима и не могла бытъ сопворенною, не предвѣчною. Также см. *Eus. Praep. Evang. l. II. § VIII, Plut. § II.*“

могло положить ему предѣль; два существа предѣльные взаимно бы себя ограничили и существованіе бы пресшло. Сіе существо предѣльное, единое должно быть неизмѣнимо; ибо оно есмь все и вмѣстѣ никто: оно ни одного особеннаго свойства въ себѣ не заключаешь, но всѣ безъ исключенія въ себѣ содержишь; не откуда приобрести ей новаго свойства.“ (6)

„Такимъ существомъ Ксенофанъ представлялъ себѣ Бога. „Ксенофанъ воззрѣвъ на вселенную,“ говоритъ Аристотель „и назвалъ единое — Богомъ.“ (7) Отсюда выводилъ онъ заключенія, коими поражалъ

(6) Dogmata Xenophanis ita exponit Aristoteles: (*Metaph. l. I. c. 5*) fieri non posse, ut ex nihilo quidpiam existat: *aeternum* itaque esse et *semper* fuisse, quidquid est; quod aeternum sit, esse infinitum, unum, ex omni parte sibi simile, immobile et immutabile; Deum esse hoc unum incorporeum, aeternum, cujus substantia globosa sit; nihil illud cum hominibus commune habere, totum videre, audire esse simul omnia, nec corpore, nec animo homini comparandum. *Bruck. H. Ph. p. 246 § IV.*

(7) *Εἰς τὸν οὐρανὸν ἀποβλέψας, τὸ ἓν εἶναι φησὶ τὸν ἕξον. Arist. Metaph.*

защипниговъ политеизма, или многобожія и даже сѣлся надъ ними (8).

„Какъ Богъ есть существо всесовершенное“ говорилъ Ксенофанъ „все въ себѣ заключающее и никакимъ особеннымъ свойствомъ неопредѣлимое, но онъ—*единъ*. Если допустить существованіе нѣсколькихъ Боговъ, то необходимо допустить должно и то, что они суть равны или неравны въ совершенствѣ; если они равны, то ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть существомъ совершеннымъ, бытъ *Все*; если они не равны, то менѣ совершеннѣйшій долженъ поднасть подъ власнѣ болѣ совершеннаго и слѣдственно престае бытъ существомъ всесовершеннымъ.

---

(8) См. Плут. *о сусвѣртіи* § XXXIV, гдѣ онъ приводитъ слова Ксенофана Египтянамъ, копорые принося жершвы Богамъ, поражали себя въ грудь и другіе знаки опечалнія показывали: „Если шѣ, коимъ вы приносите жершвы — Боги (и слѣдственно милосердые и всевѣдущіе)“ говорилъ Ксенофанъ „то за чѣмъ вы ихъ упрашиваете; если они люди — за чѣмъ приносите имъ жершвы?“ Также у Плутарха сохранены стихи Ксенофана, въ копорыхъ онъ говоритъ, что нѣтъ человека, копорый бы зналъ навѣрное, что такое боги и проч. (См. *о гтеніи Поетовъ* § VIII).

„Богъ“ продолжалъ Ксенофанъ будучи единымъ, вѣчнымъ, вмѣстѣ и не конеченъ и безконеченъ: не конеченъ ибо предѣла имѣть не можетъ подобно тѣлу физическому; не безконеченъ,—ибо это есть свойство ничтожества, а Богъ не есть оное. Онъ не движимъ, ибо нѣтъ споль великаго пространства, гдѣ бы онъ могъ двигаться; онъ движимъ, ибо дѣйтельность есть свойство возможнаго совершенства. Онъ подобенъ — лишь самому себѣ; но какъ ничто не можетъ выразить существа единого, вездѣ самому себѣ подобнаго, кромѣ шара, какъ неподдерженной чувствамъ точки изъ самой себя во всѣ направленія равно протягающейся, по ириличнѣ всего изображеніе Божества представляшь въ видѣ сферы.“ (9) Изъ сего можно заключить, что Ксенофанъ никакъ не почиталъ сферу за самое Божество, какъ нѣкоторые думали (10), но только за Символь онаго.

---

(9) См. Замѣчаніе 6 къ Ксеноф. и Зам. 1-е къ Парм.

(10) Какъ напр. Бель; (см. *Dict. Hist. Art. Xenophane* p. 2887. Зам. В.) находя сходство между Ксенофаномъ и Спинозою, котораго онъ старался не понимать, Бель не хотѣлъ понимать также и Ксенофана.

Ксенофана не устрашало разногласіе его положеній съ явленіями, подлежащими чувствамъ. (11). Въ такомъ случаѣ онъ говорилъ, что чувства насъ обманываютъ и что не должно довѣрять имъ, что въ чувственныхъ предметахъ мы не можемъ открыть истины, а только подозревать оную. Такимъ образомъ въ отношеніи къ предметамъ чувственнымъ, онъ былъ скептикомъ, тогда какъ рѣшительно допускалъ справедливость тѣхъ познаній о вселенной, которыхъ мы чрезъ чувства

Любопытно видѣть какъ перетолковывалъ онъ слова Цицерона о Ксенофанѣ. (См. Тамъ смр. же 2886 и *Cicer. de Nat. Deor. p. I*). Здѣсь не лзя довольно распространиться о семъ предметѣ, въ своемъ мѣсцѣ будетъ о немъ упомянуто.

- (11) Понятія его о явленіяхъ въ Природѣ чрезвычайно сбивчивы и смѣшанны. Онъ никакъ не соглашается съ его умозрѣніями; епо объясняется тѣмъ, что Ксенофанъ совершенно ондѣлялъ познаніе міра духовнаго отъ познанія міра вещественнаго. Изложенія сихъ понятій относятся къ Исторіи Физики и потому не входяшь въ составъ нашего Словаря. Сверхъ того, о нихъ полкуется во всѣхъ Словаряхъ. Мы старались знакомить нашихъ читателей съ предметами болѣе важными и неизвѣстными.

пріобрѣсти не можемъ: каковы понятія о вѣчности, единствѣ, безконечности, пожизненности—ибо ихъ нѣтъ въ чувственныхъ предметахъ. Не здѣсь ли мелькають искры идей Платоновыхъ? (12).

---

(12) Въ Федонѣ, Платонъ заставляеть Сократа спрашивать у Симмія: какимъ высшимъ чувствомъ онъ можетъ постигнуть и ли осязать не только праведное, доброе, прекрасное, но даже величину, здравіе, силу, однимъ словомъ—сущность вещей? — *Ἄλλ' ἄλλη τιὸν αἰσθήσει τῶν διὰ τοῦ σώματος ἐφήσω αὐτῶν; λέγω δὲ περὶ πάντων, οἷον μεγέθους, πέρι, ἰγυίας, ἰσχύος, καὶ τῶν ἄλλων ἐνὶ λόγῳ ἀπάντων τῆς οὐσίας et caet. Plat. Phaed. in Bibl. Class. Script. Pros. Graecor. t. XXVI p. 87.*

ПАРМЕНИДЪ

(Кор. *παράμενω* — ожидать).

За 504 лѣтъ до Р. Х. — около 61 и 80 Олимпиады (1).

Елеатикъ-Метафизикъ, послѣдователь Ксенофана Колофонскаго.

Ксенофанъ говорилъ, что чувства обманываютъ; Парменидъ еще болѣе развилъ свою мысль: (2) онъ утверждалъ, что посредствомъ ихъ не лзя открыть никакой истины; вѣстѣ стремился согласить чувственные представленія съ умозрѣнiемъ; попому главнымъ его вопросомъ было — различiе познанiй умозрительныхъ съ опытыми.

„Опытность показываетъ“ говорилъ Парменидъ „что чувства насъ обманыва-

(1) По Брукеру — около 69 Олимпиады.

(2) Парменидъ, подобно Ксенофану и другимъ излагалъ ученiе свое стихами. (*Pl. de Or. § XXXII*). Въ началѣ своей Поэмы, сохраненной Секстомъ Емпирикомъ (*Adv. Log. VII*), Парменидъ говоритъ, что не должно вѣряться чувствамъ, зрѣнiю или слуху; что опровергнувши лишь сихъ путеводинителей и положась на одинъ умъ, можно достигнуть истины. *Деж. Hist. Phil.*

юпъ; и если даже допустимъ, что онъ насъ и не обманываютъ, по нельзя отрицать, что онъ знакомятъ насъ съ одними признаками, особностями предмета, а не съ его сущностию; это дѣло духа (3).“

„Умъ увѣренъ насъ въ томъ, что *существоющее существуетъ* и что ничтожество, или несуществованіе не возможно (4).

„Ничто не происходитъ изъ ничего. Люди, введенные въ заблужденіе чувствами, смѣшиваютъ существованіе съ ничтожествомъ; но есть одна вѣрная дорога къ истинѣ: она имѣетъ цѣлю — сущность предметовъ. То что не имѣло начала, не имѣетъ и конца. Оно все, оно едино, неподвижно, безконечно (5). Ибо откуда

(3) Buhle's Lehrbuch der Geschichte der Philosophie 1 & 2.

(4) *Парм.* "Επη, ex collect. Füllebr. V. 39.

(5) Замѣчательны слова Платоновы о Мелиссѣ и Парменидѣ, влагаемые въ уста Сократу (*Plat. Theaet. in Biblioth. Class. Script. Pros. Graec. t. XXVI p. 236*): послѣ разговора о полкованіяхъ Ираклиповыхъ послѣдователей касательно покоя и движенія, Сократъ говоритъ: „я совсѣмъ было позабылъ, Θεοδορύ, о другихъ, пропивное утверждавшихъ..... Также и о говоренномъ Мелиссомъ и Пар-

произойши ему? Изъ ничтожества? — Невозможно; не лзя достигнуть ничтожества, или несуществованія. Какая сила могла извлечь что-либо изъ ничтожества, (6) и именно въ определенное время, ни раньше, ни позже? — Нѣтъ! *Сущность вещей безначальна и безконечна.*

„Между шѣмъ, чувства показываютъ, что все въ Природѣ преходитъ: являешся и исчезаетъ непрерывно; (7) если сіе справедливо, то нѣчто происходитъ изъ ничего и вышеприведенное положеніе ума ложно; если же сіе несправедливо — то

менидочъ о шомъ, что все едино, постоянно, само собою условлено (*αὐτὸ ἐν αὐτῷ*) и что нѣтъ пространства гдѣ бы оно могло двигаться.“ Согласно съ симъ говоритъ и Евсевій (*Praep. Evang.* I. II. c. VIII. § V): „Парменидъ утверждаетъ, что вселенная, вѣчна и недвижима; едина и не произошла отъ чего-либо; ибо продолженіе есть *μῆναι* ложное, что чувства не могутъ довести до истины; что существующее въ шѣ существованія не существуетъ въ самомъ дѣлѣ и проч.“ См. также Платонова *Парменида*.

(6) *Παρι.* "Ετη. *Ex coll. Fül.*

(7) *Buhle's Lehrbuch. d. Gesch. d. Phil.* I 6.

или мѣтъ истиннаго существованія, или видимыя измѣненія суть обманы чувствъ, измѣненія, основанныя на какомъ-то существованіи, но которое можно постигнуть однимъ умозрѣніемъ. (8) *Сущность вещей постигается однимъ умозрѣніемъ, — не мѣла осязать ее. Въ семъ смыслѣ — всякій предметъ въ Природѣ есть мысль.*“

Такимъ образомъ изъ сихъ сбивчивыхъ понятій можно заключить то, что Парменидъ отдѣлялъ Философію умственную, или умозрительную Философію *Истинны*, отъ Философіи чувственной, или какъ называлъ онъ Философію *Мнѣнія* (9).

Основаніемъ предметовъ чувственныхъ Парменидъ полагалъ Свѣтъ и теплоту

(8) „Можно тогда только полагаться на чувства, когда представленіи оныхъ поддерживаются умозрѣніемъ.“ *Цитат.*
"E.η Ex col. Fül.

(10) Ea quae veresimiliter ei tribui possunt, his comprehenduntur, — говоритъ Вруккеръ (*Iac. Bruc. Inst. Hist. Phil. P. 1. II. c. XI § VIII*). philosophiam duplicem esse, vel secundum opinionem et sensum, id est, secundum mutabilem materiae naturam, vel secundum veritatem et rei essentiam et caet.

; Божественный огонь (10) благой, понкой, самъ съ собою вездѣ пожественный, и ничему другому неподобный, пребывающій лишь въ самомъ себѣ (слово въ слово: онъ лишь съ собою: *ἀτὰρ καὶ κείνο κατ' αὐτό*); противоположное ему: мракъ; существо твердое, тяжелое (11).“

(10) . . . . . αἰθέριον πῦρ
 "Ἠλιον ὄν, μέγ' ἀραιὸν, ἑαυτῷ, πάντοσε τωῦτον,
 Τῷ δ' ἑτέρῳ μὴ τωῦτον ἀτὰρ καὶ κείνο κατ' αὐτό
 Ἄντις νυχτάδα ἢ πυκινὸν δέμας ἐμβριθές τε.

Парм. "Елп — Ex. coll. Füll.

(11) Сверхъ того, онъ первый сказалъ, что луна освѣщается солнцемъ. (Plut. de Plac. phil. l. II. c. I. § 26).

МЕЛИССЪ.

(Кор. μέλισσα — пчела, μέλι — медъ).

Около 450 до Р. Х. около 83 Олимпиады.

Елеазикъ Метаризикъ, послѣдовапель
Парменида.

Парменидъ почиталъ сущность вещей существомъ отвлеченнымъ, подлежащимъ одному умозрѣнiю, но не сомнѣвался въ точномъ измѣненiи предметовъ, ощущаемыхъ чувствами. Мелиссъ напротивъ представлялъ себѣ сущность вещей чѣмъ-то вещеспвеннымъ и сей вещеспвенности, не имѣющей никакой опредѣленной формы, онъ придавалъ свойства, до которыхъ довело его умозрѣнiе (1).

„Если сущность вещей (2) по умозаключенiю Парменида,“ говорилъ Мелиссъ, „едина, нераздѣльна, то она не можетъ имѣть какой-либо опредѣленной формы и въ пространствѣ не можетъ быть постигаема. Постигнуть ее можно лишь во

(1) Buhle's Lehrbuch d. Gesch. Phil. 1. b.

(2) *Plut. de Plac. Philos. l. I. c. XXIV.*
Bruc. Inst. Hist. Philos. Per. l. l. II. c. XI
§ X.

времени, которое въ сущности вещей заключается совершенно, ибо существующее не можеть престать существовать.“ (3)

Мелиссъ подобно Ксенофану и Пармениду утверждалъ, что не лзя постигнуть что такое Боги; но сіе говорилъ онъ только въ отношеніи къ древней Религій; Бога онъ починалъ, какъ сущность вещей, единую, нераздѣльную, безкомечную (4).

---

(3) *Arist. Phys.* III.

(4) *Laert.* l. IX. *Плут.* о зменіи Поетовъ.
§ VIII.

З Е Н О Н Ъ.

(Кор. Ζῆν Δερ. вмѣсто Ζῆν — опъ Ζῆω — живу).

Около 504 лѣтъ до Р. Х. Между 79 и 80 Олимпіады.

Елеатикъ-Метафизикъ, ученикъ и послѣдователь Парменида.

Зенонъ — явленіе весьма достопримѣчательное въ лѣтописяхъ ума человѣческаго. Онъ явился на сцену въ то время, когда всѣ были вооружены противъ Елеатиковъ за ихъ недовѣрчивость къ чувствамъ. Парменидовой идеѣ объ единствѣ противуполагали многообразіе предметовъ, утверждаемое опытносною; опроверженію движенія — противупоставлялась безпрестанное измѣненіе предметовъ, ощущаемое чувствами. Зенонъ рѣшился поразить противниковъ ихъ же собственнымъ оружіемъ: рассуждал о какомъ-либо предметѣ, онъ какъ бы бралъ сторону своего соперника, развивалъ его собственную мысль и доводилъ ее — до нелѣпости.

Вопъ нѣкоторыя его силлогизмы, которыми онъ приводилъ въ затрудненіе защитниковъ опытноснои:

Опроверженіе движенія :

Положимъ, что пуценная стрѣла (1) движется; но въ каждое мгновеніе она находится въ пространствѣ ей равномъ; слѣдственно она въ семь пространствѣ находится въ покоѣ: слѣдственно она каждое мгновеніе находится въ покоѣ и въ движеніи, что невозможно.

Опроверженіе пространства :

Положимъ, что пространство существуетъ. Въ такомъ случаѣ оно гдѣ-либо находится; и. е. предполагаетъ другое пространство; это пространство предполагаетъ еще другое пространство и такъ до безконечности — слѣдственно нѣтъ пространства (2).

Такого рода сужденія заставили нѣкоторыхъ почищать его Скептикомъ; но это неправда; одно мѣсто у Платона (3) весьма ясно показываетъ, что Зенонъ держался ученія Парменидова и что силлогизмы его были только оружіе для нападенія на пропивниковъ его учителя.

(1) *Arist. Phys.* I. VI. с. IX.

(2) *Arist. Phys.* I. IV. с. III.

(3) *Plat.. Parm.*

Зенонъ не составилъ никакой особенной системы (4); его цѣлю было поддержаніе мнѣнія Барменидовы, доказать, что опытность имѣеть множество различныхъ споронъ изъ коихъ каждая можетъ быть справедлива и несправедлива, и что слѣдственно опытность ведетъ къ заблужденіямъ; наконецъ, что одно умозрѣніе можетъ довести насъ до истины.

Онъ замѣчашелъ еще тѣмъ, что примѣръ его силлогизмовъ возбудилъ многихъ подражателей и произвелъ гибельную Секпу Софистовъ (*).

Здѣсь оканчиваю мой опытокъ. Размышляя о сектѣ Елеашиковъ находимъ, что всѣ они взаимно себя поддерживаютъ и какъ бы дополняютъ; пакъ, что не каждый въ особенности, но всѣ вмѣстѣ только образуютъ полную Систему; основаніе оной—идея существа безконечнаго, единого, безусловнаго, шождественнаго со вселенною (5). Вообще открываемъ въ нихъ мысли глубокія, но смѣшанныя,

---

(4) *Eus. Prep. Evang.* I. II. c. VIII. § 6.

(5) Tennemanns *Geschid. d. Philos.* p. 67.

(*) См. *Софисты*.

видимъ хаосъ готоващійся преобразиться въ новый міръ, но еще не обратившійся; сравнивая же усилія древнихъ мыслителей съ усиліями новѣйшихъ, невольно вспоминаемъ слова Тидемана :

„Исторія Философіи, въ своей цѣлости представляеть зрѣлице самое утѣшительное: духъ челоуѣка, однажды возбужденный, не только никогда вспять не обращался, но даже и не останавливался: вѣка не прерывали его стремленія; въ то время когда въ Греціи ослабѣла спрасль къ познаніямъ, Философія перешла въ Аравію и тамъ новыя области подчинила своему владычеству; когда любовь къ откритіямъ попухла у Арабовъ, тогда возгорѣлась она на Западъ и Сѣверъ Европы и пролила свѣтъ среди мрака; наконецъ когда Бвропейцы ограничились спорами о словахъ, тогда снова возбудили ихъ опть сна древнія оспашки Греческой мудрости, принесенныя изъ Конспаннинополя. Нѣтъ вѣка, который бы не былъ ознаменованъ появленіемъ Мыслителя возвышеннаго, который бы не расширилъ круга познаній челоуѣческихъ. Что Духъ челоуѣчества стремится непрестанно — это неоспоримо; что онъ стремится къ благородному и

возвышенному — это доказываетъ Историю. Сколь удивительна ея истина! какъ возвышаетъ она душу, особливо въ наше время, когда столько возней, столько нечестностей полагають препону совершенствованію; но опираясь на великодушныхъ своихъ служителей, оно торжествовало, оно будишь торжествовать и ничто не остановишь его стремленію къ лучшему; ибо надъ вселенною царствуетъ добро высочайшее: пусть наука не достигла еще совершенства, котораго мы отъ нея пребудемъ; это не должно ослаблять нашу дѣятельность. Предъ нами мириады вѣковъ, и въ сихъ мириадахъ сколько новыхъ открытій, сколько свѣплыхъ путей, сколько новыхъ сокровищъ ожидаютъ человека! Стремленіе духа его медленно — намъ говорить о томъ времена прошедшія; но придетъ сіе щастливое время, ласкающее насъ надеждами столь сладкими, обещающее намъ столько новыхъ успѣховъ, — когда бы то ни было — но придетъ оно!“

О д в с к .

XVI.

Б У Р Я.

Завыла буря; хлябь морская
 Клопочетъ и реветъ, и черныя валы
 Идутъ, другъ на друга сердито налегая,
 Вьюшъ гнѣвно пѣлся прибрежныя скалы.

Чья непріязненная сила,
 Чья *могучая* рука
 Сгустила въ тучи облака
 И на краю небесъ нежданье зародила?
 Кто возмутивъ природы чинъ
 Горами влажными на землю гонитъ море?
 Не потъ ли злобный духъ геенны властелинъ
 Что по вселенной разлилъ горе?
 Что человека подчинилъ
 Желаньямъ, немощи, страстямъ и разрушенью
 И на творенье ополчилъ
 Всѣ силы данныя творенью?
 Земля трепещетъ передъ нимъ:
 Онъ небо заслонилъ огромными крылами
 И двигая ревущими водами
 Любуется могуществомъ своимъ.

Иль вѣчнымъ будетъ заточенье!
 Когда волнамъ твоимъ я вѣтрюсь океанъ?

Но знай, красой далекихъ странъ
Не очаровало мое воображенье.

Подъ небомъ лучшимъ обрѣсти

Я лучшей доли не умѣю;

Вновь не могу душой моею

Въ краю цвѣтущемъ разцвѣсти.

Межъ тѣмъ отъ прихоти судьбины,

Межъ тѣмъ отъ подлинной отравы бытія,

Въ покоѣ раболѣпномъ я

Ждать не хочу моей кончины;

На яростныхъ волнахъ, въ борьбѣ со гнѣвомъ ихъ —

Она оправдиѣ гордынѣ человека.

Какъ жаждалъ радостей молодыхъ

Я на зарѣ младаго вѣка,

Такъ нынѣ, Океанъ! я жажду бурь твоихъ.

Волнуйся, опѣнай утесистыя грани,

Онъ веселишь меня, твой грозный, дикій ревъ,

Какъ зовъ къ давно желанной брани,

Какъ мощнаго врага мнѣ чемъ шо лестный гнѣвъ.

* * * *

XVIII.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ: ЭДА.

Была безпечна, весела,
 Когда-то добренькая Эда;
 Одною Эдой и жила
 Когда-то дѣвичья бесѣда;
 Она привѣтно и свѣтло
 Когда-то всѣмъ глядѣла въ очи;
 Чтожъ измѣнить ее могло?
 Чтожъ впо утро облекло
 И такъ внезапно въ сумракъ ночи?
 Она разсѣянна, грустна,
 Въ бесѣдахъ вовсе не слышна;
 Какъ прежде яснаго привѣта
 Ни для кого во взорахъ нѣтъ:
 Вопросы долго ждущъ ошавша
 И часто странень сей ошавиль!
 То жарки щеки, то безцвѣтны,
 И тайной горести плоды
 Не рѣдко свѣжіе слѣды
 Горячихъ слезъ на нихъ замѣтны!

Бывало слишкомъ зашалишь
 Съ красоткой хитрый постоялецъ,
 Она къ устамъ приставитъ палецъ.
 Ему съ улыбкой имъ грозитъ;
 Когда жъ ей серьги подаритъ
 Или платокъ повѣса ловкой,

Она красивою обновкой
 Похвастанъ къ матери бѣжитъ,
 Потомъ его благодаритъ
 Веселымъ киксомъ. Шаловливо
 На соннаго его порой
 Плеснетъ холодною водой
 И убѣгаетъ поропливо
 И долго слышенъ дѣшской смѣхъ.
 . . . . . (*)
 Гдѣ время то? при немъ она
 Какой-то робостію нынѣ
 Въ своихъ движеньяхъ смущена!
 Веселыхъ шутокъ и въ поминѣ
 Тенерь ужъ нѣтъ! Простыхъ рѣчей
 Съ нимъ даже дѣва не заводитъ
 Какъ будто спалъ онъ недругъ ей;
 За то порой съ его очей
 Очей задумчивыхъ не сводитъ!
 За то порой, наединѣ
 Къ груди лукавца вся въ огнѣ
 Сама бѣдняжка принадаетъ
 И страсти гибельной полна
 Сама уста свои она
 Къ лобзаньямъ страстнымъ обращаетъ!

Идетъ поспѣшно день за днемъ.
 Гусару дѣва молодая
 Уже покорспивуетъ во всемъ,
 За нимъ она какъ лань ручная
 Повсюду ходитъ: то чешой

(*) Точки поставлены самимъ сочинителемъ.

Приемлетъ ихъ въ полдневной зной
 Густая сѣнь дубравы сонной;
 То приютитъ безмолвный боръ ,
 То приглашаютъ громы горъ
 Въ свой сумракъ нѣгѣ благосклонной;
 Но чаще въ ближній долъ они
 Нисходятъ разными путями.
 Тамъ надъ прозрачными струями
 Ручья веселаго, въ тѣни
 Густыхъ березъ, рябинъ узорныхъ,
 Обросшихъ, вѣспи нѣпъ когда,
 Два камня, — падшіе шуда
 Съ высотъ сосѣдственныхъ нагорныхъ;
 Они садятся на праву.
 Порой любовникъ въ томной лѣни
 Послушной дѣвѣ на колѣни
 Кладетъ усталую главу,
 Безпечнымъ сномъ глаза смыкаетъ.
 Она отъ друга своего
 Докучныхъ мошекъ отгоняетъ;
 Власами мягкими его
 Рукой младенческой играетъ!
 Когда-жъ подыметъ луна
 И дикой край подъ ней задремлетъ,
 Въ приютъ укромной свой она
 Къ себѣ — — его приемлетъ.

Но дѣва нѣжная моя
 Томится тайною тоскою.
 Разъ обыкновеню порою
 У водъ любимаго ручья
 Они возсѣли молчаливо.
 Глазами въ тихомъ забытѣи
 Шалунъ слѣдилъ его струи,
 Предъ нимъ бѣгущія игриво.

Дорогой сорванный цвѣтокъ
 Онъ какъ то бросилъ въ быстрой токъ.
 Вздохнула дѣва молодая!
 На друга голову склоня,
 „Такъ“ прошептала „и меня
 Мигъ полелѣя, полаская,
 Такъ на погибель бросишь ты!“
 У добродушный красоты
 Уста въ то время улыбулися;
 Но туть же скорбь взяла свое
 И на глазѣчкахъ у нее
 Невольно слезы навернулися!
 Она косынкою своей
 Ихъ отерла и веселѣи
 Глядѣть стараяся на друга:
 „Нѣтъ, нѣтъ, не кспати мнѣ тоска!
 Сего дня жизнь моя сладка,
 Сего дня я твоя подруга!
 И завтра будешь ты со мной,
 И день еще, и статься можетъ,
 Я до разлуки роковой
 Не доживу! Господь поможетъ.“

Сковалъ потоки зимній хладъ
 И надъ стремнинами своими
 Съ граничныхъ горъ уже висятъ
 Онѣ горами ледяными;
 Изъ подъ сугробовъ снѣговыхъ
 Кой гдѣ вставая головами
 Скалы чернѣютъ: снѣгъ буграми
 Лежитъ на сѣснахъ вѣковыхъ.
 Кругомъ все пусто. Зашумѣли,
 Завыли зимнія мятели.

Что съ бѣдной дѣвицей моей?
 Пошухъ огонь ея очей,
 Въ ней Эды прежней нѣтъ и пѣни:
 Изнемогаетъ въ цвѣтѣ дней,
 Но чужды слезы ей и пѣни.
 Какъ небо зимнее блѣдна,
 Въ молчаньи грусти безнадежной
 Сидитъ недвижно у окна
 Сидитъ и бури вой мятежной
 Уныло слушаетъ она,
 Мечтая: „нѣтъ со мною друга,
 Давно увянулъ счастья цвѣтъ:
 Чтожъ для меня кончины нѣтъ?
 Когда, когда сметешь ты вьюга
 Съ лица земли мой легкой слѣдъ!
 На сонъ желанной, сонъ глубокой,
 О, скоро ль гробъ меня возметъ;
 И на него сугробъ высокой
 Дыханье бури нанесетъ!“

* * * *

XIX.

Л Е Д А.

Въ странѣ роскошной, благодатной,
 Гдѣ Евротеискій древній шокъ,
 Среди долины ароматной
 Капится свѣтелъ и широкъ;
 Вдоль берега, Леда молодая,
 Еще не мысля, но мечшая,
 Стопами тихими брела.
 Ужь близокъ полдень; небо знойно:
 Кругомъ все пусто, все спокойно,
 Рѣка прохладна и свѣтла;
 Берега спрегутьъ кусты густые...
 Покровы нали на цвѣты
 И Леды прелести нагія
 Прозрачной влагой приняты.
 Легко возлегшая на волны,
 Легко скользитъ по нимъ она:
 Роскошно пѣнясь, перси полны
 Лобзаетъ жадная волна;
 Но зашумѣлъ проросникъ прибрежный
 И лебедь стройный, бѣлоснѣжный
 Изъ за него явился ей.
 Сначала онъ, чуть зримый окомъ
 Блуждаетъ въ оныи широкомъ
 Кругомъ возлюбленной своей;
 Въ пучинѣ часто исчезаетъ,
 Но сокрывался отъ глазъ

Изъ водъ глубокихъ выливаетъ
 Все ближе къ милой каждый разъ.
 И вопль плыветъ онъ рядомъ съ нею,
 Ей смѣлоспъ лебедя мила:
 Рукою нѣжною своею
 Его осанистую шею
 Младя дѣва обняла,
 Онъ жмется къ дѣвѣ, онъ украдкой
 Ей перси нѣжныя клюетъ;
 Онъ въ пѣсни радостной и сладкой
 Какъ бы красы ея поетъ,
 Какъ бы поетъ живую нѣгу!
 Межъ тѣмъ, влечетъ ее ко берегу:
 Выходитъ на берегъ она:
 Уставъ, въ тѣни густаго древа,
 На мураву ложится дѣва
 На длань главою склонена.
 Межъ тѣмъ не дремлетъ лебедь снрасиной
 Онъ на колѣняхъ у прекрасной
 Нашелъ убѣжище свое;
 Онъ сладкозвучно въздыхаетъ,
 Онъ влажнымъ клевомъ вопрошаетъ
 Уста невинныя ея...
 Въ изнемогающую дѣву
 Огонь желанія проникъ:
 Уста раскрылись; томно клевету
 Уже ошавѣтствуетъ языкъ;
 Ужъ на глаза съ живымъ помянемъ
 Набросивъ пышные власы,
 Она нечаяннымъ движеньемъ
 Раскрыла всѣ свои красы...
 Приюпъ свой прежній покидаетъ
 Тогда нескромной лебедь мой;
 Онъ томно шею обвиваетъ

Вкругъ шея дѣвы молодой;
Его напрасно отклоняешь
Она дрожащею рукой:
Онъ завладѣлъ —
Затрепеталъ крылами онъ,
И вырывается у Леды
И дѣтства крикъ и нѣги стонъ.

* * * *

•••••

XX.

РАЗЛИЧНЫЯ ПОТРЕБНОСТИ.

Для ума пошребень Геній,
Для разсудка — опытъ лѣтъ;
Для гусара — конь игреній,
Для прелестницы — корсетъ.
Для романа нужно чувство,
Для сатиры — ѣдка соль;
Торгашамъ (*) плутовъ искусство,
Скареду — Тартюфа роль;
За дѣвицами — смотрѣнье,
Для ревнивыхъ — сто очей
Для влюбленныхъ — снисхожденье,
И терпѣнье . . . . для мужей!

С. Н.

Нераевъ

~~~~~

(*) Не Литературнымъ ли? И з д.

XXI

НА СВИДАНІЕ СЪ СЕСТРОЮ.

Вотъ, мой другъ, и братъ твой нѣжный
 Возвращенъ опять къ тебѣ:
 Видитъ образъ твой любезный, —
 И не вѣрнѣ самъ себѣ....

Въ сладкомъ сердца упоеньѣ
 Гостю мнитсѣ, будто сонъ
 Льстнншъ его воображенъе,
 Что мечтой обманушъ онъ.

Ахъ! увѣрь его скорѣе,
 Что прошла пора мечпанъе,
 Обними его нѣжноѣ,
 Дай себѣ разцѣлованъе!

И своею лаской милою
 Разгони, мой другъ, разсѣи
 Мракъ въ душѣ его унылой,
 Сердце бѣдное согрѣи.

Много слезъ въ семъ разлученьи
 Сиротой одинъ онъ лнлъ,
 Много скорби, огорченъи
 Безъ тебѣ опячъ сноснлъ....

Но почто воспоминаемъ
 Намъ смущатъ столь сладкой часъ? —
 Ты со мной!.... вѣнецъ желанъиамъ!
 Кто теперь счастливѣи насъ?

С. Н.

СТАТЬИ ОСОБЕННЫЯ.

I.

*Короткій отвѣтъ Ки. Одесскаго Г-ну
Булгарину.*

Скажите мнѣ, Милоспивый Государь, Г. Булгаринъ, какой умный и благовоспитанный человѣкъ рѣшился позволить себѣ вольноспии выходящія за предѣлы всякой благопристойности, которыя вы позволили себѣ въ послѣднихъ Но-хъ Литературныхъ Листковъ вашихъ. Васъ прогибвали жесткія истины, сказанныя мною вамъ подъ видомъ шушки, совсѣмъ не обидной; васъ раздосадовало то, что я не подорожилъ вашими похвалами. Вѣрю! Но послушайте, Г. Булгаринъ; что не нуждаюсь въ похвалахъ вашихъ я доказалъ епо въ III-й части Мнем.; что не обижаюся вашею бранью—доказываетъ вамъ теперешнее мое хладнокровіе. Я молодъ, не произвелъ ничего еще такого, чтобы могло дать мнѣ право даже на званіе Автора: если суждено мнѣ быть хорошимъ Писателемъ, то брань ваша не достигнетъ до меня; суждено мнѣ быть дурнымъ Сочинителемъ, никакія похвалы Г. Булгарина не спасутъ меня отъ забвенія. — Теперь же оканчи

ваю навсегда Журнальные перебранки, они мнѣ прискучили, постараюсь даже и вамъ не отвѣчать болѣе, ибо время *А* также опредѣляю, какъ отецъ Хемницерова Метаматематика.

Вопь вамъ мой отвѣтъ, Г. Булгаринъ; другой спалъ бы отвѣчать вамъ совсѣмъ иначе; но я — не хочу; я и такъ довольно унижалъ себя, по молодости входя въ сношенія съ людьми, которыхъ разсуждаешь не въ сосноянїи, а шушокъ не понимающъ и не стоящъ. Прощайте!

P. S. Сверхъ того прошу васъ, Г. Булгаринъ, увѣдомить меня и моихъ чинапелей изъ какой *извѣстной рукописи* по вашему мнѣнїю, взята моя повѣсть; ешаго не должно было ославлять на догадку; если вы хопѣли сказать, что мое сочиненіе взято изъ собственной моей рукописи — въ такомъ случаѣ удивляюсь вашему осиромїю.

*Замѣчанія на письмо къ Изд. Л. Л.
Госп.—Ий - ова.*

Читатели спросятъ можетъ быть насъ, почему мы не отвѣчаемъ на Криптику Г. Ий - ова, помѣщенную въ 21 и 22 N. Л. Л.; не отвѣчаемъ по двумъ причинамъ, 1-е, опле́шны на всѣ его возраженія найдется уже въ III части Мнем., а 2-е, что онъ Г. Ий-овъ переважно доказываетъ, будто-бы давно забытый Бупервекъ теперъ въ великой модѣ, спавитъ его на одну доску съ Шлегелемъ, и сверхъ того говоритъ: *Излишняя ученость едва ли не вреднѣе полу-учености.* (*) Увѣряю моего милого и забавнаго Рецензента, что ни я, и никто даже самъ Издатель Сѣв. Арх. и Лип. Л. (что ешаго убѣдительнѣе?) неподозрѣваютъ его Г. Ий-ова въ излишней учености — въ спомъ страшномъ грѣхѣ, а Читателямъ моимъ объяснитъ честь имѣю, что я, съ такими учеными людьми, каковъ Г. Ий-овъ никогда не спорю, а встрѣчаясь съ ними униженно кланяюсь и говорю: „Точно такъ, Милостивый Государь, вы правы!“

(*) Съ дипломатическою точностію выписаны слова сіи достойнаго Сѣвернаго Архива и Липтер. листковъ изъ статьи Г. Ий-ова въ 21 и 22 No Лип. Лист. на 94 стр. стр. 5 и 6 съ вер.

3.

*Нѣсколько словъ о Мнемозинѣ самихъ
Издателей.*

Принимался говорить о нашемъ Изданіи, мы не знаемъ должно ли намъ прежде благодарить Публику за благосклонное принятіе онаго, или извиняться почти въ непрощительной медленности, съ кою вышла послѣдняя часть.

Надобно признаться, что Мнемозина явилась въ свѣтъ подъ созвѣздіемъ, весьма неблагопріятнымъ: при самомъ началѣ печатанія два камня, приготовленные для литографированія картинокъ къ I-й части лопнули; и хотя съ большею поспѣшностію (*) были нарисованы вновь картинки, однакожь не смотря на то, задержали выходъ первой части; замедленіе оной повлекло за собою замедленіе и прочихъ частей; къ етому же присоединилися другія обстоятельства, копорыя, какъ обыкновенно говорятъ, совсѣмъ не важны для Публики,

---

(*)И потому весьма неудачно.

но весьма важны для Издашелей. Теперь—, желая хопя нѣкопорымъ образомъ вознаградишь нашихъ подписчиковъ за долгое, и судя по часпымъ, присылаемымъ къ намъ претребованіямъ, довольно неперпѣливое ожиданіе, мы увеличили IV часть почпи въ половину болѣе проширу претжихъ; не знаемъ будепть ли она по етому лучше, но знаемъ, по крайней мѣрѣ, что въ свѣпѣ полцина часто замѣнелпть многія другія достомишва.

Замѣчательпо. что Мнемозина еше претжде своего выхода надѣлала много шума: одно названіе оной помѣщенпое въ объявленіи, заставило нашихъ *ученыхъ людей* ломать себѣ голову: многіе, очень многіе добивались, *то такое Мнемозина, поему, за тѣмъ, и какъ она Мнемозина*; одинъ изъ шаковыхъ Философовъ, желая показать свою ученоспъ претважно спрашивалъ у Издашелей: „Мнемозина — не одна ли изъ фурій?“ (*) другіе подобные сему Философы не могли поспигнуть какимъ образомъ. Издаше въ *родѣ Альманаховъ* можетъ быпъ въ 4 шона. Ошъ шакихъ Судей нѣчего было ожидать добраго и появлеше I-й части Мнемозины подшвердило ешо заключеніе.

(*) Нужно ли говорить, что онъ смѣшивалъ Мнемозину съ Мемезидою.

Сперва наше Изданіе слегка разшевелило маленькое самолюбіе маленькихъ людей, почтающихъ себя великими; въ послѣдствіи времени объявивъ войну почти всѣмъ Русскимъ Журналамъ, почти всѣмъ старымъ предразсудкамъ (*);— оно необходимо должна была навлечь на себя негодованіе преданныхъ онымъ, должна была испытать всю силу смѣшнаго Журнальнаго мщенія; Издатели предвидѣли это, знали участь, копорая ожидаетъ всякаго, осмѣливающаго издѣваться надъ закоренѣлыми заблужденіями — и заранѣе презирали ничтожный крикъ самолюбиваго невѣжества, копорое, будучи довольно своимъ щасливымъ состояніемъ, не хочетъ и не можетъ вообразить, что за тѣмъ кругомъ, копорымъ оно себя ограничило, существуютъ какія либо знанія, какой либо особенный образъ сужденія. — Издатели, повторяю, презирали недоброжелательныя о себѣ толки; главнѣйшая цѣль Изданія нашего была—распространить

(*) А что новость, какая бы она ни была всегда находятъ порицателей, тому могутъ служить доказательствомъ нелѣпыя нападки на *Горю отъ Ула*, Комедію Грибоѣдова, на произведеніе истинно дѣлающее честь нашему времени, блистающее всею свѣжестью иворческаго вымысла; произведеніе заслужившее уваженіе всѣхъ своихъ читателей, кромѣ нѣкоторыхъ привязчивыхъ говоруновъ, копорые, сами не имѣя способности производить, досадуешь за чѣмъ другіе ее имѣють.

нѣсколько новыхъ мыслей, блеснувшихъ въ Германіи; обратитъ вниманіе Русскихъ читателей на предметы въ Россіи мало извѣстные, по крайней мѣрѣ, заставитъ говорить о нихъ; положитъ предѣлы нашему пристрастію къ Французскимъ Теорикамъ; наконецъ покажетъ, что еще не всѣ предметы исчерпаны, что мы опыскивая въ чужихъ странахъ бездѣлки для своихъ занятій, забываемъ о сокровищахъ, вблизи насъ находящихся. И Издатели Мнемозины могутъ похвалиться, что нѣкоторыми образомъ достигли своей цѣли; Литературные листки, Сынъ Опеch., Сѣв. Архивъ, нападая на Мнемозину, списывали и теперь еще списываютъ изъ нее сужденія о Французской Словесности, о необходимости народной Поезій; даже въ Литературныхъ Листкахъ, Мнемозина заставила толковать о Шеллингѣ и Окенѣ, хотя и на изворотъ; заставила Журналистовъ говорить о Нѣмецкихъ мыслителяхъ такъ, что иногда подумаешь, будто бы наши крипики въ самомъ дѣлѣ читали сихъ послѣднихъ. — Знакъ добрый! Можешь быть, недалеко уже то время когда сужденія, основанныя на законахъ непремѣняемыхъ, произведенія, блистающія порядкомъ и свѣтлостію мыслей, займутъ мѣсто нашихъ обыкновенныхъ, пустыхъ, сбивчивыхъ, Журнальныхъ Теорій и Литературныхъ уроковъ; когда истина восторжес-

спивуетъ надъ заблужденіями и умолкнуть наши ничтожныя Судіи въ Наукахъ.

За дѣло ли принимались Издаатели Мнемозины о томъ пусть разсудятъ люди *мыслящіе*; но, по крайней мѣрѣ, мы дѣлились съ читателями тѣмъ, что сами имѣли, дѣлились малымъ — конечно, но не хотѣли морочить Публику наслышными знаніями; не поспунали подобно тѣмъ, которые издають Гораціи, не зная Латинскихъ склоненій, которые выдають себя за Археологовъ и дѣлають на каждомъ шагу ученическія ошибки, оговариваясь пословицей: *дѣло мастера боится*, не поспунали подобно шѣмъ, которые заучивъ нѣсколько страницъ изъ Вагше подводятъ все то, что на глаза попадется подъ свои условныя правила.

Наконецъ, да позволено будетъ нашему самолюбію сдѣлать еще одно замѣчаніе: что мнѣнія, которыми мы желали распространить несовершенно ложныя, въ томъ увѣряемъ насъ то, что ни одно изъ нашихъ мнѣній не было опровергнуто, а что вмѣстѣ того, наши противники прибѣгнули къ обыкновенному орудію безсилія: — они стали толковать о вредѣ отъ излишней учености; стали укорять насъ въ хвастовствѣ знаніями; однимъ словомъ, опивѣчали намъ пономъ, который обыкновенно употребляютъ простолудимы, говоря: „*мы люди неученые.*“ — Вѣримъ!

На сей годъ прекращаемъ наше Изда-
ніе, при благопріятнѣйшихъ обстоятель-
ствахъ можетъ быть, возобновимъ его; и
не смотря на всѣ его недоспапки, мы ла-
скаемъ себя надеждою, что люди мыслящіе
и испинно просвѣщенные, если и budouть
порицать насъ за недоспапки исполненія,
то не похулятъ за намѣреніе.

Впрочемъ за чѣмъ на прощаньи со-
ришься и съ тѣми изъ нашихъ Судей,
которыхъ уличаемъ въ невѣжествѣ и за-
коснѣніи; миръ со всѣми! Въ доказатель-
ство же нашей къ нимъ благосклонности,
посвящаемъ имъ нижеслѣдующее преданіе:

ОДИССЕЕВЪ КОНЬ.

*(Посвящается многимъ судіямъ и нѣкто-
рымъ Читателямъ Мнемозины).*

Вы вѣрно знаете, друзья мои, милого
простодушнаго *Калликона*! Знаете какимъ
слабоуміемъ, испинно завиднымъ въ наше
время, одарила его Природа. Вы вѣрно по-
мните, что сдѣлалъ онъ, захопѣвши пре-
даться *Морфею*: какъ положилъ онъ подъ
голову глиняный сосудъ, какъ сосудъ по-
казался ему жесткимъ и какъ чтобы сдѣ-
лать свое изголовье годнымъ къ употре-
бленію, онъ вздумалъ набить его соломю.

Про ешаго самаго *Калликона* я нашелъ
странное сказаніе въ одной древней руко-

писм. Ученые Комментаторы увѣряють, что она подложная; но чего они не выдумаютъ? Рукопись, вопреки всѣмъ епимъ. Господамъ, утверждаетъ, что мой герой находился въ числѣ пѣхъ воиновъ, конторы были засажены спарикомъ Одиссеемъ въ деревянную лошадь предъ Троею.

Опятьгошѣвъ опъ даровъ Вакховыхъ, Калликонъ безпечно попягивался на самохъ мѣстѣ желудка въ огромномъ чревѣ.

„Какъ душно и темно теперь на свѣтѣ говорилъ онъ своему поварищу...“

— Не вѣкъ здѣсь бытъ—опивѣталъ ему воинъ, придепъ время и мы выйдемъ отсюда — пригошовлий оружіе.

„Выйдемъ?... куда?“

— На свѣтъ, въ Троею!

„И япо шебѣ сказалъ епо—“ возразилъ Калликонъ засмѣявшись „я давно уже смонрѣлъ во всѣ стороны и теперь ивердо увѣрился, что и Греція и Троя и весь свѣтъ — все здѣсь, въ епомъ желудкѣ, что больше ничего не существуетъ и существовать не можетъ.“

Вы смѣшесь, друзья мои; рѣчи просподушнаго Калликона, но берегитесь! смотрите какъ смѣхъ вашъ разшевелилъ Калликоновъ нашего времени, какъ грозно выглядываютъ они на васъ изъ своихъ желудковъ, въ которые спряпались съ головой и съ ногами!

О д в с к.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ и ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНИЕ ВСѢХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЕЙ МНЕМОЗНИЦЫ.

Ф И Л О С О Ф И Я .

Части : I. II. III. IV.

	<i>Страницы :</i>			
1. Афоризмы изъ различныхъ Писателей по части Современнаго Германскаго Любомудрiя (Кн. Одоевскаго) . . .	—	84	—	—
2. Кантъ — изъ Сталь-Голстейнъ (А. Борова)	—	—	95	—
3. О способахъ изслѣдованiя Природы (лн)	—	—	—	1.
4. Секта Идеалистико-Елеатическая — отрывокъ изъ Словаря Испорiи Философiи (Кн. Одоевскаго)	—	—	—	160.

ИЗЪЦНАЯ ПР О З А .

А п о л о г и :

6. Старикъ, или Островъ Панхай (Кн. Одоевскаго)	1	—	—	—
7. Дервишъ (его же) . . .	—	—	1	—
8. Солнце и младенецъ (его же)	—	—	4	—
9. Два Мага (его же) . . .	—	—	7	—
10. Алогiй и Епименидъ (его же)	—	—	9	—

	<i>Части :</i>			
	I.	II.	III.	IV
11. Эмблемы (В. Т—ва) .	—	—	24	—
12. Радуга — цѣпы — Ино- сказанія (Кн. Одоев- скаго	—	—	88	—
13. Новый Демонъ (его же)	—	—	—	35.
14. Моя управительница (его же)	—	—	—	42.
15. Служники жизни (П. Поленаго)	—	—	—	56.
16. Одиссеевъ конь (Кн. Одоевскаго	—	—	—	255.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ.

17. Извлеченіе изъ Записокъ Генераль-Маіора Д. В. Давыдова . .	15	—	—	—

ПУТЕШЕСТВІЯ.

18. Очерки изъ путеше- ствія по Германіи (В. Кюхельбекера) .	61	51	—	—
19. Очерковъ изъ путеше- ствія по Германіи и Полуденной Франціи (В. Кюхельбекера) .	—	—	34	—
20. Очерковъ изъ путеше- ствія по Полуден- ной Франціи (В. Кю- хельбекера)	—	—	—	66.

ПОВѢСТИ, ОТРЫВКИ ИЗЪ РОМАНОВЪ, СМѢСЬ.

21. Адо — Ештофская По- вѣсть (В. Кюхельбе- кера)	119	—	—	—

	<i>Части :</i>			
	I.	II.	III.	IV.
	<i>Страницы :</i>			
22. Елладій—Картина изъ свѣпской жизни (Кн. Одоевскаго)	—	94	—	—
23. Бельфегоръ — изъ Махиавели съ Ишальянскаго	—	—	63	—
24. Слѣдствія Сапирической спашьи — опривокъ изъ Романа (Кн. Одоевскаго)	—	—	125	—
25. Характеръ (его же)	—	—	63	—
26. Тимонъ, или Мизантропъ — изъ Лукіана — съ Греческаго (С. Шевырева)	—	—	—	105
27. Многомѣры изъ Жанъ-Поля Рихтера — съ Нѣмецкаго (В. Кюхельбекера)	182	—	—	—
28. Земля Безглавцевъ (В. Кюхельбекера).	—	143	—	—
29. Извлеченіе изъ Письма къ Е—ду (О. М.)	172	—	—	—
30. Листки изъ Парнасскихъ Вѣдомостей (Кн. —двск—)	—	—	—	—
31. Мысли (С. Н.)	—	—	—	51.

КРИТИКА и АНТИКРИТИКА.

32. Замѣчаніе на Рипорику Г. Мерзлякова (Кн. Одоевскаго)	62	—	—	—
33. О направленіи нашей Поезій особенно Лирической въ послѣднее десятилѣтнее (В. Кюхельбекера)	—	29	—	—

	Части : I. II. III. IV.			
	Страницы :			
34. Письмо въ Москву къ В. К. Кюхельбекера о запискахъ Новоспей Литерашуры и Инвалида Г. Воейкова (Кн. Одоевскаго)	—	—	165	—
35. Ошвѣтъ Г. С. (В. Кюхельбекера)	—	159	—	—
36. Нѣчто въ родѣ Опе-чашки или ошвѣтъ Кн. Шаликову (Кн. Одоевскаго)				безъ No.
37. Разгворъ съ Ѳ. В. Булгаринымъ (В. Кюхельбекера)	—	—	157	—
38. Прибавленіе къ сему разговору или Замѣчаніа на спашью: Журнальныя спашьи (Кн. Одоевскаго)	—	—	173	—
39. Коронкой ошвѣтъ Кн. Одоевскаго Г. Булгарину	—	—	—	227.
40. Замѣчаніе о ученомъ и глубокомысленномъ Ію-онѣ	—	—	—	229.
41. Мнѣніе о Мнемозинѣ самихъ Издателей	—	—	—	230.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Отрывки Драматическіе:

42. Отрывки изъ Аристофана (Кн. Шаховскаго)	26	—	—	—
43. Прологъ Трагедіи съ хорами: <i>Арзиване</i> (В. Кюхельбекера)	—	1	—	—
44. Отрывокъ изъ Трагедіи Маріи Спуртъ (Ник. Павлова)	—	86	—	—

Части: I. II. III. IV.

СТИХОТВОРНЫЕ РАЗ-
СКАЗЫ:

	Страницы:			
45. Святополкъ (В. Кюхельбекера)	53	—	—	—
46. Ручей Улькушъ (С. Нечаева)	112	—	—	—
47. Конналь и Гальвина (В. Вердеревскаго)	116	—	—	—
48. Видѣніе	—	47	—	—
49. Суета суетспвій	—	—	—	—
50. Еропы (Е. Рапча)	—	152	—	—
51. Рогдаевы псы (В. Кюхельбекера)	—	—	13	—
52. Выкупъ Оссіана (Писарева)	—	—	143	—
53. Амуръ Живописецъ (В. Кюхельбекера)	—	—	—	63.
54. Олимпійскія игры (его же)	—	—	—	96.
55. Опрывки изъ Поемы: Эда (****)	—	—	—	216.
56. Леда (****)	—	—	—	221.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХО-
ТВОРЕНІЯ:

57. Давидъ (А. Грибоева)	24	—	—	—
58. Къ Богу (В. Кюхельбекера)	51	—	—	—
59. Елегія (Н. Павлова)	111	—	—	—
60. Елегія (Павлова)	—	68	—	—
61. Пѣснь Спрадальца (А. Мансурова)	70	—	—	—
62. Проклятіе (В. Кюхельбекера)	—	72	—	—

	<i>Части :</i> I. II. III. IV.			
63. Прощаніе Воина (Кн. Вяземскаго)	45	—	—	—
64. Одинокество — изъ Ламаршина (Волкова)	—	140	—	—
65. Новая Нина (С. Нечаева)	—	133	—	—
66. Демонъ (А. Пушкина)	—	—	11	—
67. Заспальная пѣснь Трековъ (С. Нечаева)	—	—	58	—
68 Упованіе на Бога (В. Кюхельбекера)	—	—	84	—
69. Свиданіе (—й—)	—	—	155	—
70 Смерть Байрона (В. Кюхельбекера)	—	—	190	—
71. Жершвы Амуру (—й—)	—	—	—	49.
72. Гимнь Вакхусу — изъ Гомера (В. Кюхельбекера)	—	—	—	92.
73. Къ Морю (А. Пушкина)	—	—	—	102.
74. Очки (Елегія)	—	—	—	153.
75. Ливонія (Н. Языкова)	—	—	—	156.
76. Пѣсня	—	—	—	158.
77. Буря (****)	—	—	—	214.

ПОСЛАНИИ :

78. Къ Графу Чернышеву въ деревню (Кн. Вяземскаго)	47	—	—	—
79. Къ ** при по священіи перевода Трагедіи: Марія Сипуаршъ (Н. Павлова)	171	—	—	—
80. Рылѣву (Кюхельбекера)	—	155	—	—
81. Къ *** (С...аго)	—	—	31	—
82. Къ Нинѣ	—	—	60	—
83. Къ Барону Розену (В. Кюхельбекера)	—	—	93	—

Части: I. II. III. IV.

С М Ъ С Ъ.

Страницы:

84. Эпиграммы (П....аго)	110	—	—	—
85. Опрывки изъ Поемы : Искусство любить (В. Головина)	136	168	—	—
86. Эпиграммы (Кн. Благо)	—	44	—	—
87. Вечеръ (А. Пушкина)	—	85	—	—
88. Сонетъ (С....аго)	—	—	23	—
89. Слеза	—	—	33	—
90. Надпись къ портрету Автора Крапкой Геогра- фiи въ стихахъ	—	—	62	—
91. Альбомъ (С. Нечаева)	—	—	86	—
92. Различныя попребно- сти (его же)	—	—	—	223.
93. На свиданiе съ се- спрою (его же)	—	—	—	224.

ИМЕНА ПОДПИСАВШИХСЯ НА МНЕМО-
ЗИНУ, ПО ВРЕМЕНИ ПОДПИСКИ.

В ъ М о с к в ѣ :

Его Сіятельство Кн. П. И. Одоевскій в экз.

Ея Превосходительство В. И. Ланская.

Его Сіят. Кн. А. А. Масальскій.

Его Сіят. Кн. Ю. И. Трубецкій.

Ея Сіят. Граф. Н. А. Зубова.

———— Гр. Мих. Ю. Віелгорскій.

———— Гр. Мат. Ю. Віелгорскій.

Его Выс. Ст. Н. Вѣгичевъ.

Его Выс. Д. Н. Бѣгичевъ.

Его Выс. Н. А. Чирковъ.

Ея Прев. А. П. Глазова.

Его Сіят. Кн. В. С. Львовъ.

———— Кн. В. В. Львовъ.

Его Выс. С. Д. Полторацкій.

Его Прев. П. Л. Давыдовъ.

Его Выс. В. Л. Давыдовъ.

Его Выс. А. Л. Давыдовъ.

Его Сіят. Кн. В. М. Кугушевъ.

Ея Выс. Е. И. Мещерянова.

Его Сіят. Кн. И. С. Одоевскій.

Его Выс. Г. И. Дурновъ.

Его Сіят. Кн. Н. И. Трубецкій.

Его Выс. С. П. Жихаревъ.

Ея Выс. Вакселева.

Его Выс. Мальцевъ.

Его Выс. П. П. Коробинъ.

Его Прев. Н. М. Сипягинъ.

- Его Выс. А. В. Всеволодскій.
 Его Прев. Ф. Ф. Кокошкинъ.
 Его Выс. Я. Ф. Скоряшинъ.
 Его Выс. Алмазовъ.
 Его Выс. В. И. Ионъ.
 Его Выс. Ершовъ.
 Его Выс. М. А. Дмитриевъ.
 Его Сіят. Ки. С. М. Голицынъ.
 Его Вл. И. Н. Герингъ.
 Его Выс. И. В. Чертковъ.
 Его. Выс. П. И. Колошинъ.
 Его Выс. Ф. Ф. Малышевъ.
 Ея Прев. В. Н. Нарышкина.
 Его Выс. Ф. Ф. Матюшкинъ.
 Его Выс. И. П. Нѣмовъ.
 А. Ф. Смирдинъ. 20 экз.
 Его Выс. Ленивецъ.
 Его Прев. И. А. Барашинскій.
 Его Выс. М. Ф. Митковъ.
 Его Выс. М. Л. Яковлевъ.
 Его Выс. Н. А. Охошниковъ.
 Его Выс. А. Ф. Ягубовичъ.
 Его Выс. С. Д. Нечавъ.
 Его Выс. Н. М. Коншинъ.
 Его Выс. П. А. Степановъ.
 Его Выс. Нащокинъ.
 Незавѣстный.
 Его Прев. А. И. Тургеневъ.
 Ея Прев. А. П. Дурасова.
 Его Выс. В. А. Обрѣзковъ.
 Его Выс. Н. М. Бравинъ.
 Его Выс. П. Я. Жаровъ.
 Его Выс. Д. П. Глѣбовъ.
 Его Выс. Ушаковъ.
 Его Выс. Д. П. Яковлевъ.

Х

Его Выс. Прев. А. С. Кологривовъ.
Его Прев. А. А. Писаревъ.
Его Прев. Д. Н. Бантышъ-Каменскій.
Его Выс. С. А. Хомяковъ.
Баронъ Штейнгель.
Е. А. Лукошкинъ.
С. О. Суворовъ.
Господинъ Казановъ.
Оберъ Прав. Мейстеръ П. И. Милицкій.
Его Выс. Кавалевъ.
Ея Выс. Е. П. Струкова.
Его Бл. В. П. Ивашевъ.
Его Выс. Л. О. Богдановичъ.
А. А. Кулиновскій.
Лмбургскаго Улан. Полка Юнкеръ Н. П. Волковъ.
Его Благ. А. А. Елагинъ.
Я. В. Сленцинъ.
Баронъ С. Н. Петровъ.
Юс. Ев. Смолинъ.
Н. А. Сабининъ.
Ген. Лейт. И. В. Чертковъ.
Его Вл. А. А. Санниковъ.
Его Бл. Горностаевъ.
Его Выс. В. М. Кулебякинъ.
Коллеж. Совѣт. И. Д. Грезовскій.
Пол. А. Л. Пошехинъ.

Въ Петербургъ:

Его Пр. Ар. Ал. Спалынинъ.
Его Бл. М. М. Данауровъ.
——— П. П. Мяслевъ.
——— Ф. С. Хомяковъ.
——— Пусловскій.
Камеръ-Юнкеръ Собанскій.

Неизвѣстный.

Его Бл. И. Д. Лужинъ.

Его Выс. Н. В. Ланской.

Его Сіят. Кн. В. А. Долгорукій.

———— Кн. М. Ф. Голицынъ.

———— Кн. Мещерскій.

———— Кн. Гагаринъ.

———— Гр. Ливенъ.

———— Гр. Е. Ф. Комаровскій.

———— Гр. Манштейфель.

Его Бл. А. А. Сухаревъ.

Его Выс. П. П. Свиньинъ.

Книгопр. Ив. Ив. Большой-Занкинъ.

Въ разныхъ Городахъ:

Его Выс. А. Я. Жмакинъ.

Его Бл. В. И. Мелиховъ.

Его Бл. А. И. Скворцовъ.

Ея Выс. Н. И. Жуковъ.

Его Выс. И. А. Впоровъ.

Его Сіят. Глав. 1-й Арміи Гр. Ф. В. Остенъ-Сакенъ.

Его Прев. Гр. Гр. Бѣлоградскій.

Его Сіят. Гр. В. А. Мусинъ-Пушкинъ.

Его Выс. В. А. Глинка.

Его Сіят. Гр. М. Д. Толстой.

Его Выс. Ст. О. Вишневскій.

П. Ф. Ивановъ.

Его Выс. Ф. П. Игнатъевъ.

Его Выс. П. П. Бабкинъ.

Ея Выс. А. А. Наумова.

Его Выс. М. П. Зеровъ.

Его Выс. И. Ф. Ефимовъ.

Его Выс. П. П. Алмазовъ.

XII

- Его Выс. А. И. Биркенъ.
Его Выс. П. И. Яблочковъ.
Его Выс. П. Я. Исуповъ.
Его Выс. Н. М. Сытинъ.
А. И. Федоровъ.
Ея Выс. Л. Я. Лярская.
Его Выс. Ник. А. Мельгуновъ.
А. Е. Лавровъ. 2 экз.
Ея Выс. Н. В. Трегубовская.
Его Прев. Р. И. Ховенъ 13 экз.
Его Выс. И. Лихонинъ.
Его Выс. С. П. Петровъ.
Его Выс. И. П. Соколевъ.
Его Выс. И. Б. Ивановъ.
Ея Выс. Е. И. Сабинина.
Его Выс. О. П. Михайловъ.
Его Выс. И. О. Ружницкій.
Гвар. Шт. Кап. Н. А. Лопухинъ.
Его Сіят. Гр. С. М. Каменской.
Лейт. 6-го Фл. Эк. П. Станицкій.
Его Выс. Бл. И. Я. Пошемкинъ.
Его Выс. Бл. А. М. Маршвиновъ.
Его Бл. Г. Ал. Костомаровъ.
Арм. Подпол. Флиге.
Ген. Маіоръ Сшаль.
Симб. Вице Губ. Грибовскій.
Его Бл. А. М. Мацшыновъ
Ком. 41-го Ег. пол. Пол. Авенариусъ.
Ком. Низов. пѣхот. пол. Подпол. Левенталь.
Каз. Драг. пол. Шт. Кап. А. Н. Чершковъ.
Ея Выс. С. В. Гринева.
Его Выс. С. С. Веселовскій.

О П Е Ч А Т К И

в ъ IV т а с т и.

Напечатано:

Читай:

Стран.	Стр.		
3	1 с. н.	усамприваются	усмаприваются
93	7 —	нарусь!	нарусь!
—	4 —	повеземъ	повеземъ
95	2 с. в.	успранимся	успраниться
98	2 —	вѣковъ	вѣнокъ
102	15 —	тишину	тишину
104	1 —	онустѣль	опустѣль.
114	1 —	заступомъ	заступомъ
147	6 —	казнонилице	казнохрамилице
156	1 —	шы	ты
158	5 с. н.	тобой тобой	тобой
160	6 с. в.	Правда, мы бо- гаты	Правда, мы небѣд- ны
—	7 —	ками	Лечебниками
171	2 —	младенчеству	младенчеству
191	9 —	стремленію	стремленія
192	8 —	въ голосъ	въ головъ
211	4 —	оною	оной
212	1 —	дѣйствующіе	дѣйствующія
—	14 —	дѣйствующіе	дѣйствующія
223	7 —	дѣ. дыва	дѣвства.
232	2 с. н.	главиѣщая	главиѣшая.

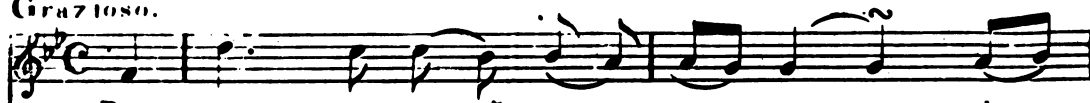

СЛЕЗА — РОМАНСЪ.

Слова А. С. Пушкина. Музыка М. Яновлева.
Grazioso.

Голосъ

Вче - ра за ча - шей пун - ше - во - ю сб гу -

Форте - ПIANO

са ромб и си - дѣлъ и мол - ча сб мрачно - ю лу -

шо - ю на даль - ній путь гая - дѣлъ.

2.

-Снажи, что смотришь на дорогу?
 Мой храбрый спросил:—
 Еще по ней ты, слава Богу,
 Друзей не проводил.—

3.

В груди поникнув голову,
 Я скоро прошептал:
 «Гусарь! ужь ишь ее со мною»
 Вдохнул и замолчал.

4.

Слеза повисла на рбеницъ
 И канула въ бокаль...
 Дитя! ты плачешь о дбвицъ?
 Стыдись!— онъ жричалъ.

5.

«Оставь, гусарь!— отъ сердцу больно.
 Ты янать не гревалъ:
 Увы! одной слезы довольно,
 Чтубь отправить бокаль.»

Размапривалъ ценсоръ И. Снегиревъ